

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9-279/2025

СОЮЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наш майский номер журнала полностью посвящен великой дате — 80-летию Победы! На этот раз мы решили не разделять его на привычные нашим читателям рубрики, а с разных точек зрения всмотреться в лица тех, кто пережил страшные годы войны, кто не дожид до нынешнего праздника, кто в детском и подростковом возрасте вложил в Победу свои силы и чувства. И, конечно, обязательно рассказать вам о тех премьерах, посвященных великой дате, что подготовили театры разных городов страны.

Эта тема будет проходить и через следующие наши номера, потому что она живет в каждом — даже в тех, кто знает о войне со скурых слов своих родителей, бабушек и дедов, близких родственников, вернувшихся с кровавой войны и до конца жизни не забывающих своих товарищей-однополчан, оставшихся в том времени навсегда, так и не успев дожить до старости.

Мы дорожим каждым именем тех, кто освободил мир от идеологии «сверхчеловека», созданного для истребления людей, даже не зная имен многих миллионов воинов и мирных жителей не только нашей страны, но едва ли не половины мира. Имен погибших и выживших, принесших всем Победу.

Дорожим и гордимся каждым!

Праздник «со слезами на глазах» 9 мая приходит в дома тех, кто никогда не забывает, какой ценой была завоевана эта Победа. Все меньше остается тех, кто пережил те годы на фронтах, в тылу, будучи совсем юными или опытными участниками боев Красной армии, прошедшими Финскую войну. Они в едином ряду для нас, независимо от возраста в те горькие годы. И потому на страницах этого номера нашего журнала мы соединяем их в единую Армию Мира: голоса тех, кого нет, звучат рядом с голосами тех, кто дожил до глубокой старости; тех, у кого остались детские воспоминания; с детьми и внуками, которые сегодня отдают дань вечной памяти этим людям своими спектаклями, фильмами, концертами.

У этой темы нет и не может быть границ, как нет их у чувств гордости, благодарности и памяти...

С Великим Праздником, друзья!

Ваша Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Лауреат ПРЕМИИ МОСКВЫ
Лауреат премии «ТЕАТРАЛ»

СЕЗОН 2024–2025

На обложке: Ленинград, Октябрь, 1941. Фото Анатолия Гаранина

СОДЕРЖАНИЕ

80 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	
Воспоминания участников и очевидцев Великой Отечественной войны	
С.В. Дружининой,	
В.В. Благодетелевой,	
А.А. Бобылькова,	
М.Ю. Комаровой,	
Е.З. Медведевой (Дом ветеранов сцены имени М.Г. Савиной, Санкт-Петербург).	2
Отар Дадашкилиани (Нижний Новгород).	
Г. Трефилов	14
Альфия Айдарская (Казань).	18
А. Абсаямова	
Эмилия Григорьева (Самара).	23
А. Лазанчина	
Блокадные дневники балерин	
Ольги Иордан, Наталии Сахновской и оперного певца Ивана Нечаева	29
Николай Савицкий (Белгород).	33
Н. Почернина	
Евгений Слепых (Воронеж).	36
Е. Фомина	

Судьбы выпускников 1941 года	
Театрального училища имени Б. Щукина	39
Оренбургский драматический театр им. М. Горького. Живые свидетельства о Великой Отечественной.	48
М. Рябцева	
Драматический театр Северного флота (Мурманск).	57
М. Наумлюк	
Людмила Касаткина. (Москва)	66
Н. Старосельская	
Алексей Егоров (Хабаровск).	72
Е. Глебова	
История пьесы	
Ольги Берггольц.	79
М. Романова	
Брянск. И. Марченкова	90
Златоуст. Ю. Светлова	95
Иркутск. М. Рыбак	99
Краснодар. О. Жердева	104
Курск. К. Чекалёва	107
Нижний Новгород.	
А. Дудолодова	115
Оренбург. М. Рябцева	122

Ставрополь. О. Метёлкина	129
Томск. Т. Ермолицкая	134
Уфа. Е. Попова	138
«Завтра была война» (ЦАТРА). Е. Глебова	146
«Эшелон» (Московский драматический театр «Сфера»).	
А. Овсянникова-Мелентьева	152
IN BRIEF	
Церемония возложения венка и цветов к Могиле Неизвестного Солдата	12
Проект СТД РФ «Наши герои»	56
Благотворительный вечер для ветеранов Великой Отечественной войны	88
Книга «Артисты Победы. Фронтовые бригады ВТО»	144
Поддержка ветеранов Великой Отечественной войны и участников СВО	145
Помним...	156

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Долгая жизнь этих людей продолжается сегодня в Доме ветеранов сцены имени М.Г. Савиной. Мы благодарим их, поделившихся с нами памятью о горьких годах.

Светлана Владимировна Дружинина

Мой папа, Владимир Дружинин, был литератором, членом Союза писателей. Он был журналистом, и потом начал писать книжки. Мама, Нина Анурьева, была журналисткой. Она всю войну проработала в Ленинграде на радио, в знаменитой 7-й студии, была редактором Политвещания. Это была очень серьезная должность: она готовила к выступлению Ольгу Берг-

Светлана Владимировна Дружинина

гольц, всех городских начальников. А папа был сначала просто корреспондентом радио. Его по зрению не взяли на фронт. А в 42-м году он был призван в так называемый знаменитый 7-й отдел Ленинградского военного округа, Ленинградского фронта. Он занимался психологической обработкой противника. Поскольку он знал в совершенстве немецкий, он подъезжал к самой передовой линии и обращался к немцам на их языке. И потом с фронтом дальше шел. Домой он вернулся не в 1945-м году, а уже в конце 1946-го.

Первые мои воспоминания связаны, конечно, с блокадой. Я родилась в 1939 году. И самое странное, что я очень мало помню. Меня пытались вывезти, но это не удалось, так что всю блокаду я оставалась в городе.

Потом я пыталась расспрашивать маму, но ей категорически не хотелось об этом вспоминать. Она так тяжело переживала, ведь была свидетелем таких страшных вещей. И однажды она все-таки рассказала об одном случае. Она шла домой в темноте, возвращалась очень поздно из радиостудии и вдруг почувствовала, что словно наступила в глубокую лужу. А никакого дождя не было. И только потом она поняла, что это была кровь...

Когда уже после войны Театр Ленинского комсомола делал спектакль о 7-й студии, по радио объявили: пожалуйста, все, кто работал во время блокады, откликнитесь и расскажите. Я услышала это и уговаривала маму рассказать, но она категорически не хотела вспоминать.

У меня в памяти сохранились какие-то отдельные картинки. Вот одна, напри-

Маленькая Света с мамой

мер, и она оказалась реальной, я уточняла потом у мамы.

Когда звучала сирена, я почему-то помню себя на кровати. И очень хорошо помню, что мне надо было скорее, как можно скорее спрятаться с головой под одеяло. Это одеяло я словно до сих пор ощущаю под пальцами, помню его цвет, такой ярко-горчичный. Когда я спросила потом у мамы, действительно ли было так, она подтвердила... Естественно, нас как-то спускали в убежище, но все потом уже привыкали и не всегда спускались...

Я вспоминаю иногда смутно, словно в тумане, лицо бабушки, которая умерла. Деда не помню, он умер в 41-м году перед Новым годом от голода.

Мы сначала жили на Надеждинской, потом рядом упала бомба, и нас переселили в знаменитый дом на канале Грибодова, 9, в писательский дом.

Очень хорошо запомнила один рассказ мамы. Среди людей, которых она

готовила к выступлению, был начальник Горздравотдела профессор Машанский. Она пришла к нему домой. Это было перед Новым годом, и он сказал, что у него сюрприз для мамы. И протянул ей пирожное, эклер, сказав: «Я бы хотел, чтобы вы съели его при мне». Мама ответила, что она этого не может сделать, потому что у нее дома маленькая дочка, и она просит разрешить ей отнести это пирожное дочке. Ему ничего не оставалось, как это позволить. Но когда мама принесла это пирожное домой, вручила мне, я откусила его, пожевала и сказала: «Мама, дай мне хлеба». Это ее совершенно потрясло. Вот такая блокадная картинка...

Оказывается, память может быть благодатной, она все тяжелое отрубает. Первые месяцы, как мне рассказывали, мы прожили благодаря тому, что нашли внизу буфета варенье, засахаренные цукаты из корок. Эта банка очень по-

могла. А потом стало хуже, потому что бабушка и дедушка получали хлеб как иждивенцы — очень маленькие порции. И дедушка умер зимой 41-го, а бабушка умерла через год.

Бабушка должна была ехать со мной в эвакуацию, мы отправились в путь, но она умерла в дороге, и меня вернули обратно в Ленинград.

Вообще, я скажу так: хотя я мало могу рассказать о блокаде, нет у меня о ней связной памяти, но сформировалась психология блокадной девочки: это об отношении к еде, к хлебу, и масса каких-то вещей, которые даже не объяснить.

Когда сняли блокаду, я отчетливо помню вспышки салюта. Кто-то меня посадил на плечи. И я это вспомнила, спросила у мамы, она сказала, что так и было, даже назвала этого человека.

Двор нашего дома был интересный, я помню, какие-то странные жили там люди, какие-то сказочные. Однажды, когда мы играли, какой-то житель нашего дома, старик из другого подъезда, пригласил нас к себе и показывал нам совершенно сказочную коллекцию конфетных фантиков. Мы были потрясены!.. Какие коллекции фантиков? Какие годы? Это было, значит, до 50-х годов.

Во время блокады затемняли все окна, и вот у меня все время ощущение, что какая-то пелена черная связана с блокадой...

А после школы я поступила в Театральный институт на театроведческий факультет. Я была на практике в Ленинградском отделении издательства «Искусство», мне так понравилась эта работа, что я поняла: хочу работать только в этом издательстве и больше нигде.

И там я проработала редактором с 1964 по 1994 год — почти 40 лет.

Валерия Владимировна Благодетелева

Я родилась в Астрахани. Мне было около 15 лет, когда я начала работать в го-

Валерия Владимировна Благодетелева

спитале №1796. Помню, как в первые дни войны в Астрахани у нас летали самолеты, бомбили. В самые-самые первые дни уже не было занятий в школе, нас стали посылать за город, на заготовки. А когда оттуда вернулись, госпитали стали собирать. Мы жили в Астрахани напротив Картинной галереи, и в ней был госпиталь. И вот я там работала.

Потом — уже в начале 1942-го — госпитали стали эвакуировать, и я поехала со своим госпиталем дальше. Так мы оказались под Сталинградом. Там было тяжелее всего: было больше всего раненых. Когда их привозили, молодые девчонки сутками таскали тяжелые носилки, пара часов отдыха и снова — таскать, перевязывать, кормить. А раненых везли и везли. И тут же их раздевали, обрабатывали раны, а одежду всю сжигали. Мы обрабатывали раны и отправляли их по дру-

гим госпиталям. Многие бойцы болели тифом, потому что было много вшей. И хоть нам делали уколы, все равно мы, кто-то в легкой форме, кто-то в тяжелой, все тоже переболели.

Да и потом трудно было.

Потом наш состав — у нас был эвакуогоспиталь на железной дороге — переправили в Симферополь. По пути смотрим: ведут немцев в пилоточках, какими-то шарфиками закрыты. На ногах у них какие-то тряпки обмотаны. И так жалко стало!.. Когда наш состав останавливался, мы выбегали и им давали какие-то кусочки. Кто-то нам говорил: это же немцы! Но они же люди. Наверное, не все хотели воевать...

А потом уже прибыли в Симферополь, там мы долго были, и туда тоже много к нам раненых привозили.

В 1943-м году нас отправили в Польшу, и наш госпиталь стал русско-польским, то есть в нем работали и русские, и поляки. Тут уже меня сделали военнообязанной.

Помню, это было зимой, мы доехали до границы. Там бомбили, никак нельзя было проехать, и вот нас, молодежь, всех собрали, и мы 40 с лишним километров шли пешком. Если шла машина, нас подвозили до какого-то места, а потом мы снова шли пешком. Остановились в Быгдочи и до конца войны были в Польше. Мне дали палату раненых, и я за ними ухаживала. Причем, дали самую-самую тяжелую, в смысле того, что это были, как мы называли, челюстники. Тяжелые ранения у каждого: подбородка не было, иногда и челюсти до самого носа... Вот я за ними и ухаживала. Они держались за меня, конечно, некоторые и плакали, и я плакала, все было. Я их успокаивала, как могла, но больше они меня успокаивали: «Сестричка, да не надо, не плачь, ну так уж получилось...» У меня было восемь человек, их надо было кормить только лежа. Они ложились, и были такие, как чайники с носиками, на них трубочку надевали мягкую, ее клали на половину языка, и потихонечку наклоняли, чтобы

не захлебнулся... Там были поляки и русские раненые, польские и наши русские медсестры, но почему-то поляки всегда говорили врачам: «Пожалуйста, нам русскую сестричку!..» Наверное, потому что польские не любили работать: им не нравились люди без ноги, без руки, особенно — челюстники...

Мы когда приехали в Польшу, сначала нас распределили по квартирам, но потом мы уже жили на территории госпиталя, потому что после семи нельзя было ходить, там могли убить и убивали. Выходить за территорию было нельзя. Самолеты до госпиталей не долетали. И поэтому нас всех собрали в кучку, и вот мы жили там, как родные, семья, рассказывали о своих детях, женах, родителях. Раненые все время делились, разговаривали с нами. Поляки разговаривали не очень хорошо, но все же на русском языке. Раненые к нам хорошо относились, мы к ним очень хорошо относились.

А когда Победу только объявили, мы выбежали все и плясали, и кто-то пел, и плакали, и все это там было. Там же очень многие русские уже знакомились с поляками, ну жили семьей, дети были.

Потом кто-то домой уезжал, кому можно было, а наш госпиталь был в Польше до конца, пока всех не распределили. Мы где-то в 1946-м приехали домой. И потом устроили меня в театр ученицей в реквизиторский цех. Я какое-то время поработала, потом посмотрела, прихожу домой, говорю: «Всё, я ухожу, не хочу всю жизнь столы перетаскивать».

И меня уговорил старший парикмахер-постижер стать его ученицей. Я училась у него, потом меня в Москву посылали, я в Москве, по-моему, три-четыре раза была, там экзамен сдавала и по театрам походила... Так я и закончила свою деятельность в театре.

Умерли мои бабушка, родители, больше у меня никого не было, вообще родных не было, и вот меня уговорили: «Давай в этот дом!» Я не хотела, но наши актеры меня стали уговаривать, а здесь у

нас 10 человек актеров, тех, с кем я работала в нашем театре, приезжали, кто с мужем, кто одинокий... Я и приехала сюда, посмотрю, думаю: понравится, останусь, не понравится, не останусь, и я недельку пожила, и 9 мая я здесь отмечала.

И вот я уже 32 года здесь живу.

Не жалею, что я работала в театре, служила, как говорят. Да, служила. Сначала боялась, что не справлюсь, мне обещали помочь. И помогли. Мне очень нравилась эта специальность, и театр нравился, актеры... Так все сложилось.

Но война не отпускает. Всегда вспоминаем. До сих пор вспоминаем. Особенно, когда плохо чувствуешь себя, вот так вот лежишь, и всегда всё, всё-всё вдруг всплывает.

Андрей Аркадьевич Бобыльков

В 1941 году мне было 14 лет, я жил с мамой в Костроме, и у меня никого, кроме мамы, не было. Она работала в театре в библиотеке, очень много читала, наверное, потому я и вырос таким впечатлительным. Когда началась война, театры закрыли, фронтовые бригады начали ездить по фронтам, а библиотекарь оказалась никому не нужна. Хлеб был по карточкам, крупы, масло почти сразу исчезли.

И я решил действовать — спасать маму. Стащил у нее самую большую подушку для мешка, положил туда спички, какую-то баночку железную, украл лодку. Я прикинул, что спущусь вниз по Волге до Астрахани, а оттуда буду пробираться в Ташкент, хлебный город, где нет ни снега, ни войны, ни голода.

И я думал, что туда приеду, поступлю на завод и буду высылать маме какую-то еду. А потом она придет ко мне. Неделю я плыл, как барин: пристану к берегу, картошечки нарою, костер разведу, морковки надергаю, капуста. Наступил конец октября, полили ливни, а я всё плыл, не знаю, сколько, мокрый, голодный, про-

Андрей Аркадьевич Бобыльков

зябший. Лежал на дне лодки, а когда меня прибывало к берегу, поднимался, прошил кого-то палками оттолкнуть, кого-то даже перевозил на другой берег, мне давали за это какие-то копейки... Наверное, дней 15 так плыл. И однажды бакенщик, подумав, что лодка пустая, отбилась от берега, притянул меня к своей будке. Увидел меня, увидел мой вещмешок, и сразу сообщил в речную милицию.

Но прежде побил меня. Я худенький был, маленький, а он бил меня, подбрасывал, кровь хлестала, а я, обалдев, орал: «Дяденька, за что?!» А он добивался: «Где мука, кому продал?» Оказалось, что в этом месте недавно украли мешок кол-

хозной муки. А это расстрельное дело. И так я попал в камеру, где было человек 16 таких же мальчишек, приговоренных к расстрелу несколькими днями раньше. Вот так началась для меня война.

Однако тогда вышло постановление правительства о том, что те, кто совершил преступления перед родиной и приговорен к расстрелу, имеют право обратиться к правительству с клятвой и пойти в штрафную роту, и, если останутся живы, возвращаются со снятием обвинения, с полным правом на жизнь. И ребят туда отправили, а ко мне присмотрелись и все-таки поверили в мою непричастность, и домой отправили.

А потом исполнилась моя мечта. Я хотел работать на пароходе. Поэтому позднее я стал кочегаром на танкере. Такие по Волге жидкое топливо доставляли. Там подружился со своим одногодкой Гришкой. Наше судно возило солярку и бензин из Астрахани в другие города — за Сталинград.

Волга тогда была уже наша, пароходы идут один за другим, тягачи за нефтью, а самолеты немецкие, понимая, что их к Волге к наливным баржам не пустят, стали расстреливать такие суда. Поэтому на каждом таком танкере были мелкокалиберные пулеметы, чтобы можно было отстреливаться.

В 1943-й году наш танкер шел вниз по реке. И я увидел, как к нам приближается вражеский самолет, как летчик-штурмовик, близко спускаясь, начинает расстреливать наш танкер. Я до сей минуты вижу его лицо в очках и его улыбку...

Он расстрелял всех пулеметчиков на палубе. И в этот момент, когда никого уже не осталось, мой друг Гришка, обливаясь слезами, из трюма выскочил, где мы были, и кинулся на мост капитанский. Повернул гашетку пулемета, а самолет развернулся и полетел Гришке навстречу. А он кричит: «Гад!» и стреляет — хотя нас даже стрелять не учили. И сбивает немца. Но одновременно вздрагивает, удаляется спиной и падает на живот. Я тоже был ранен, рана небольшая была, оскол-

ком каким-то отлетело. А тогда я обнимал своего Гришку, плакал, потом потерял сознание, и меня отвезли в госпиталь.

Окрепнув, я вернулся в Горький. Меня не призывали, а я пришел в военкомат в 44 году и сказал, что хочу на фронт — хотел отомстить немцам за Гришку.

Победу помню 2 мая, не 9-го. Была команда «подъем», «строиться». Мы построились вокруг пустого грузовика с открытыми бортами, на него полковнику Шестакову помогли подняться, как на трибуну. Он пытается начать говорить и не может, а потом махнул рукой на официальную часть, на субординацию, и дословно: «Дети мои, теперь вас никто не убьет, теперь вы будете жить долго. Не обижайте друг друга, любите друг друга, помогайте. Теперь вас никто не убьет, но вы постарайтесь не забывать тех, кто делал победу», — и заплакал...

Марина Юзефовна Комарова, сотрудник Ленинградского отделения СТД РФ

Мои родители работали в Ленинградском цирке, я там часто бывала, даже что-то помню из своего этого раннего детства. Так они доработали до 1939, может быть, начала 1940 года. Потом ушли из цирка в «Росконцерт». Перед самой войной они уехали на гастроли. Родители уехали, я осталась с бабушкой дома в Ленинграде. Когда началась война, мы думали, что все закончится очень быстро и будет просто, но оказалось не быстро, не просто. И когда мы это поняли, уже было поздно.

Уже ни родители не могли сюда приехать, ни я не могла к ним ехать. Так что я осталась в Ленинграде, а они поселились в Казани.

Первый год войны в Ленинграде — это было страшно. Ярких воспоминаний у меня не осталось, но почему-то помню, я очень боялась. У нас на лестнице кто-то умер. И труп стоял замерзший. Ведь бы-

Марина Юзефовна Комарова

Маленькая Марина

ло безумно холодно. Он стоял, и я очень боялась мимо ходить. Я ходила только с бабушкой и все равно боялась.

А мы жили на углу Разъезжей и Коломенской. В первый день войны у нас вылетели стекла. Мы их заклеили, забили, и так и жили. Потом кто-то нам помог вставить их, к лету ближе.

К весне 1942 года меня удалось эвакуировать. Из Военно-морской медицинской академии уезжали несколько человек, и они взяли меня с собой. Переезд через Ладогу — это было ужасно. Хотя, конечно, в детстве это все совсем иначе воспринимается. Так я добралась до Казани. А бабушка осталась, бабушку не взяли. Во время блокады она работала санитаркой в госпитале и получила за это медаль «За оборону Ленинграда».

Бабушка мне рассказывала, что они были и санитарки, и медсестры, и занимались всем. Не они кормили, а их все подкармливали, потому что они, конечно, ужасно выглядели.

Архив М.Ю. Комаровой

Бабушка приехала к нам в Казань в 43-м году, когда сняли блокаду. Она стала ди-строфиком. Вы знаете, это так страшно, когда родного человека ты не можешь обнять, потому что такое чувство, что все сломается.

Бабушка не хотела вспоминать блокаду. Я о чем-то начала ее спрашивать, а она ответила: «Я тебя очень прошу, я не хочу говорить об этом, не хочу вспоминать это. Я понимаю, что тебе интересно, но я не хочу». И у нас в доме почти никто об этом не говорил. Папа считал вообще ужасным, что я осталась с бабушкой, что нас бросили фактически, хотя никто нас не бросал, так сложились обстоятельства.

Мы вернулись в Ленинград еще во время войны. Отец работал в цирке, и однажды ему вдруг сказали, что нужно выйти на арену и сказать, что пришла Победа, подписан договор. У отца был хороший, громкий голос, он мог это все сказать, но он страшно волновался. Он позвонил

нам по телефону домой, у нас уже телефон был, и сказал: «Девочки, приходите, я боюсь, так ужасно нервничаю, буду объявлять Победу». И мы прибежали. Он на арену вышел, начал говорить, и весь цирк встал.

Когда я училась в институте и уже пошла на работу в СТД, вдруг выяснилось, что как наследство войны, я еще в то время заболела туберкулезом. Нас же никто не проверял, а потом это все вышло наружу. Мне было лет 26 уже. Я в институт тогда перешла на заочный, потому что в таком состоянии мне не разрешили учиться. Лежала в туберкулезной больнице.

А когда я пришла сюда, мне уже было 85 лет, и однажды в комнату ко мне пришла женщина и сказала, что я нужна. Оказалось, что они снимают фильм «Спаси Ленинград». Это снимали на «Ленфильме», режиссер Алексей Козлов. И пригласили меня сняться, фактически, в главной роли. Так что в 85 лет, ни рань-

Архив М.Ю. Комаровой

ше, ни позже, я стала киноактрисой. Я играла героиню в старости. С этого начинался фильм и этим кончался. Мне было интересно... Там военные события, и моя героиня вспоминает погибшего мужа, вспоминает всё...

Елена Захаровна Медведева

В блокаду у меня погибла почти вся семья.

Помню начало войны: громкоговорители-колокольчики большие на углу Восстания и Невского были приклеены к дому. Стоит толпа, человек пятнадцать, на расстоянии примерно полтора метра друг от друга. Все стоят, никто не шевелится. Говорили что-то, и все слушали. Война? Что-то про войну? Все стоят смирно, никто не двигается. Как будто все замерзли, и у меня от пяток стала подниматься от ужаса, от страха, волна горячая, как будто ноги в кипятке погружаются, и волна по всему телу.

Я видела, как по Невскому со стороны Садовой по проезжей части шли колонны пленных немцев. Мы, конечно, побежали, стали булыжники выковыривать, чтобы бросить в них. Нам взрослые не давали, отбирали булыжники. Помню, все эти немцы были молодые, не было увечных, какие-то здоровые, сильные. И все молча смотрели на этот ужас, который шел и шел, не торопясь, потому что им некуда уже было торопиться.

Помню день, когда все на Невском обнимались. Идут навстречу друг другу, обнимаются и идут дальше. Был это конец войны или это освободили Ленинград, или какая-то победа, не помню.

Про отца я не знаю ничего, он умер очень рано от воспаления почек. Дедушка жил на Васильевском острове, он был научный работник. Он умер на своем рабочем месте, в библиотеке Горного института на Васильевском острове.

Когда началась война, две бабушки переехали к нам с мамой, она тогда училась в Педагогическом институте.

Когда началась блокада, мне было 4 года, а сестре — 8 лет. Все дети разного возраста оставались по очереди каждый день дежурить во дворе. Нужно было сообщать взрослым, если приходили чужие люди, если около дома кто-то лежит, упал, не может встать.

Когда бомбили, на крыше дежурили те, кто постарше, нас на крышу не пускали. А наша задача была, мелкоты, чтобы никто во двор не вошел, а приходили часто.

Конечно, у нас в доме лежачие были, мы их все знали и помогали — вызывали им врача, приносили воду. Вечером ходили за водой всей толпой, чтобы не потерять кого-то. Зимой было легче ходить: можно вести воду на санках, а летом надо нести. И нам, конечно, легче было зимой ходить.

В середине двора был огород. И однажды у меня был такой случай: помню, бегу за маленьким ребенком лет двух. И вдруг где-то стучат в стекло, где-то кричат сверху все: «Лена, Лена, уходи, убери ребенка, уходи!» Все боялись, что он упадет, сломает все, что успело вырасти, и уже не будет тебе ни картошки, ничего, что сажали.

К ноябрю 1942 года все наши родные, жившие с нами в квартире, умерли. 5 дней, наверное, мы жили одни с сестрой. Из родственников у нас осталась только одна бабушка. Она была врач. Она работала далеко, поэтому не жила с нами, а иногда приходила только по выходным, по воскресеньям, когда была свободна. Она не всегда могла прийти — далеко, холодно, она простудилась, а мы дома, две девочки голодные. Спали все одетые всегда. Лето, зима, все равно. Окна закрыты всегда. Я собирала зимой снег, а сестра буржуйку топила обязательно. Если видим, какой-то дом разрушен, тащим, что там найдешь для растопки, и так вот жили сами, пока не приехала бабушка. Она устроила нас в разные детские дома круглосуточные. Там бабушка нас навещала, но ее госпиталь часто бомбили, никого не выпускали из ворот, и она часто не успевала к нам. У меня даже открытка до сих пор сохранилась: «Я не

Елена Захаровна Медведева

успела, Люленька, я к тебе не зашла. И к Лене тоже сегодня не зайду, потому что не успеваю». И только в 1945 году нас с сестрой соединили.

...А сейчас я в правлении общества «Блокадные детские дома», оно у нас организовалось давно. Это как бы третье общество блокадное. Есть военные, есть блокадники и есть детские дома, потому что нас, сколько ни увозили, много осталось. И у нас оно всесоюзное. Государство заботится о нас, у нас есть свое помещение на Пушкинской. Свой экскурсовод, свой компьютерщик, который сидит там, в среду, приходит с трех часов до упора, как ты хочешь. Я и сейчас среди других блокадников живу...

Записала Полина БОЙЦОВА

Фото Сергея АКСЁНОВА

СТД РФ ОРГАНИЗОВАЛ ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ К МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

20 мая по случаю 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне Союз театральных деятелей России от лица театральной общественности страны организовал возложение венков к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены в Александровском саду.

Председатель Союза театральных деятелей России Владимир Машков отметил: «Мы собрались здесь с чувством гордости и благодарности нашим отцам, дедам и тем миллионам неизвестных солдат, которые отдали свою жизнь за Великую Победу. В этот день 20 мая 1945 года в Москву из Берлина прибыло Знамя Победы. И потом оно участвовало в параде 24 июня 1945 года. Я надеюсь, этот день станет для нашего театрального сообщества тради-

ционным днем памяти. В Великой Отечественной войне участвовали люди разных профессий, в том числе и театральные деятели. Они создавали театральные бригады, работали целые фронтовые театры, а многие уходили воевать с оружием в руках. В каждом из театров были те, кто отдал свою жизнь за нашу Родину».

Председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Лилия Гумерова рассказала, что ей очень нравится идея сделать возложение венков от деятелей культуры ежегодным: «Хорошо, что было принято решение, чтобы это возложение венков стало традицией. Я уверена, что театральное сообщество поддержит ее».

Председатель Комитета Государственной Думы по культуре Ольга Казакова заметила: «Очень важно, что сегодня мы все собрались и объединились здесь, на этом священном месте. Уверена, что эта традиция, заложенная Союзом театральных деятелей России, распространится на всю страну. И во всех регионах наши деятели культуры также будут собираться в этот особенный день, чтобы поклониться нашим героям, помолчать у вечного огня, преклонить колени, возложить цветы. И пусть люди вспоминают о своих дедушках, молодежь — о прадедушках, и никогда этот подвиг не будет забыт».

В церемонии возложения венков приняли участие министр культуры России Ольга Любимова, заместитель начальника Управления Президента России по общественным проектам Александр Журавский, министр Правительства Москвы, руководитель Департамента культуры города Москвы Алексей Фурсин, генеральный дирек-

тор Президентского фонда культурных инициатив Роман Карманов. Также память павших почтили известные актеры и режиссеры — Евгений Князев, Ирина Купченко, Александр Голобородько, Анатолий Васильев, Валерий Фокин, Евгений Миронов, Сергей Женовач, Марк Розовский, Михаил Левитин, Владимир Панков, Александр Лазарев, Сергей Степанченко, Надежда Бабкина и другие известные деятели культуры, Секретари Союза театральных деятелей России и сотрудники Центрального аппарата СТД РФ. В мероприятии участвовали руководители 20 федеральных, 46 муниципальных театров и Центрального академического театра Российской Армии.

Во время возложения венков присутствующие почтили память павших минутой молчания.

*Пресс-служба СТД РФ
Фото Александра КУРОВА*

ИСКУССТВО В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

«Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», — сказал, словно отчеканил, классик советской поэзии. Все долгие 1418 дней и ночей, что пролегли между 22 июня 1941-го и 9 мая 1945-го, самоотверженно служило общему делу Победы и наше искусство. Когда говорили пушки, музы не молчали, они тоже прошли долгими, трудными верстами войны. В числе фронтовиков — деятелей культуры — был Отар Михайлович Дадишкилиани, режиссер Нижегородского академического театра оперы и балета имени А.С. Пушкина.

Отар Михайлович Дадишкилиани

Отар Михайлович Дадишкилиани родился 21 августа 1923 года, член СТД РФ с 1948 года. Балетмейстер, режиссер-постановщик Нижегородского государственного академического театра оперы и балета имени А.С. Пушкина. Заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств Республики Беларусь, лауреат Пушкинской премии Нижегородской области и премии имени Н.И. Соболевцова-Самарина, дважды лауреат премии Нижнего Новгорода. Поставил около сорока балетов и опер по всей стране, среди которых «Пиковая дама», «Кармен», «Евгений Онегин», «Граф Нулин», «Моцарт и Сальери», «Чародейка», «Иван Сусанин», «Пер Гюнт», «Ханума», «Аида», «Спартак».

— *Отар Михайлович, как вы попали в действующую армию, и какие эпизоды военной страды остались навсегда в вашей памяти?*

— На войну я ушел добровольцем в возрасте 17 лет, был направлен в распоряжение политотдела 44-й армии, входящей в состав IV Украинского фронта, и зачислен во фронтовую концертную бригаду. Туда как раз требовался танцор, а это и была моя творческая специальность. Наш мобильный коллектив насчитывал девять человек, служили в нем мастера искусств разных жанров: один пел, другой плясал, третий стихи декламировал и т. д. Музыкальное сопровождение — баян и балалайка, играли на них настоящие виртуозы. Наш командир — капитан Рогов, а весь «подвижной парк» — агитмашина с двумя мощными динамиками. На ней мы и колесили из одной части в другую, выступая перед красноармейцами в перерывах между боями. Редко когда нашей площадкой было расположение вторых эшелонов, чаще всего мы выступали на передовой. Вот наши позиции, а совсем близко, рукой подать — вражеские траншеи. Так что супостаты тоже волей-неволей слушали наш репертуар:

«Великолепная девятка»

«Землянку», «Катюшу», «Темную ночь»... Собственно, и работали такие бригады на две аудитории: для своих давали концертные программы с целью поддержания боевого духа, а на врага «вещали» по всем правилам спецпропаганды среди войск противника — заводили какую-то песню, а потом, как положено, «Гитлер капут», мол, сдавайтесь и все такое. Немцы этого жутко не любили, сразу же старались вычислить квадрат, откуда велась передача, и лупили по нему из шестиствольных реактивных минометов.

— На «Катюшу» отвечали огнем «Ванюш»...

— Так и было. Тут только уворачивайся, меняй дислокацию, вовремя смывайся, иначе накроют. Самая настоящая окопная, фронтовая жизнь со всеми ее прелестями. Мы обслуживали разные рода войск: пехотинцев, артиллеристов, летчиков, танкистов, давали концерты в госпиталях.

Случалось попадать под обстрелы и бомбежки, однажды я получил контузию, в другой раз в кружку, из которой я пил, попал осколок, я его хотел сохранить на память, потом где-то потерял. В общем, всякое бывало.

— И как же сложилась судьба вашей концертной бригады?

— Нас передали в политотдел 51-ой армии, она входила в состав I Прибалтийского фронта. А IV Украинский фронт очищал от фашистов Крым. В апреле 1944 года, пройдя через «гнилое море» Сиваш, советские войска освободили Мелитополь, Симферополь, Бахчисарай. Мы давали тогда много концертов для особо отличившихся частей и соединений. Знаете, как поется: «Когда-нибудь мы вспомним это...» Вот и я, когда ставил в нашем театре героическую оперетту «Севастопольский вальс», отдал этой работе частичку собствен-

На репетиции

Дружеская встреча

1944

ной души, опаленной воспоминаниями тех дней.

— *Я вижу перед вами на столе старую фотографию. Это и есть ваша «великолепная девятка»?*

— Да, мы тут в полном сборе.

— *А все ли вернулись с фронта?*

— Один, к сожалению, погиб. Остальные уцелели. Но прошло очень много лет, и большинство ребят умерли уже после войны.

— *Отар Михайлович, а где вам довелось встретить День Победы?*

— О, до него еще путь предстоял неблизкий. После Крыма нас передислоцировали в Белоруссию, в район Гомеля. Это был конец 44-го — начало 1945 года. В Пинских болотах я подхватил малярию, трясла ме-

ня она и здесь, и потом в Прибалтике. Маялся так, что дало мне командование двухнедельный отпуск на поправку здоровья, уехал к матери в Ставрополь, она меня выхаживала. Там я и узнал о капитуляции Германии. Но это еще не был конец моей армейской службы. Завершил я ее в 50-м запасном кавалерийском полку в декабре 1945 года в звании старшего сержанта, а начал рядовым.

Я этими сержантскими лычками горжусь, больше, чем если бы носил генеральские погоны. Все мы были солдатами, работягами войны, каждый на своей воинской стезе. Так что есть и мой скромный вклад в великую Победу.

Беседу вел Герман ТРЕФИЛОВ

БАЛЕТНЫЙ ВЕК АЛЬФИИ АЙДАРСКОЙ

Альфия Газизовна Айдарская — человек удивительной судьбы. Одна из первых татарских профессиональных балерин, дочь выдающихся деятелей искусства, композитора Сары Садыковой и театрального реформатора Газиза Айдарского. В мае нынешнего года ей исполнилось 100 лет, но ясный ум и прекрасная память хранят столько историй, что хватило бы на несколько жизней.

Мы пьем чай в Доме актера им. М. Салимжанова. Это место «намоленное» — сколько замечательных людей оно помнит! И Альфия Газизовна здесь до сих пор не просто частый гость, а постоянный организатор масштабных концертов татарской музыки, посвященных памяти ее родителей. Руки актрисы, до сих пор сохра-

нившие балетное изящество, бережно перебирают пожелтевшие фотографии...

Детство между Казанью и Москвой

— Все думают, что я родилась в Москве, — улыбается Альфия Газизовна. — Но нет, моя колыбель — Казань. Хотя мама действительно училась тогда в Московской консерватории, а папа создавал татарский театр. Я же в основном жила в Казани, с бабушкой и дедушкой... Первые воспоминания — отрывочные, как кадры старой киноплёнки: «Мне лет пять, меня впервые привезли в Москву. Вижу в окно — мужчина идет. Говорю маме по-татарски: «Вон твой человек идет». По-русски я тогда не умела ни слова!»

Отец, Газиз Айдарский, вспоминается ей урывками:

— Чертовое колесо... Мы с папой наверху, мама смотрит на нас снизу, улыбается и машет нам рукой... Потом его не стало — мне было восемь. Помню похороны в крематории: как пол разъехался и оттуда появился гроб... Мама бросилась на него, и ее еле оторвали.

Маникюр из малины

Дом бабушки и дедушки стоял в слободке в нынешнем Кировском районе Казани — двухэтажный, деревянный, с резными наличниками. Но главным сокровищем был не сам дом, а то, что за ним: огромный сад, где росли яблони сорта «анис» — с красными боками, кисло-сладкие, сочные.

— Я маленькая была, — вспоминает Альфия Газизовна, — а малина там такая крупная, что я ее прямо на пальцы нанизывала: на все десять! Получался маникюр... Съедала — и снова собирала. А яблоки... Бабушка разрешала мне самой собирать их, но только те, что уже упали. А я, бывало, подойду к дереву, потрясу — бух! — и ловлю. В саду был еще и амбар, а за ним — клеть, где хранились припасы. Но для детей он стал не просто хозяйственным помещением, а настоящим театром.

Сара Садыкова с дочерью Альфией. Ленинград, 1937

Оперный театр на улице Горького в Казани. Из коллекции Искандера Камала

Альфия Газизовна с улыбкой вспоминает, как с соседскими ребятами они устраивали представления.

— Дедушку сажали в первый ряд, ворота открывали — вот тебе и зрительный зал, — рассказывает она. — Сцена — это сад, деревья как декорации. Мне давали роли, я пела: «Как ты, Ванька, изменился, интеллигентным парнем стал». Это первое, что выучила по-русски.

Аромат бабушкиных пирогов

— Бабушка каждое утро пекла бэлеши, — продолжает Альфия Газизовна. — Тесто тонкое-тонкое, внутри — сочная начинка: мясо с луком, картошка, иногда творог. У меня даже своя маленькая сковорода была — я рядом с ней возилась, мне хотелось быть как она... А потом она брала горячие, только из печи, пироги, заворачивала в чистую тряпицу, и шла на Кировскую дамбу, к поездам. Подходила к вагонам и спрашивала пассажиров: «Сару Садыкову знаете?» Если кто-то кивал, оставляла им пирог и просила передать в Москве маме. И передавали! Ма-

ма потом рассказывала, что иногда ей и в самом деле доставались эти пироги. А я думаю сейчас: какие же люди были доверчивые! Ведь бабушка даже не проверяла, правда ли они знают Сару Садыкову — просто верила им на слово...

В баню, через дамбу...

— Бабушка была женщиной строгой, но с характером. Она умела на гармони играть — и не просто так, а на голову ее ставила! — смеется Альфия Газизовна.

А еще она водила маленькую Альфию и ее двоюродного брата Рустама в баню — через ту самую Кировскую дамбу.

— Рустам на четыре года младше меня был, — вспоминает она. — Бабушка сажала нас на санки и везла. Баня большая была, на той стороне. Надо же детей помыть, да так, чтобы не простудились. А обратно — уже чистеньких, в теплых платочках...

Одним пальцем на рояле

В доме стоял старый рояль, купленный еще прадедом.

Альфия Айдарская

— Бабушка играла на нем одним пальцем, да и то только по черным клавишам, — рассказывает Альфия Газизовна. — Но как трогательно это звучало! Особенно «Тафтиляу» — грустная, задумчивая мелодия. Позже я узнала, что на эту музыку сам Тукай стихи написал...

— Иногда мне снится, будто я снова маленькая, — продолжает она. — Бегу по саду, а бабушка кричит: «Альфия, не тряс яблони — всё равно зеленые!» А потом просыпаешься — и понимаешь, что сада того уже нет, и бабушки нет... Дом цел до сих пор, но там давно живут другие люди. Но ведь пока ты помнишь — они все еще где-то здесь, не правда ли?

Ленинградская балетная школа: испытание на прочность

После смерти отца судьба девочки делает неожиданный поворот.

— Меня отправили в Ленинград, в хореографическое училище. Национальное отделение только открыли, набирали детей со всей страны, из союзных и автономных республик... А я по-русски — ни бум-бум! Педагоги объясняли... особенным образом.

Альфия Газизовна с теплотой вспоминает своего первого учителя — Наталью Анатольевну Камкову. Если нужно было ногу выше — стукнет по колену, спину выпрямить — по спине. Кричала: «Аллочка, возьми мозги в руки!» И маленькая Альфия буквально пыталась представить, как это сделать. Особое место в ее сердце занимает Александр Викторович Ширяев — легендарный педагог, танцевавший еще при Мариусе Петипа.

— Он был как добрый дедушка, — вспоминает Альфия Газизовна. — На его уроках характерного танца мы засиживались до поздна... Это было счастьем!

Испанские друзья и кинематограф

В 1930-е годы в училище произошло необычное знакомство.

— К нам привезли испанских детей — беженцев от гражданской войны, — рассказывает Альфия Газизовна. — Мы подружились, вместе ездили в Петергоф. Одна девочка из Барселоны научила меня настоящим испанским движениям... А еще мы снимались в фильме «Концерт Бетховена». В автобусе я пела: «Ленинград мой, милый брат мой...» Больше слов не знала, но пела от души. В кадре я поднимаю руки — режиссер сказал: «Ты и есть — наша испанская козочка».

Военный танец

— В 41-м началась война, — голос Альфии Газизовны становится тише. — Нас эвакуировали сначала в Уфу, потом в Пермь. В 42-м получила вызов вернуться в Уфу — поехала с половинкой хлеба и билетом. А справку на хлеб забыла... Пять суток на пароходе... Но даже в эти страшные годы искусство не умолкало: в 45-м, за два месяца до Победы, ставили «Шурале». Там

был вальс на мелодию «Тафтиляу» — ту самую, что бабушка пела. Когда на репетиции услышала — сердце екнуло...

Осенью 1944 года Альфию Айдарскую приняли в труппу Татарского государственного театра оперы и балета, который тогда располагался в здании нынешнего Театра имени К. Тинчурина.

— В перерывах между спектаклями мы давали концерты для бойцов Красной армии, — вспоминает балерина. — Как-то после выступления ко мне подошла медсестра: «Ваша мама только что пела в соседнем корпусе!» Я бросилась туда и успела на последнюю песню. Мама стояла в луче света, и казалось, весь зал замер...

Вскоре в театре разместили госпиталь, и артистов временно распустили. Альфия устроилась на военный завод № 543, эвакуированный с Украины. Цех, где она работала, делал пули. Чтобы не опоздать на смену, вставать приходилось в пять утра, потому что существовал строжайший контроль. Но зато давали по 700 граммов хлеба в день...

День Победы 9 мая 1945 года запомнился ей навсегда.

— Я шла от нынешнего «Кольца» до улицы Горького два часа — весь город высыпал на улицы! Люди обнимались, плакали и смеялись одновременно. Когда добралась до театра, там уже никто не работал — все просто стояли и пели.

Новая сцена и первые роли

После войны началось строительство нового театра на площади Свободы.

— Немецкие военнопленные возводили колонны, — рассказывает Альфия Газизовна. — А мы, артисты, каждый день приходили смотреть, как растет «наш дом». Когда установили статую Терпсихоры над входом, все мечтали когда-нибудь войти в эти двери как настоящие артисты.

Ее первой серьезной ролью в новом театре стала Мирта в «Жизели».

— Этот образ требовал невероятной выносливости — нужно было казаться

Альфия Айдарская

бесплотным духом, при этом выполняя сложнейшие поддержки, — поясняет балерина. — После репетиций ноги были стерты в кровь. Мама, видя мои мучения, уговаривала бросить балет, но я не могла...

Встреча с богиней

Особое место в воспоминаниях балерины занимает 1951 год, когда в Казань приехала Галина Уланова.

— Мы смотрели на нее как на божество, — признается она. — В «Бахчисарайском фонтане» я танцевала с ней все три спектакля! На генеральной репетиции так волновалась, что случайно поранила ее бутафорским кинжалом. Но Уланова только улыбнулась: «Ничего, на сцене бывает и похлеще!»

Глаза Альфии Газизовны загораются, когда она вспоминает эти моменты.

Альфия Айдарская

Она говорит, что «Уланова танцевала любовь» и что ее героини были целомудренны и чисты, как античные статуи. А после совместных выступлений с великой балериной пришло понимание: что такое настоящая сценическая магия.

Особенно поразила работоспособность Улановой: «После спектакля, ког-

да все разбегались, она оставалась в зале и повторяла сложные па. Однажды я застала ее в пустом театре — она отработывала один поворот уже час! «Галина Сергеевна, — спросила я, — зачем? Ведь вы и так идеально сделали это на спектакле». А она ответила: «Артист не имеет права останавливаться. Завтра должно быть лучше, чем вчера»».

Эти слова стали для молодой балерины напутствием на всю жизнь. «После отъезда Улановой я стала работать в два раза больше — улыбается Альфия Газизовна. — Хотелось хотя бы на шаг приблизиться к ее мастерству. Но главное, что я вынесла из этой встречи — понимание: настоящее искусство рождается только в бесконечном труде и абсолютной самоотдаче»...

Сто лет спустя

— Сейчас я почти одна — те, с кем училась, уже ушли, — задумчиво говорит Альфия Газизовна. — Но я счастлива, что все это было в моей жизни... Нас воспитывали не просто танцовщиками — нас воспитывали людьми.

Она выпрямляет спину — балетная выучка не подводит:

— Когда мне тяжело, я вспоминаю слова моего педагога: «Падай носом, но стой». И стою. Всю жизнь.

В ее глазах — отблеск сцены, на которую она выходила десятилетиями. И хотя сегодня Альфия Газизовна чаще находится в зрительном зале, чем на сцене, ее жизнь продолжает быть похожей на балет — прекрасный, драматичный, полный грации и мужества.

— Знаете, — говорит она, — я до сих пор провожу вечера памяти родителей здесь, в Доме актера. Это мой долг и моя радость. Пока я могу — буду рассказывать об их искусстве, о нашем балете, о том, как мы жили. Чтобы помнили».

Альбина АБСАЛЯМОВА

Фото предоставлены автором

ЛЮБОВЬ К БАЛЕТУ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

1 апреля 2025 года исполнилось 100 лет солистке балета Куйбышевского театра оперы и балета Эмилии Антоновне Григорьевой. Ни официальные творческие характеристики, ни перечень исполненных ролей (а их она станцевала немало) не исчерпывают ее жизни на сцене театра — 25 лет балетной карьеры в качестве солистки, а затем еще и в мимансе. За скупыми строками документов встает судьба нашей героини, ее век, в котором отразились и история семьи, и история театра, и история страны.

Вот что рассказывает сама Эмилия Антоновна:

«Заниматься танцем я стала с малых лет, со школьного возраста. Я жила в Ленинграде, училась в младших классах школы, когда к нам пришла очень красивая женщина и спросила: «Кто хочет записаться в балет?» Пришли почти все девочки, а позвали заниматься немногих: оказалось, что для этого нужно было пройти отбор. Оценивали преимущественно внешние данные: рост, фигуру; проверяли растяжку. Сначала уроки проходили прямо в школе, а потом лучших перевели в хореографическую студию. Дворец культуры имени С.М. Кирова находился недалеко от родительского дома на Васильевском острове, и я стала ходить туда. Педагогами у нас были бывшие артисты балета Мариинского театра, и, хотя это была самодеятельность, занимались с нами очень хорошо, дисциплина на высоте. Моим преподавателем стала Нина Михайловна Либерман — именно она открыла мне мир танца и помогла найти в нем свое место. Тогда не существовало такого количества конкурсов и концертов как сегодня. Но мы занимались усердно и старательно, с большой ответственностью. Разучивали отдельные движения и комбинации, вставляли на пальцы. В репертуаре были разные танцы: и народные, и классические.

Мой отец работал в геолого-разведывательной партии, и в июне 1941 года он находился в командировке в Челябинской области. Меня с мамой, как семью служащего, эвакуировали в Миас. Работа отца была настолько важной, что на фронт его не призвали. Группа геологов обосновалась не очень далеко от города, за лесом. На небольшой телеге, в которую впрягали тощую лошаденку, я каждую неделю возила им хлеб и провизию... (Трудно себе представить, что приходилось переживать девушке, отправлявшейся под покровом темноты в лес и перевозившей столь драгоценный в военное

«Спящая красавица». В роли феи Карабос. 1955

время груз. А ведь Эмилиии тогда не было и двадцати лет! — А.Л.).

Там, на Урале, я и закончила школу. Сразу после выпуска мы всем классом пришли работать на завод. В Челябинскую область было эвакуировано много предприятий, и все они работали на оборону. Наш завод выпускал снаряды. Нас, девочек, к станкам не подпускали, но приходилось делать многое. Трудились как разнорабочие: и грузчиками, и охранниками, и приемщицами, и посыльными. Было трудно, страшно и голодно. Но мы все надеялись на победу и ждали ее.

После войны я вернулась в Ленинград и продолжила занятия в балетной сту-

*«Раймонда». Айша — Э. Григорьева,
Абдерахман — Н. Щёголев. 1957*

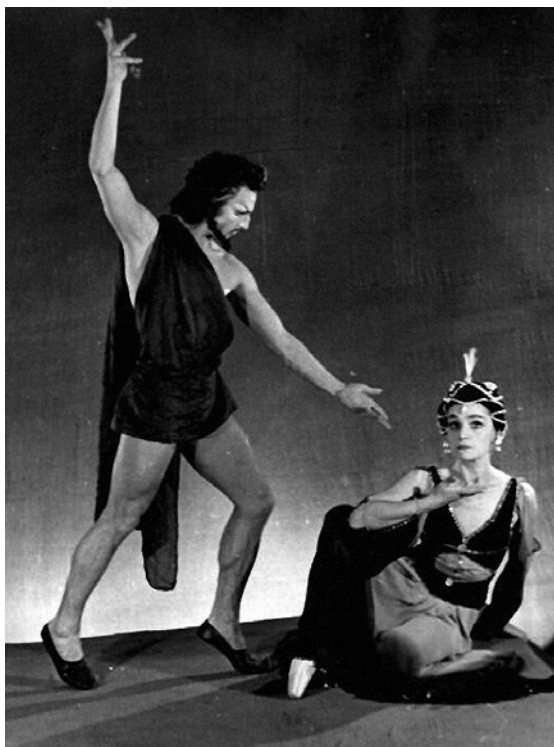

дии. И преподавала у нас опять Нина Михайловна. Мальчиков было мало, и помогать на выступлениях приглашали ребят из хореографического училища. Так, в танце, мы и познакомились с моим будущим мужем — Виталием Григорьевым. Он был старше меня; воевал, а когда вернулся с фронта, восстановился в училище им. А.Я. Вагановой. Сначала я немного робела, но потом стала смелее, и у нас быстро возникла симпатия. После окончания обучения его позвали в Куйбышевский театр, и мы решили ехать вместе. Тогда и поженились. Подумалось: как же мы жить будем, в гостинице-то вместе не дадут номер. Свадьбы, как сегодня принято, не было, — просто пошли и зарегистрировали брак».

Во время войны в Куйбышев эвакуировали Большой театр СССР. Местный театр был жанрово переориентирован, и музыкальная комедия являлась основой его афиши. После войны областной театр стал накапливать серьезный репертуар, следовало укреплять труппу. Благодаря усилиям художественного руководителя балета Натальи Владимировны Даниловой в театре появились крепкие солисты, а балетная труппа из любительской стала постепенно превращаться в профессиональную, способную к решению серьезных художественных задач.

«Сначала я танцевала в кордебалете, — рассказывает Эмилия Антоновна. — Балетов ставили мало: «Щелкунчик» и «Лебединое озеро», «Тщетная предосторожность», «Бахчисарайский фонтан» и «Красный мак»; зато были еще танцы в операх и опереттах. В то непростое время я была счастлива и гордилась тем, что выступаю на профессиональной театральной сцене».

Наталья Данилова умела тонко подмечать индивидуальные особенности и возможности своих артистов. В Эмилиии Григорьевой она сразу оценила психологическую выразительность и глубину, способность к перевоплощению на сцене. Балетмейстер сочинила для нее спе-

«Легенда о любви». Ферхад — В. Сергеев,
Мехменз Бану — Э. Григорьева. 1958

циальную партию в «Эсмеральде». Так первой значительной работой начинающей балерины стала Гудула — мать главной героини. Молодым артистам всегда хочется исполнять роли соответствующего возраста, однако именно партии другого плана заставляют работать над собой и расти профессионально. Успех в «Эсмеральде» открыл Эмили Григорьевой путь в соистики балета.

Следующая большая роль — фея Карабос. Н. Данилова по-новому расставила акценты в либретто, сочинила другую по сравнению с Петипа хореографию и решила партию злой феи в деми-классическом ключе, сделав равноправной фее Сирени. Созданный Эмилией Григорьевой образ производил сильное впечатление: страшный грим делал красивое лицо практически неузнаваемым; безудержный гнев выражался через стремитель-

ность движений и «хищную» пластику. Недаром считается, что жест может быть красноречивее слов. Дочь Эмили Антоновны вспоминает: когда балерина готовилась к исполнению этой партии, то не впускала ее к себе в гримерку, поскольку однажды девочка испугалась, увидев маму на репетиции в гриме и костюме, и приняв ее угрожающий жест на свой счет.

От партии к партии крепло мастерство артистки. Эффектная характерная танцовщица, Эмилия Григорьева создала на Куйбышевской сцене целую галерею эпизодических ролей. Ее выходы были не просто сольными номерами в спектаклях, в одном небольшом танце она успевала показать заверченный образ, рассказать историю из жизни, а иногда — и прожить удивительную жизнь своих героинь. Цыганская пляска в «Каменном цветке», фанданго в «Дон Кихоте», «Па-

«Щелкунчик». Восточный танец. Э. Григорьева. 1959

надерос» в «Раймонде» — эти танцы невозможно было представить без Эмили Григорьевой.

Многие балетные фрагменты в ее исполнении оказывались такими яркими и эффектными, что именно их выбирали в качестве самостоятельных номеров для концертов. Так было, например, с танцем стилиг из оперетты «Белая акация», на который ходил смотреть весь город. Поведение стилиг в обществе осуждалось, однако дуэтный номер, поставленный как рок-н-ролл и выглядевший в спектакле шаржем на современные нравы, имел огромный успех. Партнером Григорьевой в этом танце был Виктор Сергеев.

Совместно с мужем они танцевали редко. В паре с ней выступали куйбышевские характерные танцовщики: Александр Винерт и Борис Смирнов; моло-

дой Владимир Тимофеев, позже получивший звание «Заслуженного артиста РФ». И все-таки на одной из фотографий, украшающих стены квартиры, Григорьевы вместе — влюбленно глядя глаза в глаза, обнявшись, несутся в вихревой мазурке из оперы «Иван Сусанин».

В «Тропюю грома» они были антиподами. Он — богач-рабовладелец, она — мулатка, рабыня. Партия Фанни была чисто характерная, «каблучная». Образ второго плана — цветная девушка, обольщающая главного злодея, производил яркое впечатление и врезался в память. Одна из значимых ролей балерины — Мачеха в «Золушке» С. Прокофьева. Это вообще был замечательный спектакль, одна из первых самостоятельных работ балетмейстера Валентина Манохина (позже получившего известность в качестве постановщика танцев в фильмах на «Мосфильме», «Ленфильме», киностудии им. Горького, Ялтинской и других). Все партии балета, кроме заглавной, решались в комическом ключе. Тогда в Куйбышев приехала на творческую встречу из столицы актриса Светлана Светличная. Посмотрев балет, она прошла за кулисы, подошла к Эмили Григорьевой и обняла ее со словами: «Вы были просто бесподобны!» Вспоминая об этом случае, наша героиня счастливо улыбается.

Эмилия Антоновна — очень скромный человек. Просишь ее рассказать о себе, а она говорит о коллегах, балетмейстерах, о театре, которому посвятила всю жизнь: «Никогда не было такого, чтобы я просила какую-то партию. Балетмейстер лучше знает мои возможности. Если он «видит» меня в этой роли — предложит, а если нет — значит, мне это и не нужно. Как я могу о себе заявлять?

На сцене я часто играла коварных обольстительниц, мне эти восточные экзотические красавицы хорошо удавались. Ласковой мамой была всего несколько раз. Вот, например, Весна в «Снегурочке». Это был балет на музыку

«Отелло». Яго — В. Сергеев, Эмилия — Э. Григорьева. 1964

Испанский танец. Э. Григорьева и В. Тимофеев. 1970

П.И. Чайковского. Данилову причисляют к сторонникам драмбалета, но она почти все решала через танец. У нее было режиссерское видение, ее спектакли были актерски насыщенными, психологически выстроенными. А «ходячих», пантомимических партий в ее балетах немного. Весна была пальцевая, классическая партия, хотя и не виртуозная. Мне она очень нравилась. Мы с Натальей Владимировной хорошо понимали друг друга. Она могла не рассказывать и не объяснять, а только показать какой-то штрих, нюанс в роли, — и мне все становилось ясно. Я начинала танцевать».

Один из самых значимых спектаклей Н.В. Даниловой — балет «Легенда о люб-

ви» на музыку Г. Крейтнера, созданный за три года до знаменитого хореографического шедевра Юрия Григоровича. О куйбышевском балете писала центральная пресса. Столичные критики отмечали артистов, способных к воплощению сложных и многогранных характеров, умеющих работать в ансамбле; писали о высокой духовности спектакля. Эмилия Григорьева танцевала в этом балете Мехменэ Бану.

«Это моя любимая партия. Мне всегда нравились партии игровые, с актерскими задачами, — вспоминает Эмилия Антоновна. — Я хотела воплощать на сцене героинь с драматической судьбой. Мечтала станцевать Зарему, но это очень

Эмилия Антоновна Григорьева. 2025

сложная технически, даже виртуозная партия... Зато я станцевала «Болеро» Равеля».

Об этой работе балерины ее коллега и партнер, заслуженный артист РФ Виктор Сергеев писал: «Танцую соло в «Болеро», Эмилия Григорьева не стремится выделиться, крикнуть громче, быть ярче, заметнее. Танец актрисы то стремителен, то плавен, но всегда музыкально пластичен, выделяется яркостью и своеобразием индивидуальности. Есть, вероятно, танцовщицы, более виртуозные и темпераментные, но не могу назвать актрису острее, глубже ощущающую смысловую значительность танца, его эмоциональную взволнованность».

Эмилия Григорьева не танцевала главных героинь, она танцевала и жила рядом с ними, создавая основу — плоть спектакля. Будучи уже артисткой миманса, она выходила на сцену в роли Берты, матери Жизели. Как она сейчас шутит, ей пришлось «нянчить» не только куйбышевских-самарских солисток, но и столичных прим: Ирину Колпакову, Надежду Павлову. Каждую из них она нежно прижимала к себе и пыталась предостеречь от беды, а потом скорбела так, что у зрителей тоже подступали к глазам слезы.

«Наша работа — балет, театр, — это наша жизнь, наши друзья, наша семья. И разделить их невозможно, — убеждена Эмилия Антоновна. — Я сейчас хорошо живу. Мне все интересно, и я имею возможность узнавать новое. Смотрю телевизор, читаю новости в Интернете. Я очень люблю балет. И молодым ребятам хочу пожелать тоже любить балет, ведь в нем таится такая удивительная красота тела и духа!»

P.S. Ее бабушка была литовской графиней, а дедушка — из разорившихся дворян. Когда они поженились, ни одна семья не приняла неравный брак. Они стали жить в небольшой белорусской деревне, где родился сын Антон, в будущем — отец Эмилии. Хотя жили очень небогато, в доме имелась большая библиотека. В конце 1920-х, когда Антон был в отъезде, прибежал сосед и предупредил, что завтра планируется начать раскулачивание. Мама схватила двух малолетних дочек и убежала из дома — уехала к мужу. Так семья обосновалась в Ленинграде. Именно там маленькая Эмилия на концерте увидела хореографический номер и навсегда полюбила балет. Любовью искренней и преданной. Одной любовью на всю жизнь.

Анна ЛАЗАНЧИНА

БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ

К 75-летию снятия блокады Ленинграда Музей обороны и блокады Ленинграда, Военный музей Карельского перешейка и творческое объединение «Ленинградская сюита» выпустили сборник «Танцую под обстрелом», в который включили блокадные дневники балерин Ольги Иордан и Наталии Сахновской и воспоминания оперного певца Ивана Нечаева, известных артистов Театра оперы и балета имени С. Кирова (Мариинского). Они остались в Ленинграде и все дни блокады работали: танцевали и пели. Партнером Наталии Сахновской был ее муж Роберт Гербек. Это был «золотой дуэт» театра. Пережив самую страшную первую блокадную зиму, весной 1942 года они начали работать.

Из дневника Наталии Сахновской:

«В конце августа в театре неожиданно объявили открытие сезона. Все встрепенулись, вздохнули с облегчением. В тыл полетели телеграммы с вызовом артистов, эвакуированных с детьми, на сбор труппы. А

через два дня вышел приказ Правительства об эвакуации театра в Пермь вместе с семьями. Роберт срочно выписался из больницы. Он настаивал на отъезде, конечно, мы не мыслили себя вне театра, но родители колебались, как выдержит такой переезд в теплушке отец. Я была в отчаянии, оставлять больных отца, мать и сестру я не решалась, и расставаться с мужем тоже не могла. Узнав в театре, что второй эшелон отбудет на два дня позже, и убедив маму, что надо ехать, мы стали собираться. Волнуясь и плача, беспорядочно укладывались, плохо соображая, что из вещей необходимей.

В день отъезда первого эшелона я была на вокзале, провожала товарищей. Началась погрузка, шум и суматоха невероятная. Огромный состав товарных вагонов-теплушек забили до отказа. На опустевшем перроне осталось несколько семейств, которые не смогли поместиться. Растерянно стояли они возле своих вещей. Помогая то одним, то другим, я не заметила сигнала отправления. Неожиданно для меня эшелон словно вздрогнул и тяжело тронулся с ме-

Наталия Сахновская в одной из воинских частей. 1943

Концерт Натальи Сахновской и Роберта Гербека в Ленинградской филармонии. 1943

ста. Медленно поплыли мимо меня теплушки. Я похолодела, вдруг стало очень страшно. Из всех дверей вагонов высовывались головы, чтобы бросить прощальный взгляд на покидаемый ленинградский вокзал.

Замечательная балерина, дорогой друг Феэчка Балабина сидела в дверях теплушки на чемодане, глаза были полны слез, она грустно улыбнулась и кивнула мне на прощание. В следующем вагоне, держась за косяк дверей, в рост стоял солист оперы Георгий Нелепп, он сохранял бодрость, прощаясь, крикнул нам, оставшимся на перроне, что-бы догоняли их следующим эшелоном.

Простучали колеса последнего вагона, состав набирает скорость и удаляется, а мы остались... Я почувствовала дурноту, сжалось сердце, потемнело в глазах... Какая-то девушка поддерживала меня и помогла подойти к зданию. Долго стояла я, прислонясь к стене, тщетно убеждая себя, что оторвались мы от театра всего на два дня...

После отъезда театра мы прожили в сборках и ожидании несколько дней. Роберт чувствует себя плохо, он подавлен, нервничает, ждет выезда и твердит в отчаянии: «Мы не должны отрываться от театра, мы должны быть вместе с театром».

Меня мучает, что он страдает из-за ме-

ня и моих родителей. Предчувствия оправдались, выехать не пришлось, второй эшелон не состоялся. Враг нагрянул скорее, чем казалось возможным. Город спешно готовится к обороне. Грозно глянули с перекрестков улиц амбразуры с орудиями. Заняли вахты на крышах зенитки. Гигантскими чехлами затянулись Адмиралтейский, Петропавловский, Инженерный шпили. (Это чудо ловкости и героизма совершают любители-альпинисты, среди которых и наши музыканты: Ольга Фирсова, Андрей Сафонов, Михаил Шестаков, художница Татьяна Визель). Позеленели купола Исаакия. Скрылись за досками витрины магазинов. В груды мешков с песком обернулись памятники, а клодтовские кони исчезли, словно прыгнули со своих пьедесталов и умчались неизвестно куда.

Вопреки всему, нас, артистов, оставшихся после эвакуации театров, призывают к нашей деятельности. В помещении театра «Народный Дом», филиале Кировского театра, открываем сезон операми «Евгений Онегин», «Травиата» и «Пиковая дама» и балетами «Эсмеральда», «Конек-Горбун» и «Шопениана». В Большом зале Филармонии объявлены концерты и вечера балета. Возглавила труппу балета народная

Герои Блокадного театра: артист Театра драмы им. А.С. Пушкина, режиссер «Пиковой дамы» Евгений Студенцов, руководитель оперной труппы певец Иван Нечаев, балерина Ольга Иордан, художник Георгий Цорн, дирижер Карл Элиасберг. 1943

артистка А.Я. Ваганова. Начались ежедневные тренаж и репетиции на ул. Росси, 2 для вечеров балета «Пахита», фрагменты из других балетов и дивертисмент. Артисты любят свою профессию и относятся к своим выступлениям с большой ответственностью. Мы рады началу сезона. Но жизнь становится с каждым днем все тяжелей. Исчезли продукты в магазинах, трудно стало с транспортом, и начались налеты...»

Из воспоминаний Ольги Иордан:

«Спектакль шел хорошо, зрительный зал был полон, принимали отлично. А за кулисами все были возбуждены и взволнованы. В режиссерской сидели тихо и прислушивались к репродуктору. После спектакля пошла подышать воздухом на набережную — дома не сиделось. На улице меня застал сигнал воздушной тревоги. Странное чувство охватило меня: казалось невозможным, чтобы величие и красота нашего города, который мы, ленинградцы, так любим, особенно в эти белые ночи, были грубо нарушены появлением вражеских самолетов и разрывом бомб».

Из дневника Натальи Сахновской:

«Захваченные общим подъемом, мы работаем с большим рвением. Приносить пользу, служить защитникам нашим и подвижникам-ленинградцам стало самой насущной моральной потребностью. Еще мало сил, не хватает дыхания, темнеет в глазах. Иногда не удается закончить танец, теряю сознание, но в таких случаях наши зрители высказывают большое сочувствие и теплоту».

«3 мая. Во время обстрела возник огромный пожар, говорят, попало на нефтебазу, и рвутся баки. Ужас... Выступаем в туберкулезном диспансере, а потом в морской части. Всех взволновал пожар. Теперь все снаряды летели туда. Тушить такое пламя под таким обстрелом, как ад, какая мучительная схватка с огнем. Пожарные команды спешили туда. Кто-то выходил на улицу узнать, удастся ли потушить пожар. Всё еще нет... Ни одного часа без борьбы. Фашизм — это такое изуверство. Как Гитлеру удалось внушить своей нации такую злобу нечеловеческую, прямо звериную дикость, даже страшнее...»

Из дневника Ольги Иордан:

«Тяжелым кошмаром вспоминались месяцы вынужденного бездействия, хотелось быть полезной стране. Работать хотелось мучительно. И не мне одной. Об этом говорили все мои товарищи, с которыми я снова начала встречаться. Оказалось, что из нашего театра остались человек двадцать. Это была способная молодежь, но все были в ужасном состоянии, истощены и обессилены, а у Тихомирова, кроме дистрофии, была еще и цинга: колени распухли, танцевать он не мог.

Агриппина Ваганова (в то время руководитель балетной труппы театра) эвакуировалась весной, в марте, и потому возглавить работу балетного коллектива пришлось мне. Я как старшая чувствовала на себе моральную ответственность за судьбу моих младших товарищей.

Трудности начались с первых шагов — с задачи достать ноты, хотя рядом с нами, в том же доме, находилась богатейшая музыкальная библиотека. Но было запрещено: библиотекарь умер зимой, окна были заколочены крепкими досками и засыпаны землей еще в

первые дни войны. Когда мы, раздобыв ключи, вошли туда, мы не знали, что нам с этим лежащим совсем рядом богатством делать. Зажгли копилки и наугад снимали с полок ноты, стараясь таким образом разгадать систему, по которой они были расставлены, и найти то, что нам было нужно. Кое-что обнаружили, но многого так найти и не удалось, приносили из дома, у кого что было».

Из воспоминаний Ивана Нечаева:

«Давали спектакль в сукнах: декорации не подвезли из-за длительных обстрелов. А люди пришли. Большой зрительный зал был переполнен. «Что день грядущий мне готовит?..» — пел я, и в это время снаряд лег где-то у самого театра. Стены трянуло. Жалобно и быстро заговорили подвески на люстре. «...Паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?..» — продолжал я и украдкой посмотрел в зал. Там никто не дрогнул, не высказал испуга. Худенькая девочка-подросток в сером платке, что сидела у прохода второго ряда, плотнее запахнулась в пальто, спокойная и внимательная. Что это? Презрение к смерти? Вызов врагу? Или образы Пушкина и Чайковского оказались сильнее снарядов, несших гибель?..»

Из воспоминаний Ольги Иордан:

«В Филармонию в этот день собрались те, кто не боялся прийти сюда ради искусства. И таких — полный зал. Эти люди стали мне бесконечно близки и дороги, никогда в жизни не ощущала я такой тесной, непосредственной связи со зрительным залом, как в этот день. Я танцевала и хотела слиться с ним. Я была благодарна ему за его отношение к искусству, видела в этом отношении проявление силы духа, его торжество над тревогами и невзгодами блокады, духа, не сломленного трудностями, бомбежками, обстрелами и надвигающимся голодом. Я не знала тогда еще, сколько душевного величия и мужества и в большом, и в малом проявят в недалеком будущем ленинградцы, часть которых в тот момент собралась в зале Филармонии, и какими бессмертными подвигами прославят они себя и свой город».

ЛЮДЕЙ ОБЪЕДИНЯЛА ВЕРА В ПОБЕДУ

Творческая биография артиста Николая Матвеевича Савицкого богата адресами, событиями, встречами. После окончания Новосибирского театрального училища его профессиональная жизнь была связана с разными драматическими театрами СССР и России: Алма-Атинский имени М.Ю. Лермонтова, Владимирский, Калининский, Севастопольский имени А.В. Луначарского, Кишиневский имени А.П. Чехова, МХАТ имени Горького, Московский театр «У Никитских ворот».

Голос Николая Савицкого хорошо знаком слушателям радиостанции «Орфей», а кроме того, он принимал участие в записи аудиокниг, снимался в кино- и телепроектах.

Николай Матвеевич играл в Белгородской драме и в Старооскольском театре для детей и молодежи, работал диктором в телерадиокомпании «Белгород».

А первые «выступления» маленького Ко-

ли состоялись во время Великой Отечественной войны, в городе Новосибирске. В 1941 году ему было четыре года, начало войны он, конечно, не помнил. И все-таки детская память сохранила яркие страницы тяжелого для страны времени.

Семья жила в соцгородке при авиационном заводе имени В. Чкалова. Николай Матвеевич до сих пор помнит свой первый адрес: улица Жданова, брусчатый дом №2, подъезд №2, секция 3, комната 3. Брусчатые дома располагались квадратами, в центре площади которых находились места общего пользования и сараи, где хранились уголь и дрова. Ими жители соцгородка долгими сибирскими зимами топили печи в своих комнатах.

Окно комнаты, в которой Николай жил с мамой, выходило на проходную завода. За час до начала смены гудел заводской гудок, рабочие просыпались, и к 8-ми часам шли

Николай Савицкий. 1960-е

Николай Савицкий с мамой. 1942

по тропинкам от своих домов, постепенно сливаясь в одну большую людскую реку. Собранные, суровые, напряженные — такими запомнил мальчик земляков военной поры. В городке был установлен громкоговоритель, и когда из черного рупора доносился голос Юрия Левитана, люди собирались вокруг и с надеждой вслушивались в сводки Совинформбюро. Их объединяла вера в победу и готовность жертвовать ради нее.

Мама Николая работала в вооруженной охране завода, на службе была в форме, в кобуре — оружие. А в домашней, дружеской обстановке всегда была душой компании. В выходные в гости приходили подруги, приносили с собой бутылочку, готовили нехитрую закуску, говорили о своем, о бабьем. И вдруг, в какой-то момент этих

посиделок начинала звучать песня — сначала негромко, несмело, а потом набирая мощь и широту. Пели «По диким степям Забайкалья», «То не ветер ветку клонит», «Шумел камыш», «Ревела буря, дождь шумел», другие народные песни.

— Поскольку я находился здесь же, в комнате, то знал наизусть весь репертуар маминых подруг, — рассказывает Николай Матвеевич. — И даже стал им подпевать вторым голосом! У мамы был сильный высокий голос, и у меня тоже стал формироваться звонкий мальчишеский. Так что мы с мамой хорошо спелись! Я до сих пор вспоминаю наши военные вечера и наши задумчивые песни...

В соцгородке был детский сад, куда мама отдавала Колю на пятидневку, забирая домой только на выходные. Сегодня это стало бы поводом для «проработки детских психотравм», а Николай Матвеевич вспоминает о детсадовской поре светло и тепло:

— Воспитателями у нас работали женщины, эвакуированные из Киева. Боже мой, что это были за люди! Как они любили детей! Мягкие, интеллигентные, доброжелательные. Они нам рассказывали легенды о Киеве, об истории своего родного города... Придумывали разные игры вовлекающего характера. Например, шумовой оркестр! Музработник играла на пианино, а мы с помощью всяких приспособлений старались попасть в ритмический рисунок пьесы. И еще старались нас подкормить: если кто-то из детей не приходил в садик, нам давали дополнительные порции.

Отец Коли тоже работал на заводе. Он был высококвалифицированным токарем-универсалом, работал на сложных станках, поэтому на фронт его не призвали. Однажды отец взял Колю на завод. Настроил станок, показал, какие кнопки надо нажимать, и дал сыну возможность сделать несколько деталей для самолета. «Выходит, что и я совсем чуть-чуть, но тоже поспособствовал нашей победе», — смеется Николай Матвеевич.

... Недалеко от соцгородка проходила булыжная мостовая, по которой солдаты с учебного плаца шли к вокзалу. И когда зву-

Н. Савицкий в армии

Н. Савицкий

чал военный оркестр, мальчишки со всех домов бежали к мостовой, пытались идти с солдатами нога в ногу, провожали их, сколько могли. Солдаты улыбались, а детвору переполняло чувство сопричастности к чему-то очень большому и важному.

День Победы Новосибирск встречал всеобщим ликованием! Как только по радио объявили, что на центральной площади состоится праздничный концерт, мальчишки из соцгородка побежали к трамвайной линии, брали вагончики приступом, усаживались на сцепления между ними, висели на подножках, крепко ухватившись за поручни.

— Трудно описать атмосферу, которая царила на площади, — говорит Николай Матвеевич. — Люди обнимались, целовались, поздравляли друг друга! Когда наступила темнота, включили прожекторы и начался салют. Всех переполняла радость от торжества нашей великой победы!

В Новосибирске, уже после победы, Николай пошел в первый класс. Потом семья переехала сначала в Николаевск-на-Амуре, затем — в Комсомольск-на-Амуре. Мечтал стать летчиком. Но в Комсомольске в 1953 году открылась театральная студия. Коля часто выступал на школьных вечерах, читал стихи, и товарищи ему говорили: «Ну ты и артист!»

По семейным обстоятельствам школу окончил уже в Белгороде, у бабушки. В Доме культуры железнодорожников был прекрасный духовой оркестр, Николай вел там концерты, играл на трубе и валторне. Из Белгорода был призван в армию, а когда вернулся на гражданку, случайно увидел в газете объявление о том, что в Новосибирске открылось театральное училище. И это стало прологом к большому и долгому профессиональному пути актера Николая Савицкого.

Наталья ПОЧЕРНИНА

«ВСЁ ЭТО РОДИНУ СПАСЛО...»

13 июня 1942 года фашистский самолет сбросил бомбы в самом центре Воронежа. Ужасный взрыв прогремел на этом месте. Здесь был Сад пионеров. В этот день должен был состояться большой пионерский праздник. Сюда было приглашено несколько сотен детей. Праздник устраивался по случаю окончания учебного года. В игротке можно было получить куклу, велосипед, шашки и шахматы, в буфете продавали пончики, детей старались побаловать и в суровую военную пору. Большое оживление царило на танцплощадке: здесь баянист Дворца пионеров Иван Игнатьевич Ка-

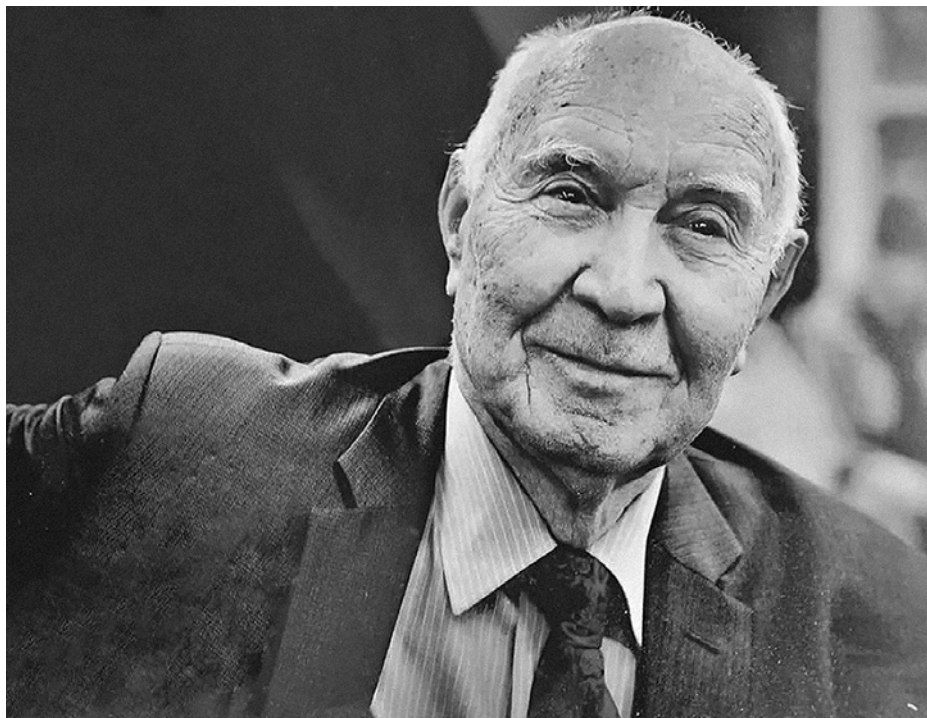
лашников со своим учеником Вале́й Орловым играли в два баяна.

Но детскому веселью так и не суждено было случиться... Еще не начавшись, оно закончилось трагедией.

Вспоминает заслуженный артист РФ Евгений Федорович Слепых:

— Мое раннее детство прошло на улице Первомайской, жили мы в крайнем доме. У нас была очень хорошая семья: отец-лесовод, мать работала в банке, две бабушки, жил с нами и дядя, который учился в Педагогическом институте на физико-математическом факультете и всегда приносил мне детские

Евгений Федорович Слепых

книжки, которые я любил читать. Он ушел на фронт в первые дни войны и сразу же пропал без вести, позже мы узнали, что он был убит в эти первые дни.

Мое детство закончилось очень рано, потому что в 1942 году Воронеж был под немецкой бомбежкой, мы прятались, но впервые я столкнулся с этой фашистской жестокостью в Пионерском парке, когда погибло очень много детей. Сейчас на улице Театральной стоит памятник этим детям, и когда я прохожу мимо него, я всегда думаю, что это мог бы быть памятник и мне. Мы с мамой были в тот день в этом парке, когда налетел фашистский самолет. Правда, были не в эпицентре бомбежки, но все равно мама накрыла меня своим телом, а сама была ранена в ногу. Через какое-то время, когда немцы вошли в Воронеж, нам сказали, что уже надо уходить. И мы решили уходить, потому что дом наш разбомбили, в этом доме погибла моя бабушка, мать отца, она сгорела в горящем доме, и мы, в чем были, в том и вышли из города. Как сейчас помню: мама была в простом ситцевом платье в мелкую клеточку, бабушка несла на руках моего младшего брата, мама шла на костылях. Мы захватили с собой только женский ридикюльчик с документами и всё.

Перешли речку Воронеж и шли по дамбе, по которой шло очень много народу, все шли пешком. И когда вышли на ржаное поле, вдруг налетел немецкий самолет и стал на бреющем полете расстреливать мирных жителей, которые шли по дороге. Мы бросились в рожь, лежали, и я видел, как пролетал над нами этот самолет и стрелял по людям. Видел даже кабину и в кабине лицо немца в летчицких очках. Мы прошли до Отрадного, там жила бабушкина подруга, они нас и приютили. Там мы прожили месяц.

Я видел, как наши «катюши» выскакивали из леса и трассирующими ударами обстреливали город. Весь город го-

Евгений Слепых с мамой

рел... Через какое-то время мы сели на подводы, пришли военные, нас эвакуировали в село Садовое Анненского района, оттуда мы попали в Урюпинск, и там я пошел в школу. Первый раз, 1 сентября.

У бабушки в доме стояли военные, и вот когда я пошел в школу, один из солдат дал мне один простой кусок черного хлеба. Этот подарок солдата я запомнил очень надолго, потому что всякие подарки мне в жизни дарили, но почему-то именно этот стал мне очень и очень дорог.

Годовалый Женя Слепых с мамой, папой, дядей и бабушкой. 1936

А в 1943 году, когда освободили Воронеж, мы вернулись сюда. Дома у нас не было, и мы жили в папиной конторе. Она называлась «Воронежлес» и уже начала работать. Днем служащие работали за своими столами, а ночью мы на этих столах спали. Я учился в школе, и мы иногда выступали перед ранеными бойцами. Приходили в гости, читали им стихи. И вот через много лет мне попало на глаза одно стихотворение моего сверстника, известного поэта Евгения Евтушенко, оно называлось «Армия». И мне показалось, что это стихотворение и про меня.

*В палате выключили радио,
и кто-то гладил мне вихор...
В зиминском госпитале раненым
давал концерт наш детский хор.
Уже начать нам знаки делали.
Двумя рядами у стены
стояли мальчики и девочки
перед героями войны.
Они,
родные,
некрасивые,
с большими впадинами глаз,
и сами жалкие,
несильные,
смотрели с жалостью на нас.
В тылу измученные битвами,
худы,*

*заморены,
бледны,
в своих пальтишках драных
были мы
для них героями войны.
О, взгляды долгие, подробные!
О, сострадание сестер!
Но вот:
«Вставай, страна огромная!» –
запел, запел наш детский хор.
А вот запел хохол из Винницы.
Халат был в пятнах киселя,
и войлок сквозь клеенку выбился
на черном ложе костыля.
Запел бурят на подоконнике,
запел сапер из Костромы.
Солдаты пели, словно школьники,
и, как солдаты, пели мы.
Все пели праведно и доблестно
и няня в стареньком платке,
и в сапогах кирзовых докторша,
забывши градусник в руке.
Разрывы слышались нам дальние,
и было свято и светло.
Вот это всё и было –
Армия.
Всё это Родину спасло.*

Евгений Федорович Слепых:

С 1962 года по 1969 год – директор Дома культуры электрорадиотехнического завода (г. Новосибирск) и режиссер поэтического театра.

С 1969 года по 1971 год – заместитель директора Дворца культуры железнодорожников в Воронеже и преподаватель художественного слова на факультете общественных профессий в Воронежском государственном университете.

С 1972 года декан театрального факультета и преподаватель сценической речи ВГИИ. По совместительству работа в качестве чтеца и ведущего в Воронежской филармонии.

Работа на общественных началах на Воронежском радио – 100 литературных программ.

В течение 30 лет ведущий Литературной гостиной в Доме актера.

«ПОСЛЕДНИЕ»...

Разбирая архивы Союза театральных деятелей РФ, заместитель начальника документационного обеспечения Анна Купцова наткнулась на уникальные фотографии — дипломный спектакль «Последние» по М. Горькому Театрального училища имени Бориса Щукина. Режиссеры-педагоги — Б.Е. Захава, К.Я. Миронов. Фотографии датируются... 21 июня 1941 года.

Мы не могли не поделиться таким эксклюзивным материалом с нашими читателями, узнав предварительно судьбу каждого выпускника. Задача оказалась сложной. Безвременный уход из жизни Маргариты Рахмаиловны Литвин, одой из хранительниц истории Театра имени Евгения Вахтангова, проработавшей в музее театра более 60 лет, большого друга нашей редакции, энциклопедического ума женщины, каза-

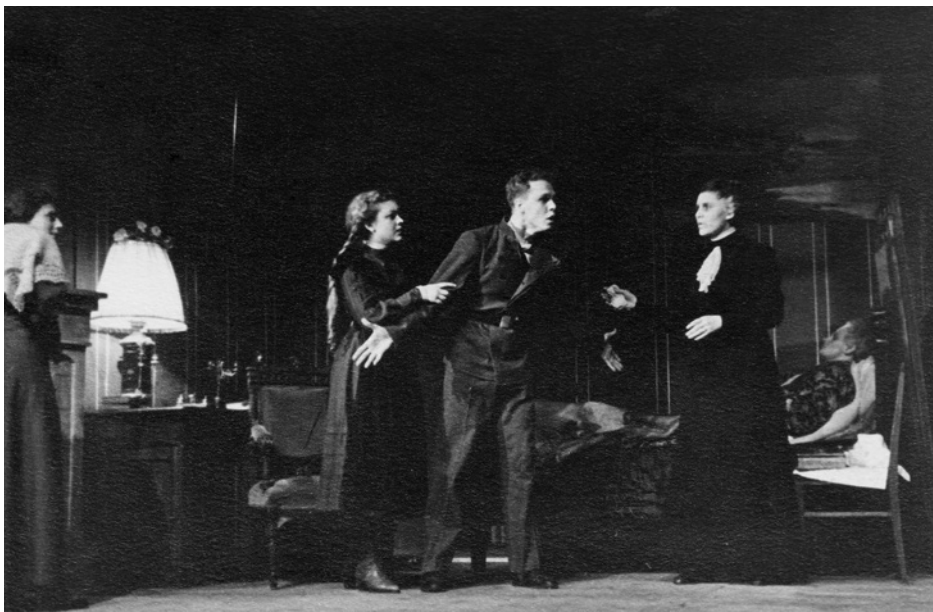
лось, поставил крест на нашей идее. Но мы не опустили руки и продолжили поиски того, кто смог бы нам помочь в таком нелегком деле. Совершенно случайно судьба вывела нас на Германа Марченко, преподавателя Театрального института имени Бориса Щукина.

Мы выражаем нашу глубокую признательность Герману Владимировичу в поиске информации и подготовке этого материала.

В 1941 году выпускники Театрального училища имени Б. Щукина Вячеслав Дугин, Николай Емельянов, Владимир Колчин, Надир Малишевский, Людмила Целиковская были приняты в труппу Театра имени Евгения Вахтангова.

Судьбу Е.И. Волковой, И.В. Никулиной узнать не удалось.

Сцена из спектакля «Последние». 1941

В. Архангельская

Валентина Архангельская

Служила в Вахтанговском театре с 1938 по 1941 год; актриса комсомольского фронтового театра, созданного на основе Арбузовской студии (1941–1944),

Иркутского драматического театра (1944–1949), Брянского областного театра драмы (1949–1951), Одесского театра русской драмы (1951–1954), Малого театра СССР (1954–1965).

В 1965–1999 годах — актриса Московского драматического театра имени А.С. Пушкина.

Сара Брегман

Актриса Вахтанговского театра (1938–1944) и Московского академического театра имени Моссовета (1944–1982).

Педагог кафедры сценической речи Щукинского училища (1945–1952).

Тамара Гембицкая

Актриса Вахтанговского театра (1938–1941), Московского театра Революции (1941–1945), Московского областного театра драмы и Литературного театра ВТО. Работала на Центральном телевидении. Была первым режиссером передачи «В мире животных» (1968–1974).

Награждена Орденом Отечественной войны II степени (1985) по инициативе Министра обороны СССР С.Л. Соколова.

Вячеслав Дугин

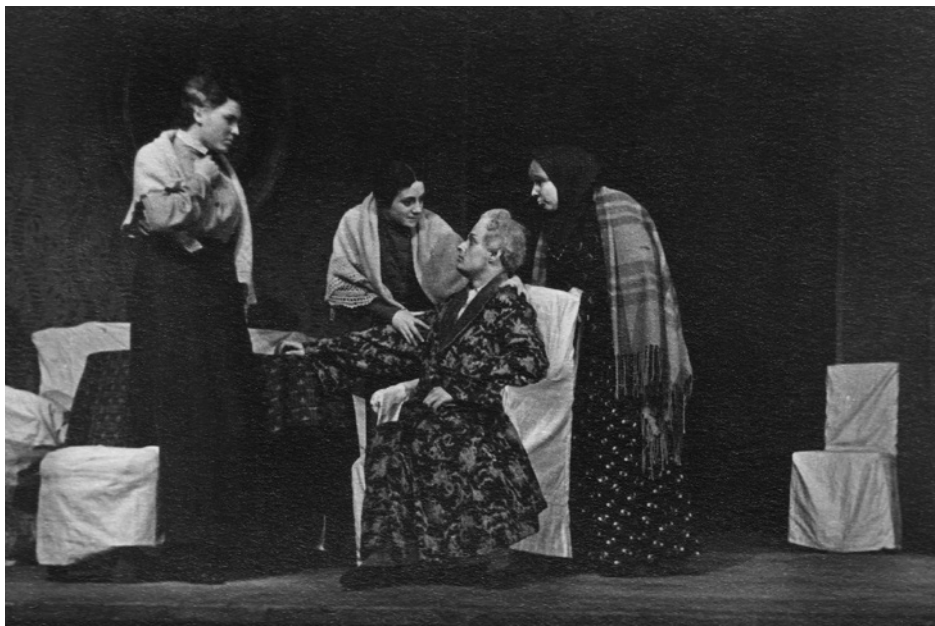
Служил в Театре имени Евгения Вахтангова с 1942-го по 2006 год.

Сара Брегман.
Кадр из фильма
«Тайна Эдвина Друда».
1980

Сцены из спектакля «Последние». 1941

В. Дугин

Н. Емельянов

В 1944–1945 гг. преподавал в Театральном училище имени Б.В. Щукина по классу сценического движения.

В.А. Дугин был награжден медалями «За оборону Москвы» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946), «800-летие Москвы» (1948).

Из воспоминаний В. Этуша: «...А через две недели (6–7 июля 1941 г.) юношей со всех курсов Щукинского училища собрали в райкоме партии, в бывшем особняке С. Морозова и отправили на оборонные работы под Вязьму — рыть противотанковые рвы. Вместе со мной там оказались будущие известные вахтанговские актеры — Вячеслав Дугин, Александр Граве, Анатолий Иванович Борисов. На Вяземском рубеже мы пробыли три месяца».

Николай Емельянов

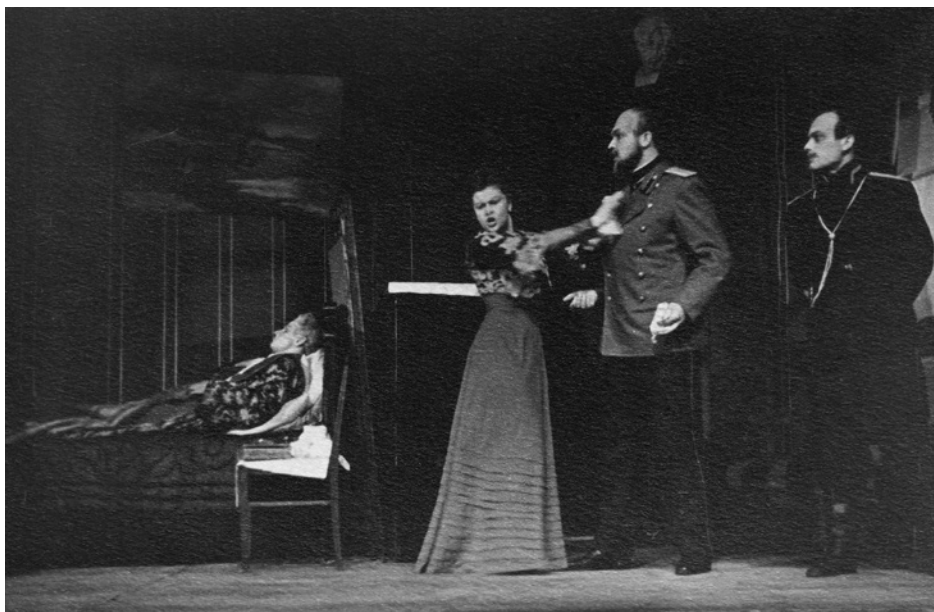
С 1937 по 1941 год учился в Театральном училище имени Б.В. Щукина, после его окончания был принят в труппу Театра имени Евгения Вахтангова.

В дальнейшем служил в Московском театре имени Ленинского комсомола, Московском академическом театре Сатиры и Московском областном театре драмы.

Награжден медалями «За оборону Москвы» (1944), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946), «В память 800-летия Москвы» (1948).

Владимир Колчин

Служил в Театре имени Евгения Вахтангова до 1971 года. Много снимался в кино, в том числе в таких фильмах как «Трактористы», «Простые люди», «Это было в Донбассе», «Шведская спичка» и многих других.

Сцены из спектакля «Последние». 1941

В. Колчин

Н. Малишевский

Надир Малишевский

В 1941 г. был призван в ряды РККА и участвовал в Великой Отечественной войне. В марте 1943 г. получил ранение, до июня находился на лечении в госпитале, был демобилизован и отправлен в распоряжение Комитета по делам искусств. С июля по сентябрь работал в Белорусском фронтовом театре, затем — во фронтовом драматическом театре. С

И. Мурский

1944 года и до конца жизни — актер Театра имени Вахтангова.

Игорь Мурский

В 1941 году поступил на службу в РККА. 1 сентября 1945 года награжден медалью «За боевые заслуги». Воинское звание на момент награждения: старшина 2 статьи. Военную службу артист завершил 4 сентября 1946 г. в звании старшины 1 статьи. Место службы: Театр Тихоокеанского флота. «Подготовил две антияпонские песни и организовал их исполнение бригадой в действующих частях ТОФ. Лично принимал участие в работе бригады и исполнением им указанных песен в составе руководимого им трио заслужил отличные отзывы бойцов и офицеров».

В 1946–1947 годах актер театра им. Моссовета.

В 1950-х годах — актер Театра Балтийского флота.

Л. Пушкарёва

В 1960 году — актер Ленинградского театра имени Ленинского Комсомола.

В 1964 году — актер Московского нового театра миниатюр.

Работал на телевидении, был режиссером передачи «Английский язык».

Любовь Пушкарёва

Народная артистка РСФСР.

Начала свою театральную карьеру в 1941 году, когда стала актрисой МХАТ, в труппу которого она была принята одним из основателей театра Вл.И. Немировичем-Данченко и в котором проработала всю жизнь. После разделения театра в 1987 году работала во МХАТе имени Горького под руководством Татьяны Дорониной.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В. Ушаков

Владимир Ушаков

Заслуженный артист РФ.

В 1941 году по распределению был назначен в Театр драмы и комедии, но оттуда сразу перешел во фронтовой филиал Малого театра. С 1947 по 1950 год работал в Потсдаме, где базировался Театр группы Советских войск в Германии ГСВГ. По возвращении на родину непродолжительное время прослужил в театре, которым руководил Михаил Астангов.

В 1952 году был принят в труппу Театра Сатиры, в котором служил более 50 лет.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «Ветеран труда».

Людмила Целиковская

Народная артистка РСФСР. Всенародно любимая актриса. Студенткой дебютировала в спектакле «Слуга двух гос-

Сцены из спектакля «Последние». 1941

Л. Целиковская

под» Театра имени Евгения Вахтангова. В 1938 году Целиковская дебютировала в кино в роли пионерки Вали в фильме «Молодые капитаны». Молодую талантливую актрису заметил режиссер Константин Юдин и пригласил сниматься в фильме «Сердца четырех», где она сыграла Шуру Мурашову. После начала Великой Отечественной войны премьера фильма была отложена, и он вышел на экраны только в 1945 году.

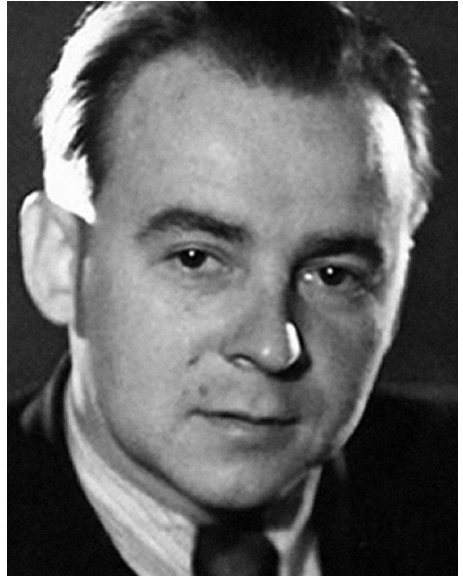
Вместе с мужем Михаилом Жаровым выступала перед советскими солдатами на фронтах Великой Отечественной войны.

Награждена медалью «За трудовую доблесть».

Анатолий Щукин

Заслуженный артист РСФСР.

С 1938 по 1941 год работал в Театре имени Евгения Вахтангова.

А. Щукин

Во времена Великой Отечественной войны служил в театре Тихоокеанского флота СССР.

С 1946 по 1948 год — в Театре Моссовета. Всю последующую театральную жизнь был ведущим артистом Центрального детского театра (ныне — РАМТ) в Москве.

Кроме того, Щукин приобрел известность по постановкам для грампластинок и радио и по озвучиванию мультипликационных фильмов. Самой известной его работой в этом жанре стала роль Кролика в мультфильме «Винни-Пух идет в гости».

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ МИР

В этом разделе мы публикуем материал, присланный в журнал из Оренбургского драматического театра им. М. Горького. В нем бережно собраны уникальные свидетельства о днях Великой Отечественной войны, оставленные теми, кто уже ушел из жизни, начав свою творческую деятельность не только в Оренбурге, но и в других городах СССР. И, конечно, особенную ценность приобретают воспоминания тех, кто ребенком запомнил то горькое время, и продолжает радовать зрителей своим творчеством и сегодня.

Ирина Федоровна Щеглова (1898–1989)
— заслуженная артистка РСФСР.

Родилась 3 сентября 1898 года в Петербурге в семье инженера и актрисы. В 1917 году поступила в театральную студию при Государственном Первом Передвижном театре П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской. Работала в разных театрах страны: Петербург, Москва, Петрозаводск, Симферополь, Ярославль, Калинин, Грозный, Куйбышев. В Оренбурге с 1947 года как ведущая актриса, режиссер и театральный педагог.

Из воспоминаний И.Ф. Щегловой:

— Во время Великой Отечественной войны я была актрисой драматического театра в городе Куйбышеве. 29 октября 1942 года выехала в Москву с фронтовой бригадой артистов Куйбышевских театров и филармонии. Вместо обычного аккордеона мы взяли с собой «Малютку» — маленькое пианино с клавиатурой в три октавы. С волнением покидали мы Куйбышев: интересен ли будет бойцам наш концерт? Как зазвучит наша «Малютка» на фронтовых импровизированных сценах?

В Москве, через два часа после просмотра в ЦДКА, мы уже выступали в Наркомате Обороны перед высшим командованием. Большой успех окрылил нас, и мы спешно приступили к выполнению задания: обслужить в дни празднования 25-летия Великой Октябрьской революции нашу родную Красную Армию и в первую очередь героических летчиков.

Ирина Федоровна Щеглова

И вот 5 ноября мы поехали по Волоколамскому шоссе среди вздыбленных надолб и противотанковых рвов, мимо разрушенных городов и сел.

В Ногинске на аэродроме остановился наш автобус, из которого выгрузили чемоданы, потом мы — артисты в ватных куртках, а вслед за нами пианино

«Малютка», тоже заботливо укутанное ватниками. Громадный самолет «Дуглас» гордо зафыркал моторами. В поднявшемся вихре чьи-то руки бережно погрузили всех, пилот прошел к кабине, стрелок встал к пулемету, и наш первый «бреющий» полет начался. В тот же день, перенесясь за сотни километров, мы сменили ватники на концертные платья, торжественно зазвенела «Малютка», начался наш первый концерт «сталинским соколам». Перед нами сидели летчики, только что вернувшиеся с боевых заданий. Мы с радостью смотрели в их блестящие глаза, слышали раскаты задорного смеха и бурного восторга, которым награждался каждый наш номер. Сначала мы дрожали от холода, но горячая волна взаимной близости перекатывалась из «зала» на так называемую «сцену», согревая наши сердца.

После концерта нас окружили богатырские фигуры в меховых комбинезонах, летчики жали нам руки и клялись, что после возвращения с боевого задания на их самолетах появятся новые звезды, обозначающие количество сбитых вражеских «мессершмиттов». Забота, которой нас окружали в армии, трогала до глубины души. В Н-ской части мы ночевали в роте связи вместе с бойцами. И хотя работа у них продолжалась и ночью, они ходили на цыпочках и по телефону разговаривали шепотом, поясняя, что «артисты спят».

Мы уже заканчивали обслуживание частей авиации и ждали самолета, чтобы лететь в Москву, как вдруг явились представители одной Гвардейской пехотной части и попросили сегодня же выступить у них. За 16 месяцев войны у них не было ни одного концерта. Нарушить приказ командования о вылете мы не имели права... Неожиданно началась пурга, погода оказалась нелетной! И вскоре мы уже выступали на составленных столах какого-то сарая. Бойцы стояли сплошной стеной, пар от их дыхания оседал на потолке, и ледяные струйки стекали по лицам и спинам актеров... Но

концерт прошел с огромным успехом, и вечер встречи с гвардейцами остался у меня в памяти навсегда.

Когда нам довелось попасть в густом лесу в селение, только что освобожденное от фашистов, потрясенные, слушали мы рассказы женщин и детей об ужасах, пережитых ими: немцы бросили 32 ребенка в колодезь, а женщин избивали и вешали.

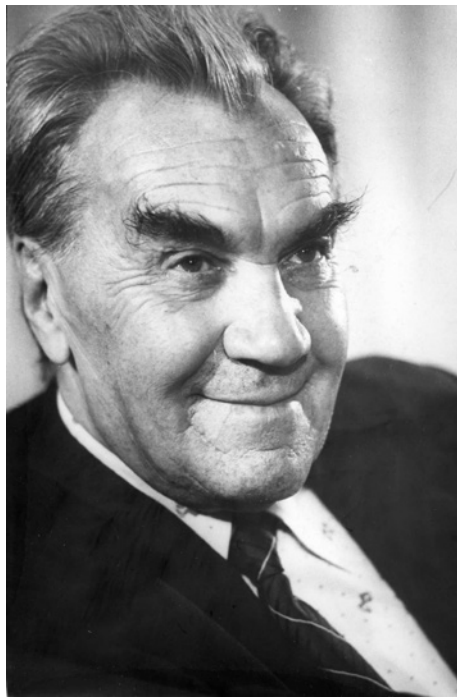
Прощаясь с многочисленными новыми друзьями, мы унесли светлые воспоминания о воинах-защитниках Родины и твердую веру в то, что они отомстят за каждую пядь нашей земли, за каждую детскую слезу...

Святослав Григорьевич Ежков (1926–1993) — народный артист РСФСР.

Родился 9 мая 1926 года в Оренбурге, до 1943 года учился в средней школе. Перед отправкой на фронт прошел курс обучения в Чкаловском училище зенитной ар-

Святослав Ежков — участник Великой Отечественной войны

Святослав Григорьевич Ежков

тиллерии. В 1945 году награжден орденом Красной звезды, медалью «За отвагу». Работал в разных театрах страны, в Оренбурге — с 1970 года.

Из воспоминаний С.Г. Ежкова:

— Я пришел на сцену драматического театра в послевоенном 1946 году. До этого были два фронтовых года, контузия, госпитали. Часто думаю теперь, если бы не война — мог бы стать другим человеком, с иным характером, и жизнь сложилась бы по-иному, другую бы выбрал профессию. Война во мне перевернула всё. На фронт я пошел добровольцем шестнадцати с половиной лет. Здоровьишко было слабое, в военкомате ответили отказом. Но я стоял на своем, потому что много не мыслил: если вся страна бьется с врагом, как же я могу быть в стороне? Воевал на Ленинградском фронте. Военные будни обрушились лавиной на созна-

ние и психику — ведь был еще совсем не подготовленным к жизни юнцом. А приходилось командовать людьми, что в отцы годились.

В конце войны я был в звании старшего лейтенанта. О чем бы ни думал теперь, память всегда возвращает в те далекие годы, она живет во мне незаживающей раной, не дает очерстветь сердцу. Памятью о своих погибших товарищах меряю я сегодняшний день...

Закончилась для меня война 7 мая 1945 года — из боевого строя был выведен контузией. Когда после долгих месяцев лежания в госпиталях вернулся в Оренбург, врачи сказали определенно: ни о какой математике, которой я очень увлекался в школе, не может быть и речи. Организм после контузии должен окрепнуть. Чтобы занять себя чем-то, пошел в драматический кружок. Первой ролью на самодеятельной сцене была роль Любима Торцова в пьесе А.Н. Островского «Бедность — не порок». Меня заметили, предложили поступить в студию при Оренбургском драматическом театре. Так стал я артистом. Удивительная это профессия! Удивительно трудная и удивительно интересная.

Александра Павловна Жигалова (1929–2023) — народная артистка РФ.

Родилась 15 сентября 1929 года в селе Стрелецкое Белгородской области. После войны поступила в труппу Белгородского драматического театра имени М.С. Щепкина, затем работала в театрах Сортавала (Карело-Финская ССР), Нальчика (Кабардино-Балкарская АССР). В Оренбурге — с 1960 года.

Из воспоминаний А.П. Жигаловой:

— В 1941 году, сразу после начала войны, отца на фронт забрали, и мы о нем ничего не знали. Он служил связистом и, слава богу, вернулся с войны. А мы с мамой три года провели в оккупации. Мне счастье, что мне тогда не было пятнадцати лет, с этого возраста немцы угоняли в

Александра Павловна Жигалова

Германию. Угнали всех соседских девочек. Это был настоящий кошмар!

Немцы с музыкой входили в наш город, а мы сидели на заборе и наблюдали. До сих пор помню ту немецкую песню... Во все дома немцы на постой устраивались. У нас их остановилось очень много и у всех были фотографии жен, детей, матерей. А первым делом фашисты поставили на главной площади города виселицу, которая никогда не пустовала. Нас же, жителей, постоянно гоняли туда смотреть на эти казни. На месяц нас освобождали русские солдаты, но потом опять началось контрнаступление немцев. Это был крошечный ад, и я оказалась в нем! Началась сильная стрельба, пулеметные очереди... Небо — черное от немецких самолетов. На этот раз в город вошли эсэсовцы, про них говорили, что им нет разницы — собаку или человека убить.

Мы с мамой укрылись у бабушки в деревне. Не шли туда, а буквально ползли. От города камня на камне не осталось, наш дом развалился как карточный. До 1943 года жили у бабушки, а отец в это время, оказывается, совсем рядом на Курской дуге воевал. Когда наши войска начали наступление, земля вся горела от взрывов, стрельбы, атак... Чудом мы пережили это время.

В конце 1943 года мы вернулись в Белгород. Мама с бабушкой на развалинах нашего дома стали строить какую-то временку, худо-бедно обустроились. Но какое было счастье, когда однажды открылась дверь, и на пороге стоял отец! В шинели, с вещевым мешком, живой! Мама упала в обморок. Все эти годы мы не чаяли, когда же закончится эта, казалось, бесконечная война! Слава богу, закончилась.

На руинах города целыми остались лишь театр и здание старинного собора. Мы с девочками-десятиклассницами увидели объявление о наборе во вспомогательный состав театра, решили попробовать. Так сразу после войны и начался мой актерский путь.

Василий Павлович Шур (1936–2012) — артист.

Родился в д. Буйновичи Гомельской области 8 мая 1936 года. В годы войны находился в оккупации. В 1959-м окончил Калининградский педагогический институт, в 1963 году — Школу-студию МХАТ СССР им. Вл.И. Немировича-Данченко в Москве. Работал в театрах Калининграда, Ижевска, Минска, Свердловска, Ульяновска, Махачкалы, был главным режиссером Серовского драматического театра. В Оренбургском театре драмы им. М. Горького — с 1993 года.

Из воспоминаний В.П. Шура:

— Моему сценическому персонажу Ярославу Мудрому, который практически находится на смертном одре, шут Соколко говорит: «Ты еще по травушке-муравуш-

Василий Павлович Шур

ке босиком пойдешь...» А для меня эти слова связаны с целым эпизодом моей жизни — воспоминанием из детства.

Отец и старший брат ушли на фронт. Нас осталось у мамы пятеро детей. Начало войны застало нас в деревушке Буйновичи белорусского Полесья. С приходом в наше поселение фашистов первое время мы еще как-то тихо жили, но вскоре все жители были вынуждены скитаться и прятаться в близлежащих лесах, не скапливаясь в большие группы — так безопасней. Немцы периодически устраивали облавы. И вот однажды проревел немецкий «мессершмитт», послышался лай собак, и мы побежали. Убегая от фашистов, мы добрались до болотца, слышны были автоматные очереди, крики и плач детей, лай собак ушел в другую сторону... Мы выбежали на покатую полянку, в низине было небольшое озерко, скорее, болотная лужа. Мама каждого из нас зако-

пала в болотную траву, прикрыла мхом, а сама, взявшись за тоненький ствол ивы, опустилась с головой в озерко. Я лежал в болотной трясине, было темно и страшно, никто даже не пикнул, надо мной проносились немецкие сапоги. Обстоятельства заставляют человека приспосабливаться, и желание выжить становится главным в твоей жизни. Я не помню страха в тот момент, только ощущение: чтобы выжить — надо потерпеть. На наше счастье немцы прошли быстро, удалялось хлопанье немецких шагов...

Когда мама раскопала нас, я на всю жизнь запомнил этот запах свежей болотной травы, ставший для меня символом жизни, спасения! Ведь мы были на волосок от смерти! Это ощущение осталось со мной навсегда.

Вот так мы блуждали по лесу, брат Иван где-то раздобыл металлический лист, на нем мы пекли грибы. А потом, когда немцы ослабли, началась военная операция «Багратион», мы уже выкопали землянку и до конца войны жили в ней. Голодали, все перенесли брюшной тиф. Мама ходила в деревню, выкапывала спрятанные нами вещи, обменивала их на провизию. Благодаря маминим хлопотам все пятеро остались живы.

В 1944 году в выгоревшем здании военного городка решили сделать школу. Сделали крестообразные столы, стулья. Из нескольких досок сбили школьную доску, на которой писали угольками. Дети из разных землянок каждый день за 5–7 километров приходили в школу учиться. В семь лет пошел и я в первый класс. Хорошо еще, если на весь класс был один букварь! Гимн Советского Союза учили по очереди, брали текст с собой на ночь. Бумаги не было. Сестра Маша меловым раствором покрывала газету — получалась бумага для занятий, чернила делали из ягод крушины, перо — из дерева. Так я учился писать. Школа работала нормально!

В свободное от занятий время мы, дети, стали зарабатывать себе одежду тем,

что сдавали древесный пепел для удобрения полей. Я нажег чуть больше трех килограммов — получил пиджак и взрослые брюки, которые сестра мне аккуратно перешила. Так и прошла война. Белоруссия была оккупирована 1100 дней. Выжить в оккупации было большим чудом!

И вот теплым весенним майским утром нам постучал в землянку бригадир и сказал, что война закончилась. Мы все побежали во двор. Нарочно не придумаешь, как было красиво в то утро! Как будто вся природа и Господь украсили мир. Ярко светило солнышко, и его свет отражался в капельках дождя, молодая травушка еще не набрала силу, но уже была ярко зеленая. Накануне ночью прошел дождь, и мы плескались в теплых лужах, визжали и кричали от великой радости. А устав визжать, перешли на плач — такие эмоции переполняли нас, когда мы узнали о Победе...

Изольда Александровна Лидарская (род. 1933 г.) — заслуженная артистка РФ

Изольда Александровна Лидарская родилась 1 мая 1933 года в Волгограде. Мама была актрисой театра музыкальной комедии. Отец — А.Г. Керн, дирижер театра, в 1937 году был репрессирован, реабилитирован посмертно. И.А. Лидарская пришла в театр в 1958 году. Получила высшее образование в Оренбургском педагогическом институте. В 1966 году с успехом окончила учебу в Школе-студии МХАТ СССР. Заслуженная артистка РСФСР.

И.А. Лидарская вспоминает:

— Во время войны я была совсем девчонкой. Участвовала в спектаклях на сцене музыкальной комедии «Девушка из Барселона», «Сорочинская ярмарка» и других. Мама с другими артистами часто участвовала в концертах для раненых в госпиталях. А я, пока ее ждала, тоже выступала: стоя на стуле, рассказывала басни Крылова «Ворона и лисица», «Стрекоза и муравей»... В госпиталях тогда не хватало бинтов, их стирали, а потом сво-

Изольда Александровна Лидарская

рачивали рулончиками для новой перевязки. Санитарка учила меня сворачивать бинты.

В 1943 году, во время гастролей Театра музыкальной комедии в Орске, случилось страшное наводнение. Гостиницу, где жили артисты, смыло водой. Все перебрались в другую гостиницу, а кто-то в здание театра. Орский театр стоял на горке. Во время наводнения на эту горку с самолетов сбрасывали мешки с продуктами, которые раздавались всем жителям Орска. Так выживали.

Помню, как кончилась война. Артисты всех театров выехали на центральную улицу — Советскую — кто на грузовых машинах, кто на лошадях, изображали героев «Молодой гвардии», пели песни из «Свадьбы в Малиновке», танцевали... Все

Рифкат Исрафилов

люди шли с цветами, флагами. Все кричали, целовались, обнимались. Это был большой праздник для всего народа. И самое яркое воспоминание моего детства!

Рифкат Вакилович Исрафилов (1941 года рождения) — художественный руководитель Оренбургского государственного областного драматического театра имени М. Горького, народный артист РФ.

Родился 6 августа 1941 года в татарской деревне Ново-Муслумово Мечетлинского района БАССР (ныне Башкортостана). В 1965 году окончил актерское отделение Уфимского училища искусств, в 1973 году

режиссерский факультет ГИТИСа имени А.В. Луначарского (курс А.А. Попова). С 1981 по 1995 год — художественный руководитель Башкирского академического театра драмы имени Мажита Гафури. С 1997 года возглавляет Оренбургский драматический театр им. М. Горького.

Война осветила его первые годы жизни, а послевоенные годы закалили. По словам Рифката Исрафилова, мы не должны забывать свою историю, должны помнить страшные годы войны, чтобы не допустить ее повторения.

Из воспоминаний Рифката Исрафилова:

— Мою мать звали Хатмиямал. То, что мы, пять братьев, остались в живых — это только ее заслуга. Мой отец, Вакил, воевал на фронтах Великой Отечественной, домой вернулся только в 1944-м после ранения. Но уже буквально через несколько дней его, не оправившегося от ранения солдата, только что вернувшегося с поля боя, отправили в трудовую армию в Уфу. Домой отец больше не вернулся... Моего старшего брата Габдельваала тоже забрала война. В 1944-м его призвали в армию. Он погиб при бомбежке города Проскурева. Спустя много лет я нашел его могилу — недалеко от той станции, где шли бои.

Вырастила нас мама. Чтобы накормить меня и моих братьев — Фариха, Равиля, Рафоса — она приносила на своих хрупких плечах картошку из соседней деревни, выменивая ее на масло. Помню, мама иногда сетовала на то, что Бог не послал ей дочери, и только став взрослым, я понял, как ей, наверное, нелегко было справляться с мальчишками! Я вечно буду благодарен моей маме! Ее, к сожалению, уже давно нет в живых. Но ее жизнь для меня — пример подвига, на который может быть способна только мать.

Александр Иванович Папыкин (1936 года рождения) — заслуженный артист РФ. Родился в 1936 году в селе Богородском

*Александр Иванович Папыкин
в студенческие годы*

Саратовской области. В Оренбургском драматическом театре имени М. Горького — с 1960 года.

Из воспоминаний А.И. Папыкина:

— Мне было пять с половиной лет, когда отец ушел на фронт. Запомнились эти проводы. Запомнилось и то, что жилось ужасно голодно. Помню самодельные мельницы-крупорушки, вкус лепешек из подорожника, которые делала бабушка. Какие сладости ели мы, дети, во время войны? Была у нас силиглина. Нынешние дети не знают, что это такое. А это вот что: во время половодья в овраги сносило с круч глину, и на дне пересохших к концу июля ручьев образовывалась ломкая корочка. Вот этими короч-

ками и лакомились ребятишки военного лихолетья. Они напоминали шоколад. А когда я учился в пятом классе, уже после войны, нам дали по кулечку, свернутому из газеты, в котором было по четыре-пять помадок. Это был восторг. Я до сих пор угощаю детей помадками. Хочу, чтобы нынешние ребятишки испытали сладость моего детства.

Отец погиб на фронте, домой пришла похоронка. И до сих пор я помню этот женский вой, который разносился по всему селу. Война принесла много горя нашему народу. Мы должны всегда помнить об этом. Чтобы сохранить мир!

Записала Мария РЯБЦЕВА

СТД РФ ЗАПУСТИЛ ПРОЕКТ «НАШИ ГЕРОИ»

В честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне Союз театральных деятелей России запустил проект «Наши Герои».

Проект посвящен родственникам Секретарей, сотрудников Центрального аппарата, Библиотеки, подведомственных учреждений СТД РФ, которые внесли свой вклад в Великую Победу.

В здании Союза размещена портретная экспозиция Героев, на которой, в частности, можно увидеть дедушку Председателя Владимира Машкова и отца Сопредседателя Валерия Гергиева.

В проекте представлены более 130 человек. История каждого Героя была дополнительно изучена через открытые архивные источники, созданы биографические справки с ин-

формацией о воинских званиях, подвигах и наградах, которые размещены на официальном сайте СТД РФ в разделе «Наши Герои» (<https://stdrf.ru/souyz/geroi/>).

Проект будет постоянно обновляться и пополняться новыми данными и в ближайшее время передан эстафетой в региональные отделения СТД РФ. Также ведется работа по формированию полного списка членов ВТО — участников ВОВ.

За каждым портретом и каждой фамилией стоит особая история. Вспоминая наших Героев, мы отдаем дань глубокого уважения их подвигу и сохраняем память о них в наших сердцах.

Пресс-служба СТД РФ

НА ПОДВИГ ОТЧИЗНА ЗОВЕТ!

Драматический театр Северного Флота был основан незадолго до войны в городе Полярный, и первоначально актерами, членами постановочной группы были офицеры, матросы, жены моряков. Ставили пьесы современных авторов: А. Корнейчука, В. Гусева, Б. Лавренёва, Ю. Германа, Н. Погодина и, пока не получили стационарного здания, выступали не только в клубах, но и на причалах, на палубах военных кораблей, в отсеках подводных лодок. Сейчас трудно представить, но распорядок дня театральной труппы был почти военным: общая побудка в 7 утра, зарядка, завтрак...

С началом войны флотский коллектив разделил судьбу прифронтового Мурманска и военных гарнизонов Кольского Заполярья. Мурманск не случайно получил звание города-героя, и если Северный флот воевал, то город — незамерзающий порт — работал на Победу: принимал и разгружал союзные конвои с оружием и продовольствием в условиях жесточайших бомбежек, ловил рыбу для отправки в блокадный Ленинград, ремонтировал суда и корабли.

В сборнике «Драматический театр Северного Флота: 1935–2020 (составитель В. Самойлик, редактор Ю. Солнцева)» отмечалось, что боевое крещение театр принял в войне с белофиннами, отправляясь к месту боевых действий вместе с солдатами, вооружением и продовольствием. Работали и в трюме, где стояли лошади, а зрители располагались в качестве наездников, и на площадке ледового озера при температуре -20 градусов. Театр был на гастролях в Азербайджане, когда началась Великая Отечественная война. По дороге домой, в Полярный, артисты репетировали концертные программы и выступали на перронах перед бойцами, отправлявшимися на фронт.

А дома уже сформировали три фронтовых бригады и на передовую часто добивались на перекладных, а то и ползком, работая для безопасности в ночное время. Трагическая история не остановила работу фронтовых бригад, а случилось следующее: «20 июля 1941 года три артиста выступали перед экипажем миноносца «Стремительный» в городе Полярный. В тот день в результате бомбардировки корабль был потоплен, все члены экипажа и наши артисты — Маркус Мейерович, Александр Владимиров и Константин Невидимов, погибли».

Как пишет заведующая литературной частью флотского театра Татьяна Борисовна Чеснокова, во время войны театр возглавляли молодые режиссеры И.Б. Шойхет, М.С. Скоморовский, позднее В.А. Мехнецов. Во время войны и до ее окончания служили В.Н. Плучек, поставивший спектакли «Давным-давно» А. Гладкова, «Офицер флота» А. Крона, и В.З. Радомысленский, который вместе с В.А. Мехнецовым создал спектакль «Фронт» по пьесе А. Корнейчука.

В это время драматурги работали специально для Театра СФ. Репертуар был связан с военно-патриотической тематикой. В. Дыховичный, автор драмы о партизанах «Шумят леса», поставил ее в театре и в качестве режиссера. И. Шток написал и поставил пьесу «В далекой гавани», она посвящена офицерам-подводникам Северного Флота и норвежским партизанам. Ю. Герман драму «Белое море» не только передал в портфель театра, но и беседовал с актерами об истории России, а пьеса стала основой романа «Россия молодая», позднее ее поставил В. Плучек. Еще одну драму «У нас на Севере» Ю. Герман и Ю. Рест посвятили североморским торпедоносцам. Игнали и классику, в том числе зарубежную, драмы Кальдерона и Гольдони, на выезде в

Исай Борисович Шойхет, главный режиссер театра Северного флота с 1947 по 1968 год

гарнизоны зачастую располагали декорации между скалами.

Воспоминания, газетные публикации говорят о том, что Кольский край и Мурманск сыграли важную роль в судьбе Константина Симонова. Являясь корреспондентом «Красной звезды», молодой и бесстрашный Симонов отправлялся с разведчиками и катерниками в самые тяжелые походы, в публикациях подчеркивая особые условия войны в Заполярье: майскую снежную метель, скалистую тундру, заваленную сугробами, в них глубоко проваливались лошади и машины, но скользили по насту нарты с оленями. Во время коротких передышек в 1942 году драматург передал в Театр СФ автор-

ский экземпляр пьесы «Русские люди» и помогал в работе над спектаклем. Приступая на репетициях флотского театра, он как будто прокатывал пьесу и отправлял правки в Москву в Театр имени Ленинского Комсомола, где тоже готовили постановку. Премьера Театра СФ состоялась 2 июня 1942 в дни битвы под Москвой и Сталинградом, и спектакль играли по просьбе зрителей 10-12 раз подряд.

Вот как описывает реакцию бойцов на постановку драмы «Русские люди» артист Театра СФ Михаил Исаев: «Положение в стране было тяжелое. В это время выходит пьеса К. Симонова «Русские люди». Как обрадовались мы этому материалу! Помню, как после спектакля ко мне подошли бойцы и сказали: «Спасибо. Мы едем в Сталинград. И будем бить немцев, как ты в пьесе говорил — до тех пор, пока последний из них будет вот здесь, под ногами у меня!..» Они крепко пожали мне руки и ушли сильные, уверенные в победе, в правоте своего дела».

Надо отметить, что Симонов интересовался постановками своих пьес в разных мурманских театрах. Так, в ноябре 1941 года на сцене драматического театра шла пьеса «Парень из нашего города», и автор оценил «бедные и трогательные декорации» и «умную тактичную» работу режиссера Савиной.

В конце 60-х годов из впечатлений военной молодости, творческой работы и острых переживаний любви и смерти в книгах Симонова сложился своеобразный театрално-поэтический образ Мурманска, он нашел свое развитие в повести «Случай с Польшинным», в которой драматическая история летчика и актрисы проходит испытания встречами и разлуками, связанными, в том числе, и с работой героини в одной из фронтовых концертных бригад Заполярья.

В Драматическом театре Северного Флота частично сохранился архив работы фронтовых концертных бригад. Он не разобран до конца, только оцифрованы фотографии некоторых спектаклей, но среди них нет снимков работы бригады на пе-

Сергей Садиков
(в центре) и экипаж
У-2 в годы ВОВ

редовой. С особой бережностью передавая старые тетради, помощник главного режиссера по литературно-драматургической части флотского театра Алексей Владимирович Башкиров позволил автору статьи познакомиться с дневниками и отчетами о деятельности фронтовых бригад в годы войны. В моих руках конторские книги и общие тетради в серых и желтоватых обложках, записи в которых сделаны чернилами или карандашом на листах грубой желтой бумаги.

Вот тетрадь формата А-4 с отчетом о проделанной работе за ноябрь-декабрь 1941 го-

да. Это донесение начальника концертной группы старшины II статьи Никитина начальнику ДВМФ СФ батальонному комиссару Краснухину. Он пишет, что за период с 18 ноября по 13 декабря дали 35 концертов и обслужили 3850 человек. Средства от концерта в сумме 950 рублей пошли в фонд обороны и строительства танковой колонны, кроме того, артисты внесли 850 рублей из своих сбережений. Помимо концертной деятельности, проведения политинформаций, выпуска боевого листка, участники бригады занимаются боевой подготовкой (работа с автоматической

И.Г. Москалевский, В.Н. Лозовская,
заведующая труппой. 1987

винтовкой Симонова образца 1936 года и минометом определенного калибра) для «применения оружия в борьбе с фашизмом». Никитин указывает гарнизоны, в которых работали артисты, замечает, что на кораблях и батареях дают по 2–3 концерта, чтобы «обслужить» 100% команды. Рассказывает о том, что зачастую 12 человек бригады размещаются в холодных помещениях, где нет воды и скудное питание. Никитин кратко представляет концертную программу, в которой называет конференс, дуэт гитара-баян, новые песни в исполнении Истоминой и Давиденко, сценку «Актер поневоле», а дальше в его интерпретации — «фольклор, женитьба, нанайская борьба, художественный свист». Заметно, что программа учитывала не только патристические настроения зрителей, но и просто предлагала бойцам передохнуть, пошутить, вспомнить о мирной жизни.

Он приводит и отзывы, их пишут от ру-

ки старшие командиры после каждого концерта, ставится печать. Эти краткие характеристики дают представление о тяжелых условиях работы артистов и особой благодарности бойцов. Вот два из многих:

«Большое спасибо вам, дорогие товарищи, за то, что, несмотря на чрезвычайные метеорологические условия, отдаленность точек, пересеченность местности, все же обслужили всех наших бойцов, командиров и политработников. С большим нетерпением ждем вашего приезда».

«Дорогие товарищи! Художественным словом, песней, пляской вы тоже наносите удар по фашизму!»

Можно только представить, как добиралась бригада из 12 человек по морю или обледенелым скалам, по тундре, где нет ни деревца, а ветер сшибает с ног, в мороз, неся концертные костюмы, баяны, гитары и, не позволяя себе ни малейшего отдыха, давали концерт! Отчет начальник концертной группы Никитин заканчивает словами уважения к своим товарищам, которые всегда выполняли поставленную задачу и были сплоченным коллективом.

В серой общей тетради агитбригады политуправления СФ карандашом обозначен репертуар выступления на 18 августа 1941 года для 300 человек, возможно, записи делались для личного пользования.

Фамилии актеров часто даны без инициалов, поэтому приведем по записи:

1. «В бой на врага» — Лукина.
2. Русские народные песни — Шаталин.
3. «Встреча рабочего с солдатом» — Исаев, Котов.
4. «Шар голубой» — Шикина, Шевцов.
5. Пение — Киссельман, Деньгин и Волохов.
6. Музыкальное трио — Ключков, Козловский, Грачёв.
7. «Ударим по зубам» — Котов.
8. Джаз — «Синий платочек», вальс-чететка, «Песня о Максиме».
9. Веселые коки — Аханов, Киссельман.

Очевидно, многие сценки и репризы писали сами, и трудно представить, как выглядели эти номера. Мало сохранилось театральные программки военного времени, и не всегда можно проследить судьбу теа-

«История одной любви».
Алексей Найчук,
имя актрисы неизвестно

тральных актеров-участников фронтовых бригад, с какого-то момента некоторые имена исчезают в афишах. Однако в публикациях Т.Б. Чесноковой, касающихся работы труппы в 60–80 годы, встречаются фамилии Василия Михайловича Деньгина, Сергея Григорьевича Аханова, Рафаила Михайловича Киссельмана, Татьяны Михайловны Шикиной с оценкой сыгранных ими ролей, значит, они продолжили работать в театре и после Победы. Во многих отзывах военных лет выделяется имя певицы Марии Ивановны Истоминой, известной исполнительницы цыганских, русских народных и современных песен. В юности она брала уроки у знаменитого руководи-

ля цыганских хоров, филолога-цыгановеда Петра Серафимовича Истомина (Патканова), который учился у цыган еще толстовского времени. Они поженились, вместе с именем он передал ей все тонкости искусства цыганского пения. Истомина оказалась в составе ленинградской концертной бригады в Заполярье и уже не смогла вернуться домой в блокадный Ленинград. Она вспоминает, что в 1943 году в Полярном случайно встретила старинного друга — Вадима Козина, который тоже был учеником ее мужа, и в юности они часто выступали вместе. Козин концерт посвятил ей.

Для меня нет сомнения, что образ Галины Петровны Прокофьевой из повести

«Дама-невидимка». А. Кириллова, С. Садиков. 1956 год

Симонова «Случай с Польшинным» навеян автору фронтовыми встречами с темноволосяй красавицей Истоминой, не самой первой молодости, которая «усталая после концерта, одетая в черное платье, с накинутым на плечи полшубком начала петь низким негромким голосом одну за другой русские и украинские песни, цыганские романсы. Она не ломалась, не ждала, чтобы ее уговаривали, а пела и пела». Сохранились старые записи песен, у Истоминой очень красивый и сильный голос. Он внушал морякам и солдатам, что человеческая душа не укладывается ни в ножны, ни в кобуру, не одевается металлом, а вернется вместе с победой к тем, кто ждет и любит. Не задумываясь об известности, она шла все годы войны вместе с фронтовыми товарищами по кораблям и гарнизонам в полшубке, в валенках, с чемоданчиком, в котором грим и концертное платье.

В театре еще долго сохранялись традиции военного времени, профессиональ-

ные и человеческие отношения фронтовых бригад. Один из основателей Театра СФ Исай Борисович Шойхет ушел на войну, а в 1949 году возглавил театр и проработал с некоторым перерывом около 30 лет. Народная артистка РФ Алла Иосифовна Журавлёва так описывает его запоминающийся облик: «хромой, с пробитой головой», Шойхет был невероятно требовательным режиссером, стремился к совершенству создаваемого спектакля и показывал каждого актера с разных сторон его дарования. Он учил ответственно работать. И Алла Журавлёва, и народная артистка РФ Марина Скоромникова вспоминают, что за годы работы с Шойхетом было огромное количество гастролей: по бездорожью, морем выезжали в гарнизоны, на корабли, в города Мурманской области, даже на Новую Землю.

В послевоенные годы труппу пополнили актеры-фронтовики, и чаще всего в публикациях разного времени звучат име-

Василий Михайлович Деньгин

«Когда мертвые оживают». Сергей Садиков в роли маршала Блюхера. 60-е годы

на заслуженных артистов РСФСР Сергея Сергеевича Садикова, Игоря Григорьевича Москалевского и народного артиста РСФСР Алексея Федоровича Найчука. По словам нынешнего главного режиссера флотского театра Александра Петровича Шарапко, это были актеры непохожей и яркой индивидуальности, практически одноклассники, они дружили. В 1978 году он ставил с Москалевским и Найчуком спектакль по пьесе И. Штока «Туман над заливом» о мурманских летчиках и партизанах. На мой вопрос, как отразился фронтовой опыт на их манере поведения, общении с режиссером, коллегами, Александр Шарапко ответил, что больше всего была заметна любовь этих актеров к жизни. Они с удовольствием работали, любили пошутить, похулиганить. Смеясь, он определил объединяющую их особенность: «сочные, вкусные, ядреные!» Режиссера слушали,

партнеров видели, один только раз Игорь Москалевский сделал замечание относительно военной лексики — и всё.

Игорь Григорьевич Москалевский ушел добровольцем на фронт из Москвы, воевал в артиллерийском расчете, в составе 6-го кавалерийского корпуса, входящего в конно-механическое соединение под командованием генерал-лейтенанта Плиева, окончил войну в Праге, был ранен не раз и контужен, награжден орденом Славы III степени. Говорят, что не особенно любил воспоминания фронтовых лет, но в его поэзии, которая сохранилась неизданной в архиве театра, возникает эмоциональный и точный образ прошедшей войны:

*Только после третьей рукопашной,
Перебивши власовский заслон,
Взял ту деревушку наш уставший
Сильно поредевший эскадрон.*

«Русские люди». Сцена из спектакля. 1942

Москалевский был прекрасным актером, его называли душой труппы, поскольку он играл на гитаре, пел, писал сценарии капустников. Он много играл военных в современной драме, включая «Океан» А. Штейна, в пьесах Островского, читал стихи в поэтических композициях, посвященных войне. Прослужив в Театре СФ несколько десятков лет и уезжая из Мурманска, на прощальном ужине Москалевский сказал, что был счастлив.

Есть между фронтовиками невестественная, но прочная связь. Москалевский посвятил стихи своему другу — Алеше Найчуку:

*Да разве забудут когда поколенья,
Как вы заслонили Россию собой?
Ты принял свое боевое крещение
В той яростной битве,
В снегах под Москвой.*

Алексей Федорович Найчук в 1941 году в 18 лет ушел добровольцем на фронт, был тяжело ранен в битве под Москвой и комиссован. Вернувшись в родной сибирский город Тара и поработав учителем в школе, Алексей Федорович окончил студию при местном театре и с начала 50-х годов

более 40 лет прослужил в Театре СФ. Шарапко считает Найчука самой яркой фигурой среди актеров-фронтовиков, рожденным лидером. В шутку в театре его прозвали «наш Жан Габен», но по темпераменту он не был похож на француза: высокого роста, богатырской стати, с оперным голосом, потрясающего обаяния, он заполнял собой все пространство сцены и обладал природной школой. Есть фотография крупным планом, где герой Найчука искалеченной обезображенной рукой обнимает партнершу: он не будет прятать раны! Как считает Александр Шарапко, Найчуку были подвластны все жанры. Он играл в пьесах Чехова, Островского, Штока, Тренёва, де Филиппо — более двухсот ролей за театральную карьеру. Одна деталь осталась в памяти режиссера Шарапко: в спектакле 1990-го года «Свалка» по пьесе А. Дударева герой Найчука, бомж и бродяга, отвечает дерзко на вопрос о сути его бытия на свалке: «Я жизнь живу!» Он и прожил жизнь талантливо, с дыханием полной грудью на сцене Театра СФ, а перед смертью вернулся в родную Тару.

Мне посчастливилось встретиться с Еленой Сергеевной Сорокиной, дочерью Сергея Сергеевича Садикова, и услышать ее рассказ об отце, увидеть редкие фронтовые, а затем театральные фотографии: «Сергей Сергеевич закончил Чкаловскую военно-авиационную школу и затем воевал стрелком-бомбардиром, а позже штурманом звена ночных бомбардировщиков на Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах, в летной книжке записано, что в мае 1945 года долетел и до Берлина. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды. Последний орден особенно дорог, поскольку после выполнения боевой задачи самолет У-2 рухнул на болотистую поляну, не взорвался, но Сергей Садиков получил контузию, ударившись головой о щиток, а затем под огнем стал пробираться к своим с тяжело раненым товарищем».

Для меня загадка, почему в послевоенное время, когда для них были открыты многие пути, фронтовики выбирали театр? Сергей Садиков легко поступил в Высшее театральное училище имени М.С. Щепкина, учился у легендарной Александры Александровны Яблочкиной, но отказался от работы в Московском ТЮЗе, и в конце концов судьба привела его уже с семьей в Заполярье, в Театр Северного Флота. Очень красивый (его прозвали «нашим Жаном Марэ»), стройный, органичный и в военной форме, и в историческом костюме, Сергей Садиков играл и маршала Блюхера, и Марата (в пьесе А. Арбузова), и героя «Варшавской мелодии», дона Хуана в пьесе «Дама-невидимка» Кальдерона... Пользовался успехом его моноспектакль «Рихард Зорге», а вместе с Игорем Москалевским они выступали с музыкально-поэтической композицией «Помни войну».

Марина Петровна Скоромникова, народная артистка РСФСР, в интервью журналистке Екатерине Андреевой с удовольствием говорит о партнерах: «Все мужчины были высокие, подтянутые, как наденут военную форму — женщины падали!» И форма для них не была театраль-

«Фронт». Артист Федор Максимовский. 1942

ным костюмом, а смыслом существования в жизни и на сцене.

В послевоенные годы, когда в Драматический театр Северного Флота пришли молодые и очень талантливые актеры-фронтовики, его атмосфера приобрела особую романтическую и героическую ауру, поколение победителей приносило в спектакли подлинность переживания, а на сцене уже рождалась легенда.

Марина НАУМЛЮК
Фото из архива театра

МОМЕНТЫ ИСТИНЫ ЛЮДМИЛЫ КАСАТКИНОЙ

Людмила Ивановна Касаткина, народная артистка СССР, чья юбилейная 100-летняя дата отмечалась 15 мая, встретила Великую Отечественную войну школьницей. Но именно это, самое глубокое и сильное потрясение детской поры, позволило ей создать в театре и кинематографе незабываемые образы женщин, вложивших все помыслы, силы, мужество, саму жизнь в приближение Победы.

Биография Людмилы Ивановны известна достаточно широко: родилась в крестьянской семье в деревне Новое село на Смоленщине, но спустя три года после рождения вместе с родителями, Варварой Николаевной и Иваном Алексеевичем покинула родные места — у прадеда и бабушки Касаткиной при раскулачивании забрали все, а ее родители, боясь неизбежной ссылки, спешно уехали в Москву.

На каникулы Людмила возвращалась к бабушке в Новое село, где радостно проводила свободное время со сверстниками в привычных детству и ранней юности радостях, которыми одаривает жизнь на природе. Наверное, чувство это удваивалось и от того, что московская жизнь протекала в подвале. Здесь же, в Новом селе, узнала со всеми о начале Великой Отечественной войны, а когда вскоре появились известия о высадке немецкого десанта под Вязьмой, шестнадцатилетняя девушка, не задумываясь об опасности, решила, не дожидаясь приезда матери за ней, самостоятельно отправиться в Москву. Людмила пешком пошла в Можайск, и мы можем только представить себе, что пережила девушка за свое недельное путешествие. Рассказывать об этом Людмила Ивановна не любила. К

«Барабанщица». В роли Нилы Снижко. ЦАТСА. 1962

счастью, на вокзале в Можайске они чудом встретились с матерью.

Отец был эвакуирован в Сибирь с заводом, на котором работал, жилось им с матерью и братом трудно, но однажды Людмила услышала по радио о наборе желающих в кружки Московского городского дома пионеров и отправилась поступать в театральный кружок. Нам, сегодняшним, не знавшим ужасов войны, невозможно представить себе: какой стимул, какие силы и надежды придавала в те годы возможность отдаваться пусть и на часы любимому, далекому от повседневной жизни занятию!

А летом 1943 года вернувшийся из эвакуации в Саратов ГИТИС начал первый с начала войны набор студентов, куда и решила поступить 18-летняя девушка, одержимая театром. И поступила, покорив приемную комиссию чтением одной из «Итальянских сказок» М. Горького и отрывком из пушкинского «Евгения Онегина». Слова о том, что она принята, услышала от выдающегося артиста МХАТ Михаила Тарханова, возглавлявшего комиссию. А в 1947 году, окончив ГИТИС, была приглашена в Центральный театр Советской армии, в котором прослужила до последних дней жизни.

Оказавшись в труппе Алексея Дмитриевича Попова, прославленной многими звездами театра и кино, Людмила Касаткина жадно впитывала не только опыт репетиций, но и незывлемые законы театральной этики, партнерства разных по мастерству, опыту, характерам людей, соединенных общим трудом во имя создания спектакля. Старшее поколение артистов принимало молодежь доброжелательно, помогая во всем, разъясняя те моменты, которыми молодые артисты не решались обременять режиссера. Помогало еще и то, что рядом с Людмилой Касаткиной был человек, с которым они познакомились еще в ГИТИСе и поженились, прожив более шести десятилетий, — широко известный впоследствии кинорежиссер Сергей Колосов начинал свой творческий путь параллельно учебе в ГИТИСе ассистентом режиссера в Центральном театре Совет-

«Последние рубежи». В роли Зои. 1948

ской армии, считая главным своим учителем А.Д. Попова.

Будучи на четыре года старше Касаткиной, Колосов участвовал в Финской кампании 1939 года, прошел Великую Отечественную войну, обращение к теме которой и прославило его как режиссера-кинематографиста. Но это будет позже, а пока Сергей Николаевич воодушевленно осваивал уроки Алексея Дмитриевича Попова, проникаясь методом действенного анализа, который сыграет значительную роль в его работе над фильмами.

Что же касается Людмилы Ивановны, она плотно вошла в репертуар театра, играя самые разные роли, среди которых мировая классика чередовалась с отечественной, с современными пьесами. Многие из них были связаны именно с Великой Отечественной войной и отечественной историей, что, по мнению руководителя театра, необходимо было знать и помнить зрительской аудитории, связанной с армией. А в 1962 году Касаткина сыграла главную роль разведчицы Нилы Снеж-

«Последние рубежи». Сцена из спектакля. 1948

ко в спектакле «Барабанщица» А. Салынского в постановке А. Окуничкова. И хотя актриса была не первой исполнительницей этой роли (первой была рано ушедшая из жизни, восхищавшая всех любой своей ролью Людмила Фетисова), ей пришлось глубоко по-своему пережить то ощущение, которое Л.Н. Толстой в «Войне и мире» называл «скрытой теплотой патриотизма». Цельный характер героини, воспитанный в девочке-подростке немецкой воспитательницей, потребовал от нее существования на разрыв.

В статье о творчестве Людмилы Касаткиной, написанной Татьяной Сергеевой для сборника «Звезды Театра Российской Армии», автор справедливо отмечает: «Подпольщице Ниле надо было притворяться потерявшей честь и стыд «немецкой овчаркой», выносить презрение окружающих. Приходилось держать душу за крылья, чтобы не сорваться, не выдать себя, но сколь невыносимы были мука отъединения от

своих, загнанность в душевное подполье, в противоестественную для этой искренней, чистой, открытой натуры двойную жизнь».

Молодая актриса справилась с этой сложнейшей ролью безукоризненно, сыграла и другие роли женщин времен войны, но, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что полностью ее талант проникновения в непостижимо мужественный, подчиненный борьбе характер раскрылся в фильмах Сергея Колосова, ставших для миллионной аудитории теле- и кинозрителей подлинным потрясением.

В 1964 году появился первый советский многосерийный телевизионный фильм «Вызываем огонь на себя» по повести О. Горчакова и Я. Пшимановского. Людмила Касаткина сыграла в нем роль партизанки Анны Морозовой, реально существовавшей женщины, которой посмертно (к слову, уже после выхода фильма) было присвоено звание «Героя Советского Союза». Хорошо помню, как принимал к экрану те-

левизора мой отец, прошедший всю войну, как замолкало все не только в нашем, но и в окружающих домах, пустели дворы, едва ли не в каждом окне светились голубые экраны. Не только семьи, но и соседи, друзья, у которых не было телевизоров, собирались в одной комнате и, ни словом не перебрасываясь, замирали у экранов. А после каждой серии долго не расходились, вспоминая, сравнивая, оживляя те годы в памяти.

Сегодня невозможно себе такое представить!

Это было подлинное событие не только для многих, переживших военную пору на разных фронтах и в тылу, но и для нас, подростков, которым открывалось то, чем родители не слишком щедро делились. И ставилось необходимой частью процесса воспитания личности. Конечно, для каждого по-своему...

А спустя десятилетие, в 1974 году, когда мое поколение уже повзрослело, а многие из старшего уходили из жизни, еще более сильным потрясением стал фильм

«Помни имя свое», в котором Людмила Касаткина глубоко, незабываемо пережила судьбу Зинаиды Воробьевой — женщины, родившей сына 21 июня 1941 года, а три года спустя попавшая вместе с ним в Освенцим. Разные бараки разделяют мать и сына, но она старается тайком пробираться к нему, испытывая страшные страдания от мысли о близящейся гибели. И после освобождения узников концлагеря на протяжении двадцати лет разыскивает потерянного ребенка. Разыскивает, в конце концов, взрослого и, фактически, чужого человека, не говорящего по-русски, благополучно живущего в Польше и принявшего другое имя.

Кто-то говорит, что Людмила Иванова захотела этого сама, кто-то утверждает, что сделано это было по настоянию режиссера фильма Сергея Колосова, но так или иначе было получено разрешение для актрисы провести ночь в бараке Освенцима, давно ставшем музеем. Она провела ее там, где горой сложена детская об-

Кадр из х/ф «Вызываем огонь на себя»

Кадр из х/ф «Помни имя свое»

увь, оставшаяся после гибели этих неповинных ни в чем малышей.

Мне довелось увидеть этот страшный музей, олицетворяющий одновременно непомерное мужество и столь же непомерный ужас, в дождливый день, в одиночестве. Не было ночи, не было ни желания, ни возможности перебирать страшные экспонаты. Слышались с улицы голоса людей, говоривших на разных языках, но в этом бараке была я одна. Более сорока лет прошло, но при малейшем толчке извне, память об увиденном и почувствованном тогда является во всей яркости. Что же пережила в ту ночь актриса? Страшно подумать...

И, конечно, после этого не объяснить ни талантом, ни профессиональным опытом, той степени погружения в роль, что позволила воплотить ее столь незабываемо. И вновь обращусь к цитате из статьи Татьяны Сергеевой: «Что ей там открылось? Но

она добилась потрясающей силы воздействия на зрителя, который неотрывно следит, как русская женщина, бредущая в шеренге одетых в полосатую лагерную одежду узников, подгоняемая окриками охранников, иступленно ищет хоть какой-нибудь знак пребывания своего маленького Генны на этом проклятом, огороженном колючей проволокой месте... Вот тот редкий миг искусства, когда правда художественная и правда человеческая сплавляются в нерасторжимый момент истины».

И разве можно не вспомнить роль Елизаветы Кузьминой-Караваевой, Матери Марии. Поэтесса Серебряного века, она уехала в эмиграцию во Францию, не приняв Советскую власть, где стала монахиней и активно участвовала в движении французского Сопротивления. Оказавшись в концлагере Равенсбрюк, она, как могла, поддерживала узниц, а ценой собственной жизни спасла советскую женщину.

Мы узнали биографию Матери Марии поздно, на пороге перестройки, появились статьи о ней, книги ее стихов, воспоминаний об этой удивительной женщине, но для нас она воскресла, «смертию смерть поправ», в 1984 году, благодаря фильму Сергея Колосова, и обрела облик Людмилы Касаткиной. В фильме были заняты многие замечательные советские артисты, свою последнюю роль сыграла в нем Вероника Полонская. Он получился сильным, захватывающим своей новизной, достоверностью и заставил задуматься о сплетении не только неведомых нам до того судеб людских, но и о других «нормах», не входящих в разделы учебников по идеологии советского человека. И, думается, во многом благодаря фильму, Мать Мария, она же Мария Скобцова, она же Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была посмертно награждена орденом Отечественной войны.

И, словно заповедь, вошло в жизнь тех, кто прочувствовал судьбу этой женщины, одно из цикла ее детских стихотворений, так много говорящее взрослым сердцам:

*Что бы в жизни ни ждало вас, дети,
В жизни много есть горя и зла,
Есть соблазна коварные сети,
И раскаянья жгучего мгла,
Есть тоска невозможных желаний,
Беспросветный нерадостный труд,
И расплата годами страданий
За десяток счастливых минут.
Все же вы не слабеете душою,
Как придет испытаний пора –
Человечество живо одною
Круговую порукой добра!
Где бы сердце вам жить ни велело,
В шумном свете или сельской тиши,
Расточайте без счета и смело
Вы сокровища вашей души!
Не ищите, не ждите возврата,
Не смущайтесь насмешкою злой,
Человечество все же богато
Лишь порукой добра круговой!*

Жизнь и творчество Людмилы Ивановны Касаткиной наполнены были именно этим чувством. Она прожила на сцене и экране множество разных женских су-

Л. Касаткина у Вечного огня в Сквере Памяти Героев в Смоленске

деб — в веках мировой и отечественной драматургии, в современности как советской, так и мировой, в мастерском озвучании мультипликационных фильмов своим голосом, владеющим самыми различными регистрами и интонациями. И об этом можно еще долго вспоминать.

Но сегодня, празднуя 80-ю годовщину Великой Победы, вспоминаем о том неоценимом вкладе, который эта актриса внесла в очень простое и очень важное словосочетание: «Чтобы помнили и знали...»

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Фото предоставлены ЦАТРА

ВНУТРЕННИЙ ОГОНЬ

В августе 1965 года в Москве проходили гастролы Хабаровского краевого театра драмы, еще достаточно молодого, разменявшего к тому моменту лишь второй десяток. Столичная публика по достоинству оценила выступления дальневосточников. Газета «Известия» за 8 сентября назвала приезд Хабаровской драмы событием знаменательным, «потому что спектакли не только вновь и вновь убеждают в зрелости советской театральной культуры, но и еще раз доказывают, что навсегда ушла из нашей жизни пресловутая “театральная провинция”».

Страстная душа, несгибаемый характер

Гастрольная афиша действительно оказалась разнообразной и давала полное представление о творческих возможностях труппы, в которой покоряли тонкой психологической игрой мастера сцены Елена Паевская, Мирослав Кацель, Мария Барашкова, Михаил Храбров, Нина Медведе-

ва, Михаил Митин, Алексей Егоров. Играли «Ярость» Евгения Яновского, «Семью Плахова» хабаровского драматурга Валерия Шаврина, «Камешки на ладони» Афанасия Салынского, «Костер епископа» Шона О'Кейси, «Короля Лиры» Уильяма Шекспира. Детальный разбор этих постановок сделал театровед, театральный и литературный критик Юрий Зубков, опубликовав в «Советской культуре» за 17 августа 1965 года большую статью «В полемике с модой».

Особенно пристально автор рецензии всматривается в театральных героев заслуженного артиста РСФСР Алексея Егорова: «О Лире его старшие дочери говорят, что он «плохо владел собой», что ему свойственна «старческая раздраженность». Но не здесь ищет Егоров ключ к пониманию образа. Трагедия этого человека — трагедия попорченного отцовского доверия. Трагедия человека, поверившего словам и убоявшегося подлинной правды. Способность непрерывно мыслить на

Алексей Егоров — студент Арбузовской студии. 1939

Алексей с родителями перед уходом на фронт. 1941

Кадр из фильма
«Земля и люди».
А. Егоров в роли
Петра Шурова.
1955

сцене проявляется у Егорова не только в роли Лира, но и в очень большой по объему роли комиссара Воронина («Камешки на ладони»), человека страстной души и несгибаемого характера, и в бессловесной роли Семена Коврова («Ярость»), который в исполнении Егорова — сгусток мысли, страстного желания быть полезным в борьбе за новую жизнь, бесстрашный порыв и самозабвение».

Тот, кто близко знал Алексея Захаровича Егорова, мог подписаться под каждой строкой московского критика. Во всех работах этого действительно грандиозного артиста отражалась его внутренняя суть, характеры персонажей казались подлинными, потому что и сам их создатель многое пережил, испытал моменты триумфа и поражения, знал всё о потерях и смерти. А главный урок получил во время Великой Отечественной войны, которую прошел от начала и до конца. С Хабаровским театром драмы Егоров связал десять лет — последние в своей недолгой, но насыщенной по масштабу событий судьбе.

Что предназначено

Если прочертить линию жизни Алексея Егорова на географической карте, мы увидим абсолютно полярные направления и крутые изгибы. Родился на Алтае, в селе Саввушинском 31 марта 1922 года. В пять лет стал москвичом, поскольку семья переехала в столицу. Здесь окончил среднюю школу, в 1939-м поступил в недавно созданную театральную студию под руководством Алексея Арбузова и Валентина Плучека. Первая премьера Арбузовской студии — «Город на заре», созданный в сотворчестве наставников и студийцев. Это история о том, как совсем недавно, в 1932 году, в тяжелейших условиях строили в далеком дальневосточном крае Комсомольск-на-Амуре комсомольцы-энтузиасты. Всецело преданные своей стране, они свято верили, что совсем скоро посреди непроходимой тайги вырастет город-сад.

Алексей Егоров сыграл в том знаковом спектакле Костю Белоуса. К слову, почти через 20 лет Евгений Симонов поставит эту пьесу в Вахтанговском театре, а роль матроса Белоуса исполнит Михаил Улья-

Кадр из фильма «Земля и люди». А. Егоров в роли Петра Шурова. 1955

нов. Актерский путь через какое-то время приведет Егорова в город, который тоже стоит на берегу Амура, — Хабаровск, и свяжет с ним навсегда. На этот счет он будет шутить: Дальний Восток предназначен ему с юности, с той самой первой театральной работы в Арбузовской студии.

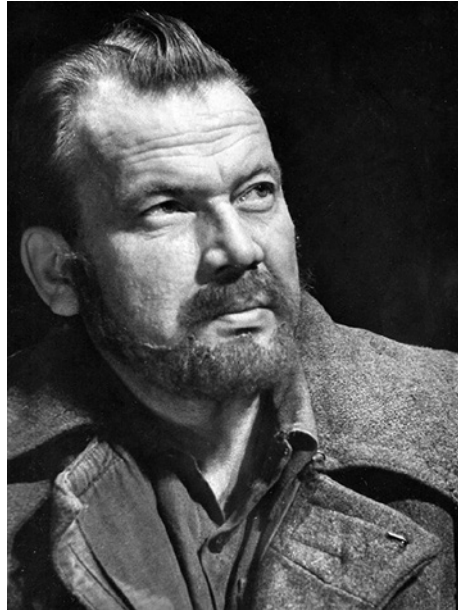
У судьбы — свои планы, их не скорректируешь. Летом 1941-го Егоров дебютировал в кино, исполнив роль Парня в новелле «Патриотка» из серии «Боевой киносборник». Осенью того же года ушел добровольцем на фронт. Ему присвоили звание красноармейца, направили в 30 запасной полк, который дислоцировался в городе Молотове (ныне Пермь). С конца 1941 по 1942-й новобранец учился в Рижском военно-пехотном училище, а потом, уже в другом звании, отправился на поля сражений. До весны 1944 года командовал ротой автоматчиков мото-

стрелкового пулеметного батальона 36-й танковой бригады Юго-Западного, затем Южного и 1-го Украинского фронтов. В письмах родным писал: «Идут тяжелые бои, атаки чередуются с отступлениями. Сначала было жутко. Постепенно привык. Обидно будет, если не выживу и не сыграю Григория Незнамова».

Красноармеец Егоров остался в живых, хотя перенес три ранения и тяжелую контузию. И роль начинающего актера Незнамова из пронзительной пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» тоже исполнил. А в 1943-м его представили к медали «За отвагу», и это не только глубокая зарубка, но и важное свидетельство воинской доблести парня, которому в тот момент исполнился всего 21 год. Важно подчеркнуть, что в солдатской среде эта награда ценилась особенно высоко, поскольку подтверждала участие в бо-

«Живой труп». В роли Федора Протасова. Хабаровский краевой театр драмы. Конец 1950-х

«Камешки на ладони». В роли комиссара Воронина. Хабаровский краевой театр драмы. 1965

ях на самых тяжелых участках фронта. Хотя будут у него потом и другие медали — «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (1946). Пока же выписался из госпиталя и получил очередное назначение: с 1944 по 1945 год возглавлял штаб батальона курсантов Московского стрелково-минометного училища. Когда страна с огромным трудом одержала победу, Алексей Егоров демобилизовался и вернулся в Арбузовскую студию.

Мечтатель и поэт с душой ребенка

Мирная жизнь, о которой думалось все годы войны, предоставила начинающему артисту Алексею Егорову неплохие шансы. С 1945 по 1947 год служил в Московском ТЮЗе, исполнив несколько ролей, в том числе и такую крупную, как Фердинанд в «Коварстве и любви» Фридриха Шиллера. Поступил в Московский театр имени Ленинского комсомола, играл Сержанта Гаврилова в спектакле «Не ждали» Владимира Полякова,

Следователя в «Живом трупе» Л.Н. Толстого, Бахирева в «Окнах горит свет» по Леониду Аграновичу, где его партнершей была Валентина Серова. В 1949-м приглашен Театром Сатиры на роль Максима Орлова в спектакле «Свадьба с приданым» по пьесе Николая Дьяконова, играл вместе с Верой Васильевой. Много лет спустя Вера Кузьминична посвятила ему замечательные строки: «Я помню, как все мы в театре любовно встретили приход Алексея Егорова, красивого, светлоголового, голубоглазого, высокого юноши. В роли Максима он сразу подкупил своим лиризмом, темпераментом и русской широтой натуры».

Были и другие работы молодого актера на сцене Театра Сатиры: Заурбек в «Женихах» Василия Шкваркина, Андрей Белугин в «Женитьбе Белугина» А.Н. Островского. И вообще за несколько лет работы в Москве Егоров прошел серьезную школу, соприкоснувшись с крупными театральными мастерами — Иваном Николаевичем Берсене-

«Кремлевские куранты». Забелин — А. Егоров. 1968

вым, Наумом Борисовичем Бирманом, Валентином Николаевичем Плучеком, Борисом Ивановичем Равенских, Андреем Александровичем Гончаровым. А в 1953 году Станислав Ростоцкий и Сергей Герасимов утвердили его на главную роль — агронома Петра Шурова в фильме «Земля и люди». Об Алексее Егорове узнала вся страна.

В газете «Советская культура» за 7 октября 1967 года кинокритик, главный редактор газеты «Советское кино» Владимир Шалуновский опубликовал обзорную статью о послевоенном двадцатилетии отечественного кино и один из акцентов сделал именно на этой картине: «Этот честный фильм «Земля и люди» имел большой успех. Успеху этому способствовал в немалой степени исполнитель главной роли Алексей Егоров». Кинематографическая линия в творчестве Егорова продолжалась и другими работами: полковник Воронов в военно-

историческом фильме «За власть Советов» режиссера Бориса Бунеева, снятого по сценарию Валентина Катаева; Представитель ЦК комсомола в кинокартине о целине «Это начиналось так» Якова Сегеля и Льва Кулиджанова. Но главной в творчестве артиста всегда оставалась сцена.

Еще в 1952 году он принял приглашение командования Дальневосточного военного округа и полетел на остров Сахалин, чтобы исполнить в местном драматическом театре Григория Незнамова в «Без вины виноватых». Не мог он отказаться от роли, о которой так долго мечтал на фронте. Заодно сыграл на сахалинской сцене и Алексея Турбина в «Днях Турбиных» Михаила Булгакова. Позднее выходил на подмостки Уссурийского драматического театра в ролях Алексея Маркова — главного героя пьесы Константина Симонова «История одной любви», отважного краснофлотца

«Океан». Алексей Егоров и Нина Медведева

Последняя фотография Алексея Егорова. 1967

Василия Бойко в спектакле «Караван» Исидора Штока. Но самый значительный в биографии, несомненно, Хабаровский краевой театр драмы, куда его пригласили в 1957 году. Первой работой стал Директор завода в спектакле по пьесе дальневосточного драматурга Виктора Александровского, но даже сугубо производственная тема, обязательная в то время для театральной афиши, не помешала увидеть его талантливую игру.

Алексей Егоров сразу стал одним из ведущих актеров Хабаровска, сыграл за десятилетие 40 ролей. Из этого большого числа трудно выделить наиболее значимые. Назовем лишь Федора Протасова в «Живом труп» Л.Н. Толстого, Егора Булычова в постановке пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие», Графа Лейстера в «Марии Стюарт» Фридриха Шиллера, Забелина в «Кремлевских курантах» Николая Погодина, Будулая в спектакле по мотивам романа Анатолия Калинина «Цыган», а также театральные работы в «Дяде Ване» А.П. Чехова, «Царе Федоре

Иоанновиче» А.К. Толстого, «Океане» Александра Штейна.

Воспоминания партнеров по сцене, отзывы театральных критиков позволяют осознать истинный объем его актерского дарования. Заслуженный артист РСФСР Михаил Митин рассказывал, что «Егоров мог захватить партнера своим неумным темпераментом и вел за собой, вливая частицу своего внутреннего огня». Народный артист России Эдуард Мосин вспоминал спектакль «Живой труп»: «Великолепен был Егоров в роли Федора Протасова. Сцена, когда он приезжает к цыганам, казалась необыкновенной!» Известная дальневосточная поэтесса Людмила Миланич писала о его Лире: «Король сдержан, умен, благороден и добр. Егоров во все роли привносил благородство, прекрасно владея перевоплощением, а его могучая внутренняя сила вливалась в его героев».

К сожалению, с Алексеем Захаровичем Егоровым мы не были современниками, поэтому на сцене видеть его мне не дове-

Открытие памятника Алексею Захаровичу Егорову. Хабаровск. 1970

лось. Фотографии и кадры старых фильмов лишь отчасти позволяют уловить артистическое обаяние, что уж говорить о сугубо человеческих качествах. Недостающее звено появилось благодаря встрече с его женой, актрисой Анной Пономаревой. Они познакомились в 1957 году, когда Егоров пришел в труппу Хабаровской драмы, и прожили вместе десять лет в ощущении гармонии и счастья вплоть до его трагического ухода. Анна Евстафьевна рассказала, что знала об Алексее Егоровиче задолго до их встречи по фильму «Земля и люди», но тогда и не предполагала, что будет жить с ним одними мыслями и желаниями: «Мне очень понравился высокий, светловолосый парень с приятным баритоном, такой большой, сильный и трепетно нежный в сценах с любимой девушкой. И в день нашего знакомства меня поразила его почти девичья застенчивость, что совсем не соответствовало этому насто-

ящему русскому богатырю. Шумный, веселый, жизнь была через край, силы неумной, мечтатель и поэт с чистой душой ребенка. Как он был далек от всех житейских неудобств, мелких помыслов и мещанского благополучия...»

Он умер в 45 лет из-за врачебной ошибки. Это случилось настолько неожиданно, что осознание потери пришло не сразу. Когда лежал в больнице, перечитывал «Угрюм-реку» Вячеслава Шишкова, потому что в театре готовились к постановке этого романа, а Егоров должен был сыграть Прохора Громова. Одновременно работал над ролью военфельдшера Ивана Глобы в пьесе Константина Симонова «Русские люди». Мечтал сыграть в драме Герхарта Гауптмана «Перед заходом солнца».

Елена ГЛЕБОВА

Фото из открытых источников в Интернете

«В ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ВСТАНЕМ И ПОЙДЕМ...»

На одной из книжных полок моей домашней библиотеки рядом стоят книги: «Ольга Берггольц. Пьесы и сценарии», «Ольга Берггольц. Поэмы», сборник «Вспоминания Ольгу Берггольц». Я родилась и полжизни прожила в Ленинграде, у меня, как у любого ленинградца, к Ольге Федоровне Берггольц особое отношение и как к поэту, и как к необыкновенной личности и прекрасной женщине, на долю которой выпало слишком много испытаний и потерь, но она выстояла. Ее работа на ленинградском радио все 900 дней блокады: стихи, разговоры со слушателями... Скольким людям они помогли выжить, сохранить свое человеческое достоинство, пережить все потери, голод и холод. Мне кажется, что я с детства знаю наизусть эти строки:

«Я никогда героем не была, не жаждала ни славы, ни награды. Дыша одним дыханием с Ленинградом, я не геройствовала, а жила».

Беру в руки серую, невзрачную книжку, изданную «Советским писателем» в 1955 году — ее поэмы, открыла и не поверила своим глазам. Я увидела автограф Берггольц: «Мае Романовой — очень дружески. Ольга Берггольц. День поэта. 30/X — 55. Ленинград». Не помню этого Дня поэзии. Я была юной девочкой и решила с ней подойти. Потом видела ее не раз на литературных вечерах, на театральных премьерах. Что-то было в Ольге Федоровне — на нее нельзя было не обратить внимание. Она вела себя очень просто, естественно, обычно на ней был черный английский костюм и белая блузка, и светлые волосы, спадающие на лицо. Помню ее на премьере ее пьесы «Рождены в Ленинграде» в Ленинградском Театре им.

В.Ф. Комиссаржевской 31 марта 1961 года. Было видно, что ей нравится спектакль (режиссер И. Олышвангер, художник И. Белицкий), она участвовала в его создании: сделала новую редакцию пьесы, появилось новое название. Ольга Федоровна давала советы художнику по костюмам.

В спектакле были заняты ведущие артисты театра: Иван Дмитриев, Галина Комарова, профессора Сосновского играл Николай Боярский, а Машу — юная Алиса Фрейндлих, это была ее первая «взрослая» драматическая роль. И это был успех. В спектакле звучали фрагменты Седьмой симфонии Д. Шостаковича, голос самой Ольги Берггольц, — нашли ее запись на блокадном радио. Это была, казалось бы, простая человеческая история о людях блокадного Ленинграда в самое трудное голодное и холодное время осенью и зимой 41–42 года, когда в Ленинграде умерли около 200 тысяч человек. Но в спектакле не было никаких ужасов, бомбежек и т. д. Были люди разных возрастов, главные герои — комсомольцы, совсем юные мальчики и девочки, которые организовывали бытовые отряды, ходили по домам, помогая обессиленным людям выжить, хотя сами были чуть живы. Они были молоды, влюблялись, пели, шутили и мужественно переносили потери.

В основу пьесы легли подлинные истории, о которых Ольга Федоровна рассказывала в радиопередачах, как она говорила, «символы воинствующего милосердия и великодушия». Так о блокаде никто никогда не говорил и не писал. Спектакль производил очень сильное впечатление. Каждый акт начинался своеобразным эпиграфом — стихами. Особую тональность прида-

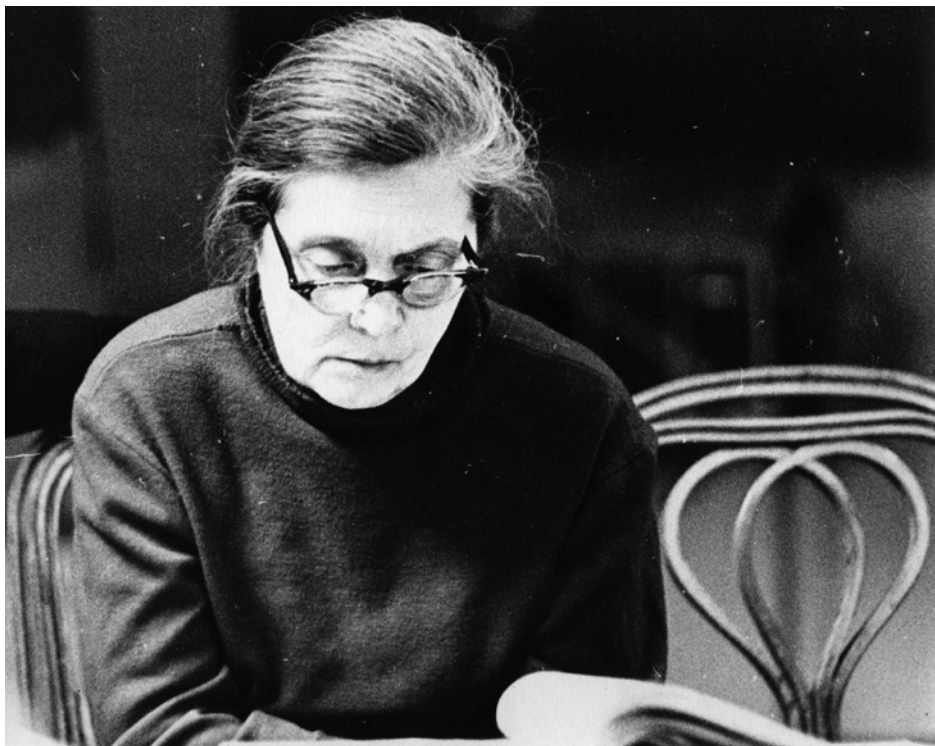
Ольга Берггольц

вали эпизоды-интермедии, участники которых были не герои пьесы, а люди с улицы. Возникла символическая атмосфера жизни осажденного города. Это был лирический спектакль. В финале профессор Сосновский произносил только одну фразу: «И город наш стал городом неугасимой, торжествующей жизни!» и звучали стихи:

*...И под старость, юность вспоминая,
– Возвратись ко мне, – проговорою. –
Возвратись ко мне опять такая,
Я такую трижды повторю.
Повторю со всем страданьем нашим,
С той любовью, с тою сединой,
Яростную, горькую, бесстрашную
Молодость, крепленную войной.*

Еще я помню, что было среди зрите-

лей довольно много людей с медалями «За оборону Ленинграда». Актриса Театра имени В.Ф.Комиссаржевской Александра Дэльвин вспоминала: «Я хорошо помню, что премьерные показы проходили едва ли не в гробовой тишине... Казалось, что зрители забывали о том, что актеров полагается провожать аплодисментами. Заканчивался спектакль – люди стояли молча. Люди плакали, а некоторые – навзрыд. Плакали и мы, когда после премьеры Ольга Федоровна пригласила нас на банкет, который проходил в ресторане Дома писателя, бывшем Шереметевском дворце. Он начался около 10 вечера. Мы вошли в темное помещение ресторана. На столах стояли зажженные свечи (как в блокадные вечера). И угощение было тоже

Помощник режиссера Ольга Берггольц

«блокадным» — печеная картошка, водка и хлеб...»

Тогда, в 1961 году, я не подумала: почему пьеса, написанная в 1943–1944 году, увидела свет рампы в Ленинграде почти через двадцать лет? Какова история этой пьесы? Ответы я нашла в сборнике, выпущенном «Лениздатом» в 1979 году, «Вспоминая Ольгу Берггольц», который состоит из двух разделов: первый — воспоминания друзей, коллег, во втором — публицистические статьи разных лет, стихи, переписка, не входившие в ее собрания сочинений.

Более всего заинтересовали воспоминания Георгия Пантелеймоновича Макогоненко, тогда профессора Ленинградского университета, лекции которого я слушала и даже сдавала ему эк-

замены. Он был высокий, красивый, очень обаятельный человек, всегда в прекрасном костюме, белоснежной рубашке с крахмальным воротничком, красивыми галстуками, и при этом блестящий лектор. В него были влюблены почти все студентки филфака. Дополнительно, что не могло не вызывать особого уважения, он был мужем Ольги Федоровны Берггольц. И, наверное, впервые, когда ее уже не было на свете, он рассказал историю их любви.

«После смерти ее мужа Кирилова-Молчанова, которую она переживала очень тяжело, в январе 1942 года окаменевшую от горя, еле державшуюся на ногах от истощения, бездомную (нельзя же было оставаться в вымерзшей, покрытой инеем квартире) я привел Ольгу Федоровну в Дом радио, где мы

Пригласительный билет

ТЕАТР САНИТАРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАРКОМЗДРАВА СССР
ПРИГЛАШАЕТ ВАС НА ПРЕМЬЕРУ СПЕКТАКЛЯ
„ОНИ ЖИЛИ В ЛЕНИНГРАДЕ“
(АВТОРЫ О.БЕРГГОЛЬЦ И Г. МАКОГОНЕНКО)

СПЕКТАКЛЬ СОСТОИТСЯ 13 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА
В 7Ч. 30 МИН. ВЕЧЕРА В ПОМЕЩЕНИИ ТЕАТРА-
УЛ. КИРОВА 42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА Ю.Ю. КОРШУН
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНСУЛЬТАНТ—НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР
И КАЗ. ССР Ю. А. ЗАВАДСКИЙ

Пригласительный билет на премьеру спектакля «Они жили в Ленинграде».
Театр санитарного просвещения. Москва. 1945

все, сотрудники, жили на казарменном положении. Здесь ей среди друзей было легче. Да и бытовые условия у нас по тем временам были царские: горело электричество, топились печка в большом кабинете председателя Радиокomiteта, где мы днем и вечером работали, по ночам спали на раскладушках и длинном, вытянутом вдоль всей стены кабинета диване».

Началась ее работа на радио. Ольга Берггольц стала символом блокадного Ленинграда, «Блокадной Мадонной».

*Здесь, на походной койке-раскладушке,
у каменки, блокадного божка,
я новую почувствовала душу,
самой мне непонятную пока.*

*Я здесь стихи горчайшие писала,
спеша, чтоб свет использовать дневной...
Сюда, в тот день,
когда я в снег упала,
ты и привел бездомную — домой.*

Георгий Макогоненко был руководителем литературного отдела, а потом стал военным корреспондентом. Так как им приходилось часто расставаться, между ними велась большая переписка. Он опубликовал отрывки из писем Ольги Федоровны в те блокадные времена. В марте 1942 года Берггольц стало очень плохо. И Макогоненко отправил ее в командировку в Москву (оказывается, летали самолеты, рискуя быть сбитыми, но летали). Из Москвы она ему писала: «Знаешь, свет, те-

О. БЕРГГОЛЬЦ и Г. МАКОГОНЕНКО

**„ВЕРНЫЕ
СЕРДЦА“**

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ДВУХ ЧАСТЯХ

Сценическая композиция
А. Я. ТАИРОВАРежиссер-
постановщик — Н. С. СУХОЦКАЯ
Художник — Е. Н. КОВАЛЕНКО
Музыка — Ю. А. ЛЕВИТИНА
Дирижер Засл. арт. Респ. — А. К. МЕТНЕР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Богданов	Б. А. Терентьев
Никита Колосов	Н. Н. Александров
Наташа Червоная	Е. М. Уралова
Маша	М. З. Фокина
Леля	Т. П. Михайлова
Профессор Сосновский	Нар. арт. Респ. П. П. Гайдебуров
Соколов Петя	В. Д. Яичин
Леля	А. С. Лавут
Евгений Червоный	М. И. Орлов
Степан Кузьмич	Г. И. Бударов
Ирина Ивановна	Н. В. Коллин
Миша	уч. студии А. Иванова
Вася Куликов	уч. студии Г. Карякин
Нюша	Н. И. Талалеева
Соня	Н. И. Горина
Поэт	Мария Берггольц

Программа спектакля «Верные сердца». 1945

пло, ванна, харчи — все это отлично, но как объяснить тебе, что это еще вовсе не жизнь — это СУММА удобств. Существовать, конечно, можно, но ЖИТЬ нельзя. И нельзя жить именно после ленинградского быта, который бытие, обнаженное, грозное, почти освобожденное от разной шелухи. Я только теперь вполне ощутила, каким, несмотря на все наши коммунальные ужасы, воздухом дышали мы в Ленинграде: высокогорным, разреженным, очень чистым... Я мечтаю о том, чтобы скорее вернуться в Ленинград, я просто не могу здесь жить...»

Тогда и началась их совместная работа над киносценарием «Они жили в Ленинграде», из которого выросла пьеса. История создания сценария и пьесы

очень подробно описаны Ольгой Берггольц в письмах 1943 года из блокадного Ленинграда режиссеру, художественному руководителю Камерного театра Александру Яковлевичу Таирову и завлиту театра Николаю Давыдовичу Оттену. Письма хранятся в РГАЛИ и впервые были опубликованы в этом сборнике.

Работа над пьесой, которая называлась так же, как киносценарий, продолжалась долго. О том, как все было, точное представление дают очень подробные письма Ольги Федоровны Берггольц, которые пришлось здесь сократить.

17/ш-43. Ленинград Н.Д. Оттену
Дорогой Николай Давыдович!
... Тут будет ответ на телеграмму т.т.

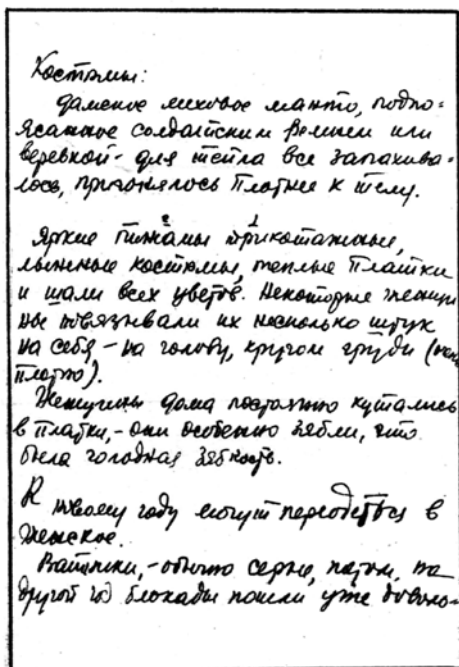

**М. Берггольц в роли Поэта,
введенной Таировым:
Пролог и Эпилог спектакля**

Таирова и Коонен. Я не знаю, как это получилось, что Ваш театр узнал, будто бы я пишу пьесу, нет, мы пишем, вернее, уже отделяем литературный сценарий для кинокартины по заданию ЦК ВЛКСМ. Это — Ленинград зимой сорок первого-сорок второго года: комсомолы бытовых отрядов. У нас были такие отряды — они ходили по диким тогдашним домам и спасали тех, кто уже не мог встать. И спасли десятки тысяч людей. Сами же были в таких же условиях — то есть так же голодали и еле ходили. У нас не будет ни «показа авиации», ни «отображения бытового движения», а будет несколько людей со своими судьбами и характерами,

объединенных вот в таком отряде и, кроме того, живущих на заводе в общестии, который почти замирает, но живет. Но, правда, у нас была мысль, что на канве этого сценария можно сделать пьесу — сценарий более «театрален», чем кинематографичен. Мы хотим-мечтаем-сделать пьесу лирическую, где была бы правда о Ленинграде не внешняя, а внутренняя. Ведь сказать о Ленинграде, что «люди ходят под снарядами» или даже то, что прошлой зимой «умирали от голода», как везде теперь говорят, — это очень мало правды сказать. Дело вовсе не в количестве «ужасов» и «показе их», особенно внешних, а, например (простите за самоцитату) — хотя бы в том, что «такими мы счастливыми бывали, такой свободой дикою дышали...» И чтобы выразить это людьми или судьбами. Это, конечно, задача колоссальная, и даже если у нас будет удача — все равно мы тронем лишь часть темы... Работа с Камерным театром была бы для меня большой радостью и гордостью — я люблю Камерный театр давно; «Любовь под вязами» с Коонен — это формирующий рубеж жизни, а Камерный — даже и в предвоенные годы — сумел остаться ищущим, действительно, творческим театром, и это вызывает особое доверие и уважение к нему. И что же, может быть, объединенный поиск — и наш, и театра — поиск воплощения очень нового, очень специфического, неповторимого и в то же время общечеловечески значимого материала, — приведет к находкам, настоящим находкам новой какой-то театральной формы? Ведь может же так получиться, простите за неуклюжую терминологию... Сердечный привет всем любящим Ленинград и думающим о нем, особенный привет — с любовью и восхищением ее талантом — А. Коонен, и самые искренние пожелания сил и здоровья.

5/1У-43 Ленинград, А.Я Таирову
 Дорогой Александр Яковлевич! Получила Ваше письмо, по-настоящему взволновавшее меня и Вашим отзывом о моей работе — отзывом художника, которого давно и глубоко ценю, — и Вашим предложением относительно пьесы... Александр Яковлевич, она не будет в стихах. Трагедия о Ленинграде в стихах появится значительно позже, сейчас же, по-моему, еще не пришло ее время. Ведь все же пьеса в стихах неизбежно должна быть несколько отвлеченной, условной, почти символической. История же Ленинградской обороны, блокады и победы настолько неповторима, настолько не имеет никаких образов ни в истории, ни в литературе, судьбы ленинградцев настолько трагичны и своеобразны, что если все это в пьесе еще «приподнять на стихи» — получится совсем уж, говоря примитивно, неправдоподобно. Уже и так мы чувствуем, что актер и зритель сможет «усомниться» в реальности той или иной сцены, решив, что это «образ», «художественное преувеличение» и т. п., в то время как это не более, чем самая бытовая деталь... Своеобразие ленинградской обороны в том, что у нас здесь был стал бытием и бытие — бытом. Так в ЖАКТе, где я раньше жила, накануне зимы 42–43 года было собрание, посвященное вопросу о том, чтобы «не допустить прошлогодних смертей» — т. е. гибели людей от голода. «И мы этих смертей не допустили», — сказал мне комиссар дома, сказал без всякого пафоса «образа», т. к. борьба с античным роком в Ленинграде — есть очень прозаическая и подчас крайне нудная и грязная работа, и в то же время какая-то самая ничтожная мелочь, на которую люди Большой земли и внимания не обращают, в Ленинграде, в условиях блокады, приобретает значение грандиозное, военное. Мне особенно радостно было читать Ваше пись-

**Автограф рабочей записки О. Берггольц
 в помощь художнику спектакля**

мо — ту часть его, где писали о том, какой хотелось бы Вам видеть пьесу о Ленинграде, потому что это совпадает с тем, что мы пишем. Только Вы пишете: «напишите о чудесном завтрашнем дне», — а ведь этот день — день победы, он уже давно для нас не завтрашний — вот в чем главное! Я говорю не о прорыве блокады 18 января 1943 года, а о величайшей моральной, человеческой победе ленинградцев над вражеской блокадой — еще до ее прорыва, когда в кольце, под постоянным прицелом врага мы научились жить всей жизнью, научились по-новому радоваться, когда в таких условиях, которые (по расчету врага) должны были бросить людей друг на друга, превратить их в зверей, возникли совершенно небы-

Профессор Сосновский — П. Гайдебуров

валы родственные отношения между чужими людьми, и над фактами трагического людского одичания восторжествовали факты невиданного человеколюбия и братства. Вот эта тема является основной темой нашего сценария об обороне Ленинграда, но нет ни одной батальной сцены, артиллерийского грохота и т. п., к которому столь часто прибегают тогда, когда в арсенале нет никаких настоящих средств выражения существа борьбы. В пьесе нет фрицев, нет шпионов и поимки их — это может быть и не в Ленинграде, могло быть и до войны. Это обратимый сюжет. Есть, разумеется, и сна-

ряды и бомбежки, но нет «сцен тушения зажигалок» и раскапывания развалин — во время этого происходит то, что могло быть только в Ленинграде, — продолжается людская жизнь — не из «героизма», а оттого, что это необходимо. Короче говоря, если можно так выразиться, тема развивается камерно, центр тяжести — на судьбах отдельных людей. В сценарии довольно много и стихов, и песен... Мне трудно изложить «сюжет» этой вещи, т. к. здесь сплетение судеб, самостоятельных линий каждого из героев, у каждого из них свой особый сюжет, зависимый от его характера, поставленного в условия бытия блокады.

Мы почти закончили нашу работу, и, если Вы пожелаете, я с радостью пришлю Вам сценарий, он очень подробен, даже с авторскими лирическими отступлениями, мы делаем это сознательно, т. к. учитываем, что многое надо объяснить людям, не жившим в Ленинграде. Эта жизнь все же не похожа ни на что, бывшее до сих пор...

Сердечный, нежный привет Алисе Георгиевне. Как бы мне хотелось послушать «февральский» (поэма «Февральский дневник») в ее исполнении; не выразить Вам, как я горжусь тем, что мои стихи читает Коонен. Я была бы бесконечно счастлива, если б удалось написать роль для нее — ленинградку, конечно, по-настоящему может создать в театре она одна — эту женщину нашу, простую в своей глубочайшей трагичности и трагичную в своей простоте.

С нетерпением буду ждать Вашего ответа. Мне писать надо на Ленинград, я ведь все время тут, уезжаю только на наши фронты, но это, как Вы знаете, слишком недалеко. Адрес — Ленинград, п, ул. Пролеткульта, 2, Дом Радио, мне. Большой, большой привет.

Ваша Ольга Берггольц

Фильм по сценарию, о котором О.Ф. Берггольц писала в письме А.Я. Таирову, так и не был снят, его категорически не приняли комсомольские начальники, даже было специальное постановление Ленинградского Обкома комсомола. И в Ленинграде не нашлось театра, который решился бы поставить пьесу. Тем более, что долгие годы замалчивалась трагедия Ленинграда первой блокадной зимы. Даже, когда О.Ф. Берггольц была в Москве, самые откровенные и суровые стихи ей не разрешили читать по радио. Таким образом, понадобилось почти 20 лет, прежде чем появился в Ленинграде спектакль по пьесе «Рождены в Ленинграде» в Театре имени В.Ф. Комиссаржевской.

Первый вариант пьесы О. Берггольц и Г. Макогоненко «Они жили в Ленинграде» был опубликован в 1944 году в февральском номере журнала «Знамя». Впервые неофициально ее поставил в феврале 1945 года в Московском театре санитарного просвещения режиссер Юрий Коршун, а консультантом был Юрий Завадский.

Премьера в Камерном театре состоялась 7 ноября 1945 года под названием «Верные сердца». Руководитель постановки и автор сценической композиции — Александр Таиров, режиссер — Нина Сухоцкая. Они внесли в спектакль блокадные стихи Ольги Берггольц, появилось еще одно действующее лицо — Поэт. Эту роль играла сестра Ольги Федоровны — Мария Берггольц, актриса Камерного театра. Мария Федоровна была не просто сестрой, а другом Ольги Федоровны, она прекрасно понимала, кто есть ее сестра, сделала все, чтобы сохранить архив Ольги Федоровны, разобрала его и передала в Госархивы, участвовала в издании ее произведений.

К сожалению, роли для Алисы Конон в пьесе не оказалось, но одну из

главных ролей — профессора Сосновского — играл один из выдающихся русских актеров XX века Павел Гайдебуров. Спектакль «Верные сердца» был признан критикой одним из лучших послевоенных спектаклей Камерного театра. В докладной записке в Комитет по делам искусств в 1945 году А.Я. Таиров писал: «Мы в Ленинграде не умирали, а рождались», — это не резюмирующая фраза, а подлинная идея пьесы и спектакля, которую мы и стремились воплотить в сценическую жизнь».

Поэма Ольги Берггольц «Февральский дневник» заканчивается строками:

*И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.
Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные — приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая слава,
держа венки в обугленных руках.*

(Январь-февраль 1942 года)

Всё сбылось. В Ленинграде на Пискаревском мемориальном кладбище стоит именно такой монумент «Мать-Родина», и на гранитной стене высечены слова Ольги Берггольц: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Мая РОМАНОВА

Фото предоставлены Театром
им. В.Ф. Комиссаржевской

СТД РФ ПРОВЕЛ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ

8 мая, накануне 80-летия Победы, на главной сцене Союза театральных деятелей России в Театральном центре «На Страстном» прошел благотворительный праздничный вечер для ветеранов Великой Отечественной войны. Также на мероприятие были приглашены военнослужащие Ногинского ордена Жукова спасательного центра МЧС России.

Вечер начался с концерта. Узнаваемые и всеми любимые патриотические песни прозвучали в исполнении студентов Института современного искусства курса народного артиста РФ Дмитрия Певцова и народной артистки РФ Ольги Дроздовой.

После концерта гостей мероприятия приветствовал Председатель СТД РФ Владимир Машков: «У нас всех разная глубина чувств. Мы по-разному воспринимаем действительность. Но, думаю, в эти дни на-

ши чувства одинаковы. Это чувства гордости и благодарности».

Обращаясь к молодым артистам, он продолжил: «Я хочу поблагодарить вас, ребята, за то, что вы не жалеете своих эмоций и чувств, вспоминая те великие дни. Желаю всем здоровья, счастья, успехов и, конечно же, нашей общей победы и полного единения в осознании того, что мы — великая страна с великими предшественниками».

В конце речи Владимир Машков поздравил всех с юбилеем Победы.

После концерта гости прошли в зрительный зал, где молодые актеры представили ветеранам спектакль «Не покидай меня» по пьесе Алексея Дударева в постановке режиссера Владимира Жаркова.

Пресс-служба СТД РФ

В фойе Театрального центра «На Страстном» перед благотворительным вечером

БРЯНСК. Беззаветные герои

Героический сценарий у нас в крови. Русским людям не привыкать совершать подвиги — военные или трудовые. О том, как выковывается такой характер, спектакль по повести писателя-фронтовика Бориса Васильева «А завтра была война...», который вернули в афишу нынешнего сезона в Брянском областном театре драмы имени А.К. Толстого.

Его поставил заслуженный деятель искусств России Борис Ярыш в 2005 году. Успех тогда был ошеломляющий. На фестивале «Славянские театральные встречи» спектакль получил Гран-при, обойдя постановки известных театров, а ведь в нем играли вчерашние студенты. Постановка постепенно ушла из репертуара, но в год 80-летия Победы спектакль было решено восстановить.

Режиссер Борис Ярыш стал и автором

инсценировки. Он постарался передать всю глубину чувств и эмоций, которыми наполнены страницы книги.

— Много лет назад, когда в журнале «Юность» только-только появилась повесть Бориса Васильева «Завтра была война», я прочитал ее, сел и написал инсценировку, а поставил почти через двадцать лет, в 2005 году, когда у меня в Брянском колледже искусств появились два театральные курса, с которыми я мог работать в полную силу. И я подумал: пора.

Из того состава сегодня в нынешней постановке заняты всего несколько человек, в их числе невероятно пластичный и обаятельный Андрей Савченков.

— В 2005 году я, студент 2-го курса, сыграл Пашу Остапчука, а чуть позже Жору Ландыса. Нам было по 18 лет. Мы были молодые и наивные. «А незнания молодости

«А завтра была война...» Сцена из спектакля

восполняются верой в собственное бессмертие...», как говорит один из героев повести Бориса Васильева. Мы бесконечно верили в свои силы, — рассказывает о тех днях Андрей. — Нынешние актеры другие — старше, опытнее нас тогдашних. Но обе постановки хорошие и находят невероятный отклик у зрителей.

В нынешней версии Андрей создал образ уже не наивного паренька, а солидного представителя гороно. Режиссер также доверил ему не менее ответственную роль — своего ассистента. Андрей помогал Борису Ярышу в работе с актерами. Говорит, бежал, летел на репетиции так же, как в 2005 году. Его молодые коллеги тоже с невероятной энергией и энтузиазмом взялись за дело, быстро выучив роли. В это трудно поверить, но спектакль восстановили всего за... 11 репетиций!

За два действия спектакль окунул нас в атмосферу предвоенного 1940 года, рассказав историю класса и... целой страны. Дух эпохи воплощен в сценографии Александра Малыгина. Нет громоздких декораций, условно обозначено пространство классных и жилых комнат, обстановка аскетичная. Над сценой, обрамленной плакатами, знаменами и транспарантами, над параллелями и меридианами карты нашей страны парят модели аэропланов. Программки, кстати, оформлены в той же стилистике и сложены в бумажные самолетики.

Старшеклассники живут героикой будней: рекордами стахановцев, полярников, летчиков. Равнение держат и на героев Гражданской войны — бойцов Первой конной армии. Неслучайно «Марш красных кавалеристов» стал музыкальным лейтмотивом действия (музыкальное оформление Виктора Норейко). Он звучит с первых минут — сначала тихой мелодией, а потом мощно в исполнении школьников. Ребятам из 9 «Б» хочется быть такими же, как буденновцы: жить и служить Родине — самозабвенно, чуждаясь всякого расчета и личной выгоды. Мчаться вперед с лихим эскадроном! Актерский ансамбль излучает невероятно позитивную энергию.

А пока, как свойственно их возрасту, старшеклассники — Зина Коваленко (Софья Скрябина), Артём Шеффер (Расим Богапов), Вовик Храмов (Александр Самойлов), Жора Ландыс (Никита Калганов), Лена Бокова (Полина Саввина), Валька Александров (Дмитрий Титов) — сорятся, мирятся, влюбляются, мечтают. И вся эта гамма мыслей и чувств передана через призму приближающейся трагедии...

Актриса Кристина Корзникова признается, что была счастлива, когда Борис Ярыш обратился к произведению Бориса Васильева и предложил ей роль Искры Поляковой. Работать ей было интересно и легко.

— Я такая же, как Искра, максималистка. Мне близка ее натура, схожи характер и темперамент, — говорит Кристина.

И хотя К. Корзникова никогда не была старостой класса, к ее мнению одноклассники прислушивались.

— Мне нравится, что Искра меняется на наших глазах, характер ее развивается. Это интересно и зрителям, и актеру, — признается актриса. — Спектакль не столько о войне, сколько о девушках и юношах предвоенного времени. Об их взрослении, нравственном выборе. Постановка актуальна. Она учит дружить, любить, быть Человеком. Учит честности и справедливости, ответственности за свои слова и поступки. Важно, чтобы театр не только развлекал, но и учил, воспитывал.

Для Искры, всецело преданной идеалам, в жизни нет полутонов, она делит мир исключительно на черное и белое. Ее противоположность, Вика Люберецкая (Юлия Ростопчина) — начитанная, очень хрупкая и нежная, как экзотический цветок. Однако основа у обеих девочек общая: и в той, и в другой развито чувство долга, ответственности перед своей страной. Только Вика не отрицает возможности личного счастья. Неудивительно, что школьницы тянутся друг к другу, сближаются. Когда Люберецко-старшего арестовывают, Вика проявляет удивительную твердость духа и принципиальность — не отрекается от отца. Говорит: «Я ему верю». А Вике верит

Искра Полякова — К. Корзникова, Полякова — С. Рязанцева

весь класс — удивительно дружный и боевой. «Мы, как один, ребята хоть куда./И ко всему причастны на земле!» — кажется, эта песня написана про них. Коллективизм — та сила, которая позволяет им выдержать прессинг со стороны завуча Валендры и не предать подругу.

Одна из главных тем постановки — тема отцов и детей. Бескомпромиссного комиссара товарища Полякову сыграла Светлана Рязанцева. Ее героиня справедлива, порой очень жестка и резка. Но по-своему переживает за единственную дочь.

Товарищ Поляковой по Гражданской войне Леонид Люберецкий (Вениамин Прохоров) ударно трудится на авиационном заводе, укрепляя обороноспособность страны. Это добрый, интеллигентный человек. Его мысли об искусстве звучат очень современно: «Что касается поэзии в частности и искусства вообще, то мне больше по душе то, где знаки вопросительные превалируют над знаками восклицательными. Восклицательный знак есть перст ука-

зующий, а вопросительный — крючок, вытаскивающий ответы из вашей головы. Искусство должно будить мысли, а не убаюкивать их...» И еще: «Искусство должно идти к мысли через чувства. Оно должно тревожить человека, заставляя болеть чужими горестями, любить и ненавидеть».

Опора для учеников — и директор школы Ромахин (Юрий Киселёв), который противостоит Валендре. Юрий Киселёв в этой роли довольно удачно заменил народного артиста России Иосифа Камышева, который не так давно ушел из жизни. Симпатичную Ирину Аракелову, сыгравшую Валентину Андроновну (Валендру), на сцене не узнать. Волосы собраны в пучок, очки, гневный взгляд, непримиримый тон, настоящий «синий чулок». Актриса очень тонко и точно показала отрицательную героиню, душившую всякую свободную мысль в школе.

Современные школьники с интересом наблюдают за перипетиями сюжета. Им интересны ровесники из 1940-х с их бескорыстной дружбой, коллективизмом, свет-

«А завтра была война...» Сцена из спектакля

Артем Шеффер — Р. Богатов, Зина Коваленко — С. Скрыбина

«А завтра была война...» Сцена из спектакля

лой и чистой первой любовью, когда поцелуй в щечку был настоящим событием. В финале, когда Ромахин озвучивает мартиролог, многие не скрывают слез — причём не только девочки, но и мальчики.

Их родители, можно сказать, выросли на первой версии постановки. Побывав на восстановленном спектакле, они были растроганы до глубины души. «Режиссерская работа, декорации, игра актеров, музыкальное сопровождение — всё было, как единое целое, очень гармонично и высокохудожественно. Показано наше прошлое, которое является базой нашего настоящего. Постановка, которую рекомендуем обязательно посмотреть и которая никого не оставит равнодушными», — таковы их отзывы.

Борис Ярыш вспоминает, как одна благодарная театралка неожиданно помогла ему в одном бумажном деле.

— Однажды пришел в БТИ — Бюро технической инвентаризации, а там, как водит-

ся, огромная очередь, — рассказывает режиссер. — Смотрю и думаю: «Нет, никогда мне эту очередь не выстоять». И вдруг подходит ко мне женщина и тихонько так зовет: «Пойдемте со мной». Идем в ее кабинет. «Вы меня, — говорит, — не знаете. А мы с детьми ваш спектакль «А завтра была война...» смотрели. Давайте ваши бумаги». Это самое ценное — когда сделанное тобой находит отклик в сердцах людей, в сердцах поколений. Значит, всё не напрасно...

Я много езжу по стране. Часто соседями в купе или в салоне самолета оказываются участники СВО. В основном, молодые совсем парни. Но в них живет эта любовь к Отечеству, вера в правое дело такая же, как и в героях повести Бориса Васильева. И я верю, что дальше с нашей страной всё будет хорошо. Да, нам могут еще доставить неприятности, но Россия выстоит и в конце концов победит.

Ирина МАРЧЕНКОВА

ЗЛАТОУСТ. Встречаем 80-летие Великой Победы

К 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне Златоустовский государственный драматический театр «Омнибус» подошел с целым циклом мероприятий патриотической направленности, который формировался годами, постоянно пополняясь новыми творческими событиями.

Уже в 34-й раз в театре совместно с администрацией и управлением социальной защиты населения Златоустовского городского округа накануне Дня Победы проходит театральная Неделя милосердия. В эти дни театр приглашает на свои спектакли ветеранов Великой Отечественной войны и членов их семей, тружеников тыла. В 2025 году артисты

порадовали их искрометной комедией-карнавалом «Венецианские близнецы» К. Гольдони.

Для учащейся молодежи на основной сцене «Омнибуса» играют театральный урок-спектакль «Поклонимся великим тем годам», в котором рассказывается об основных, переломных моментах в ходе Великой Отечественной. Насыщенный фактами, с использованием лучших страниц советской поэзии и прозы, театральный урок погружает в историю и неизменно вызывает глубокий эмоциональный отклик. «Дети получают много интересной информации, обогащаются ум и сердце. Этот урок ребята смотрят с волнением. У некоторых на глазах появляются слезы. Через театральный урок вос-

Театральный урок-спектакль «Поклонимся великим тем годам...». Сцена из спектакля

Литературно-музыкальная композиция «Салют, Победа!». Сцена из спектакля

питывается любовь к своей Родине», — делятся педагоги школ.

В копилку посвящений вошла и литературно-музыкальная композиция «Салют, Победа!», знакомящая школьников с военными страницами родного города Златоуста, получившего почетное звание «Город трудовой доблести» за значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне. Представление показывается в тематически оформленном театральном фойе. В исполнении артистов театра волнующе звучат стихи и песни, особую атмосферу того времени создают танцевальные номера.

К одному из юбилеев Победы театр «Омнибус» и Златоустовское телевидение осуществили совместный творческий проект — пронзительный документальный фильм «Пришел солдат с войны», основу которого составили реальные истории из жизни златоустовцев.

Стало уже традицией, что эту работу показывают каждое 9 мая по местному телевидению, и, конечно же, юбилейный Победный год не стал исключением.

Есть еще один совместный творческий проект — театрализованные поэтические миниатюры, — в котором артисты театра читают стихи о войне. Он получился очень достойным, и златоустовцы вновь увидели его на своих телеэкранах в канун юбилейных торжеств.

На протяжении долгого времени зрителей «Омнибуса» радует художественная выставка сотрудников театра «Грани таланта», приуроченная к Международному Дню театра. В этом году на выставке, уютно расположившейся в театральном фойе, представлены работы, посвященные и военным страницам. Зрители задерживаются у необычного портрета отца — ветерана войны, написанного заслуженным артистом РФ Юрием Чулош-

Новогодняя музыкальная сказка «Емелин Новый год». Сцена из спектакля

никовым. Всматриваются в волнующие постановочные фотографии художника-фотографа Веры Гарницкой.

К 80-летию юбилею Победы «Омнибус» подготовил новые творческие проекты, присовокупив их к уже имеющимся. Так, особый интерес в более чем столетней истории златоустовского театра представляют военные страницы, когда труппу расформировали, а театральную жизнь в городе продолжил эвакуированный из Орла областной драматический театр им. И.С. Тургенева. С этим периодом школьников и студентов знакомит заведующая литературно-драматургической частью театра Светлана Трофимова, приходя с лекцией в учебные аудитории.

И еще одна творческая новинка сезона. С событиями Великой Отечественной войны сегодняшний день связан исторически. Коллектив «Омнибуса», отвечая на запросы времени, под-

Картина Ю. Чулошникова «Память»

«Письмо». Художественная фотография В. Гарницкой

готовил поэтический театральный урок-спектакль «Блокпост», посвященный специальной военной операции. Его премьера состоялась 13 мая. В основе театрализованного представления — стихи поэтов Донбасса и участников СВО. Разъясняя молодежи причины и цели специальной военной операции, урок опирается на факты, которые привели к настоящим событиям.

Важный человеческий, духовный аспект в деятельности златоустовского театра — многолетняя дружба с Чебаркульской 90-й гвардейской танковой Витебско-Новгородской дважды Краснознаменной дивизией. Коллектив «Омнибуса» неоднократно выезжал в Чебаркульскую воинскую часть со своими спектаклями на благотворительной ос-

нове как для детского, так и для взрослого зрителя. В год 80-летия Победы на зимние рождественские праздники артисты показали детям военнослужащих новогоднюю музыкальную сказку «Емелин Новый год» Д. Голубецкого.

Все творческие проекты к 80-летию юбилею Победы воплощены благодаря руководству директора театра, заслуженного работника культуры РФ, председателя Челябинского регионального отделения СТД РФ Александра Сергеевича Романова. Режиссером-постановщиком названных спектаклей является главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств РФ Борис Сергеевич Горбачевский.

Юлия СВЕТЛОВА
Фото Веры ГАРНИЦКОЙ

ИРКУТСК. Сегодня нам нужна одна Победа

Впервые майские недели творческая программа охлопковцев Иркутского академического театра напоминала красочный праздничный салют. Каждый день — словно залп в честь героев. Со 2 по 14 мая на подмостках Иркутского академического — лучшие спектакли на военную тему. В Каминном зале — вернисаж «Мы этой памяти верны» о ветеранах войны и сцены. Выставка редких фотографий о жизни театра в военное время открылась и на Театральной площади, где звучали любимые всеми фронтовые песни в исполнении артистов. На областном телевидении и городском радиоканале вспоминали актеров-фронтовиков. Юбилейным подарком театра к грандиозному празднику стали несколько ярких премьер, посвященных Великой Победе. Постановки, созданные раньше, уже прочно вошедшие в репертуар, также украсили торжественную декаду.

Пьеса Виктора Розова «Вечно живые» в постановке Геннадия Шапошникова и за-

служенного артиста РФ Александра Буддакова вот уже десять лет не сходит с афиш Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова. Родившийся в канун 70-летия Победы, этот спектакль сумел наглядно соединить историю огромной страны с историей театра, судьбу народа с биографией каждого зрителя в зале. В финале перед глазами публики чередой проходят имена и фамилии тех, кого в огне сражений потеряли семьи охлопковцев, а в сердцах оживают собственные герои родовых преданий, отдавшие жизнь за наше будущее. Именно отказ от эпичности и пафоса, именно тонкий психологизм и доверительная интонация этой версии известного драматургического шедевра делает ее близкой и дорогой для каждого конкретного зрителя.

С концертной программой «На всю оставшуюся жизнь!», автором которой стал заслуженный артист РФ Евгений Солонинкин, театр буквально «вышел» навстречу

Уличный концерт перед спектаклем

Иркутский зритель вторит песне

грандиозному празднику в городское пространство. Самые любимые, всем известные наизусть, хиты о «боях-пожарищах, о друзьях-товарищах» артисты пели на площади у парадного входа, где им дружно вторили иркутяне, радовался порывистый ветерок с Ангары. Каждый вечерний спектакль в эти праздничные дни предваряли эти уличные выступления.

— Спасибо нашему дорогому Охлопковскому театру за эту удивительную творческую встречу под открытым небом, — поблагодарила известный в Иркутске деятель культуры Вера Ивановна Кутищева. — Незабываемое впечатление. Эти темные тревожные облака в небе, эти птицы, которые шумно взлетели, когда зазвучала песня!

Действительно, в эти моменты памяти героев словно салютовал весь Иркутск. Поэзия, музыка, всеобщее чувство родства объединяли всех безраздельно.

Две постановки главного режиссера театра Станислава Мальцева ярко сверкнули в праздничной обойме Иркутского академического. Камерная драма «Живи и помни» по одноименной повести нашего

земляка Валентина Распутина недавно вошла в сотню лучших спектаклей российского театрального сезона 2023–2024 по мнению экспертов «Золотой Маски». За эту постановку Станислав Мальцев и четверо исполнителей получили Губернаторскую премию.

В центре действия — дуэт главных героев Андрея и Настёны. Трагедия личности солдата, вольно или невольно оторвавшегося от мощного потока народных испытаний, от суровой национальной судьбы. И горькие истины, которые постигает его верная жена, расплачиваясь за непоправимый грех мужа. Эксперты «Золотой Маски» оценили, прежде всего, исповедальное звучание режиссерской версии распутинского текста. Двое переживают свою трагедию наедине, вдаль от односельчан, вдаль от войны. Но в стороне от войны оказаться нельзя. Она всегда проходит через наши сердца и судьбы.

Спектакль «Звездопад» по одноименной повести Виктора Астафьева охлопковцы приурочили к 100-летию писателя и 80-летию Победы. Автобиографичная история первой любви, случившейся в

«Живи и помни». Настёна — И. Королёва, Андрей — С. Соляников

суровую военную пору между раненым бойцом и юной медсестричкой в тыловом госпитале, сразу полюбились иркутскому зрителю.

— Обаяние этой повести в том, что герои молоды, у них есть желание жить и преодолеть все тяготы войны. Любовь была необходима главному герою Михаилу, чтобы поправиться и вернуться на фронт, — говорит режиссер Станислав Мальцев. — Лично для меня эта история о вечном конфликте между жизнью и смертью, любовью и войной, о первом большом чувстве, возникшем в неподходящих условиях, но ставшем для героя вторым рождением.

Иркутский художник, искусствовед, журналист Яна Лисицына как особенное достоинство подчеркнула, что «Звездопад» — «тихий», сокровенный спектакль.

— Тишина эта оказалась не для ушей, а для души моей, и она была целительна, — признается Яна. — Чистота первой любви удивительна. И обстоятельства тяжелого, мучительного военного времени только подчеркивают это. Так было. Как были звезды над головой, дурацкие шутки смущенного

паренька, смешная ревность девушки, горькие папиросы, смерть и смех. Все это было и будет, на любой войне, на любой земле...

Эта недавняя премьера, родившаяся в ноябре минувшего года, получилась лиричной, трогательной и удивительно созвучной сегодняшнему моменту.

Блестящим попаданием в цель в майские дни стала замечательная концертная программа «Под управлением любви», созданная заслуженным артистом РФ Яковом Вороновым к 100-летию Булата Окуджавы. Властитель дум и кумир нескольких поколений, поэт «пушкинской породы», фронтовик недаром гордился, что день рождения празднует в День Победы. Удивительные песни о войне — одни из лучших в его творческом наследии. Артисты Иркутского академического превосходно поют и виртуозно себе аккомпанируют. На сцене мастерски колдует «надежды маленький оркестрик» инструменталистов, задушевно звучат сольные и ансамблевые номера. Им охотно вторят зрители, в чьих завороченных глазах отражаются глубокие искренние чувства.

«Звездопад». Миша — А. Фальковский, Лида — Е. Финк

Концертная программа «Под управлением любви»

«Твардовский: Василий Тёркин. Книга про бойца». Василий Тёркин — А. Фальковский

Конечно, настоящим народным героем праздника стал легендарный Тёркин. Спектакль из цикла «Голос русской поэзии» под названием «Твардовский: Василий Тёркин. Книга про бойца» в режиссуре Алексея Орлова уверенно перешагнул границы малой формы литературного театра. Охлопковский «Тёркин» шагнул дальше, подарив нам настоящий символический спектакль и, как сказали первые зрители, «очень человеческое искусство».

В какой-то короткий час театральной атаки зритель успевает пережить богатый спектр чувств, не раз смахнуть слезу и разразиться смехом, горячо полюбить молодчагу Тёркина, подружиться с ним — не шутя, не по учительской указке, всерьез. Особенно важно это для публики нового поколения, для тех, кто только вступает в большую и сложную жизнь.

Специально к юбилейной декаде родился литературно-исторический спектакль «Огненные версты. Уроки мужества». Театр пригласил юных земляков и всех, всех, всех на дневной урок истории в необыч-

ном формате. Здесь истины самой кровопролитной войны в судьбе нашего народа раскрывали не сухие строки учебника, а живые факты с фронтов, кадры военной хроники, стихи поэтов-фронтовиков. Стихи, написанные в окопах, в короткие передышки между сражениями, когда каждая строка могла оказаться последней. Неуязвимые для фальши и цензуры, дышащие живым, пульсирующим чувством, они содержат великую, трагическую и вместе с тем жизнеутверждающую правду далеких лет, суровых испытаний, выстраданных побед. Поэтический концерт, бережно выстроенный постановщиком Алексеем Орловым, — попытка оживить голоса тех, кого уже нет с нами, но кто бесконечно дорог и ценен всем нам.

Это концерт-откровение, концерт-потрясение, это час единения с судьбой великой страны, сакральный момент истины, необходимый нам сегодня.

Марина РЫБАК

Фото Анастасии ТОКАРСКОЙ

КРАСНОДАР.

Ностальгия по настоящему

Премьеру спектакля-посвящения «Помни» представили в Краснодарском молодежном театре 1 мая. Взяв за основу поэму Роберта Рождественского «Реквием», режиссер Павел Пронин создал лаконичное и сдержанное по форме и при этом мощное и пронзительное высказывание о долге, подвиге, верности и памяти.

Павел Пронин, уже знакомый краснодарскому зрителю по спектаклям «Звезды светят на потолок» и «Горе от ума» в Молодежном театре, и художник Настя Васильева создают пространство, с одной стороны, с явными отсылками к послевоенной эстетике, а с другой — словно нарочито вневременное. Полутемная сцена, коричневые, пыльно-розовые, бежевые костюмы актеров, серые, словно много раз выстиранные, небеленого льна полотнища, свисающие с потолка (госпитальные простыни? обрывки парашютов?) и, как яркий акцент, — красные деревянные стулья, на спинки которых наброшены солдатские шинели. Актеры выходят по одному и замирают у стульев — как на фотографиях в старых семейных альбомах, тех самых из фотоателье, где яркий свет, немного напряженные позы, обязательная сепия и чернильная подпись в уголке — год и город.

Актеры Молодежного театра Владислав Гоголев, Инга Аничкина, Анастасия Ковыряова, Евгений Парафилов, заслуженный артист Кубани Алексей Алексеев, Анастасия Радул, заслуженная артистка Краснодарского края Оксана Трегубова, заслуженная артистка Кубани Юлия Макарова, Илья Сердюков и Егор Глазов по очереди выходят на сцену, замирают и, когда луч прожектора (фотовспышка?) выхватывает их из полутьмы, говорят голосами

«тех, кто уже не придет никогда»; тех, кто сражался; тех, кто ждал; тех, кто был свидетелем самых важных событий. Внешний минимализм действия, четкие, скупые движения, синхронность — архивная киноплёнка, старое кино? Если и так, то это кино — о самом главном и неустаревающем.

«Спектакль создан в соответствии с законами построения речи Анатолия Васильева — одного из лучших современных театральных режиссеров и педагогов, признанного мастера работы с текстом. Эти законы позволяют актеру работать со смыслами, лежащими в основе произведения, и в сценической реализации подниматься до истинных высот трагизма и благородного пафоса. Они обеспечивают очень точное, напряженное, подлинное сценическое действие, которое позволяет сделать зрителя не пассивным наблюдателем, а активным участником взаимного обмена с актерами. То есть, каждый зритель тоже неизбежно в течение спектакля вместе с актерами проходит путь осмысления произошедшего в годы Великой Отечественной войны и определяет свою жизнь в системе координат, где точкой отсчета становится Победа», — говорит режиссер Павел Пронин.

Несмотря на ассоциацию со старым фотоальбомом или архивной кинолентой, интонация спектакля вполне современна и даже костюмы в стиле 40-х — 50-х годов, с учетом цикличности моды, вполне впишутся и в день сегодняшних. То, что происходит на сцене, происходит не где-то и когда-то, оно здесь и сейчас, и это настоящее. Пожалуй, слово «настоящее» и является определяющим для этой постановки.

«Помни». Сцена из спектакля. Фото М. Богдан

«Вместе с художником спектакля мы постарались создать именно это пространство, условное пространство внутренней рефлексии каждого человека. Мы сознательно ушли от точных привязок по времени и месту, чтобы очистить зрительское восприятие от любых наносных и поэтому лишних образов. Эта статичная композиция в сочетании с застывшими мизансценами начинает работать как единое монументальное панно, и любые незначительные перемены внутри работают многократно сильнее. Единственное, что постепенно меняется — это задник, который заливается светом, создавая образы грозового неба, тревожного рассвета и другие — тем самым все объединяя», — рассказывает Павел Пронин.

Строки «Через века, через года, помни! О тех, кто уже не придет никогда, помните!» и «Памяти павших будь-

те достойны» каждый наизусть знает с детства — они выбиты на основаниях сотен памятников, неоднократно звучали со сцен, экранов, радиоприемников. Эти строки являются частью нашего общего культурного кода, однако слишком частое повторение как будто несколько размыло и снизило остроту и градус восприятия. Возможно, именно поэтому Пронин обратился к «Реквиему» — чтобы заставить зрителя не просто еще раз послушать это «Помните!», а заново его услышать и прочувствовать.

Выбрав этот текст, режиссер сделал особый акцент на дистанции, временном разрыве между трагическими событиями 1941–1945 годов и 1962-го, когда была создана поэма.

«Назвав свою поэму «Реквием», Роберт Рождественский был точен не только по форме, но и по сути: как средневековая месса ставила целью

«Помни». Сцена из спектакля. Фото А. Петрова

не только осмыслить и оплакать утрату, но и найти в себе силы жить дальше, так и эта поэма призывает читателя принять случившееся в годы Великой Отечественной войны, честно и бескомпромиссно, и после этого понять, как же можно строить свою, новую жизнь.

Искренность и даже безжалостность, с которой автор сталкивает нас с прямой, неизбежно требует такой же прямой и честной реакции. Для меня очень важно, что между автором и событиями войны есть дистанция, что он ищет свое место за пределами войны — но осознавая свою непосредственную связь с ней. Эта дистанция делает авторскую позицию такой актуальной именно сегодня — и именно она открывает возможность для прямого разговора. Свободного от ритуализированных формулировок, общих рассуждений или распространившегося в

последние годы лукавства», — объясняет режиссер.

Строки Рождественского оттенены музыкой Микаэла Таривердиева — она, как и «Реквием», создавалась в бо-е, в период оттепели, когда уже ощущалась «Ностальгия по настоящему». Ощущается она и сегодня, и «настоящее» здесь — и категория времени, и категория качества. «Настоящее» как «подлинное» и «истинное», как то, что ценно во все времена и как то, чего часто не хватает. Настоящая память, настоящая трагедия, коснувшаяся каждой семьи, настоящие люди, которые так же любили, строили планы, верили в то, что прекрасное светлое будущее станет для них настоящим, настоящая история, о которой нельзя забывать, и, наконец, настоящее время, которого не случилось бы без прошлого, которое когда-то и для кого-то тоже было настоящим. «Ностальгия по настоя-

щему» на стихи Андрея Вознесенского тонко вплетена в ткань спектакля и как нельзя лучше подсвечивает его основную мысль.

Отдельно стоит отметить, что в записи музыкального материала принимал участие аранжировщик Михаил Баланов и Оркестр Ильи Филиппова. Цельная, единая и по-настоящему живая музыка спектакля усиливает ощущение подлинности происходящего, помогает еще сильнее проникнуться атмосферой спектакля, создает одновременно общность и уникальность зрительского опыта.

«Важной частью композиции спектакля являются песни на музыку Михаила Таривердиева. Безошибочный выбор поэтического материала и пронзительная интонация с сохранением дистанции, позволяющей по-настоящему осмыслить сложные проблемы — черты, отличающие творчество композитора — создают исключительно точное

звучание, благодаря которому песни вторят поэме, расширяя пространство смыслов и усиливая связь с сегодняшним днем», — говорит Пронин.

*Хлещет черная вода из крана,
хлещет рыжая, настоящаяся,
хлещет ржавая вода из крана.
Я дождусь — пойдет настоящая.*

Только сохраняя память о подлинном и настоящем, можно дождаться «чистой воды», если знать, какая она, когда чистая. Только помня о важнейших событиях своей истории, можно не допустить ее повторения, не позволить переписать и отменить. Спектаклю в полной мере удастся донести эту мысль, при этом не перегрузив зрителей пафосом, не превратив живую историю в гранит, бронзу и мрамор. Это и есть настоящее.

Ольга ЖЕРДЕВА

КУРСК. Чтобы помнили. Чтобы не забывали

5 мая 2025 года, спустя 40 лет, на сцену Курского театра юного зрителя «Ровесник» им. И.В. Селиванова вернулась постановка по повести Бориса Васильева «Завтра была война». На этот раз режиссер Андрей Золотухин бережно взял на себя и сценографию, и костюмы к спектаклю. Рассказ о том, кем были участники тяжелейшей войны XX века, кто вынес ее на своих плечах, отправившись на фронт прямо со школьной скамьи, — это попытка воссоздать атмосферу хрупкого мира, стоящего на пороге страшной трагедии.

Андрей Золотухин обладает особым чутьем связи между композицией и визуальным рядом — прослеживается это в каждом спектакле. Начиная его, режиссер уже дает неуловимую установку на финал. Всякий театрал наверняка будет возвращаться к работам Андрея Васильевича вновь, чтобы пересмотреть, сопоставить детали, неожиданно включающиеся в сознание в момент осмысления увиденного.

Вот и здесь режиссер начинает знакомство со зрителем с грандиозного парада. «Всё выше, и выше, и выше...», — вещают динамики, и бесконечным

«Завтра была война». Сцена из спектакля

строем, словно снятые с советских плакатов, мозаик и муралов, словно ожившие скульптуры Парка культуры и отдыха, вышагивают комсомольцы в белоснежных одеждах. Действие настолько завораживающее, что, обуреваемый восторгом и желанием встать в этот строй, не сразу увидишь страшное. Эта удивительная, динамичная, дышащая юностью и смелостью процессия — советская молодежь. Опора и будущее могучей страны. Лучшие из лучших, волевые, идейные. И всех их раскатает черными грязными гусеницами война.

Андрей Золотухин закольцует композицию в финале тем же по-советски торжественно алеющим красным светом. Только это уже будет не страстно

пламенеющий триумф молодого и сильного государства, а кровь, омывшая его пределы, гвоздики у подножия обелиска, Вечный огонь в конце дороги к мемориалу.

Еще одна удачная художественная находка режиссера — минимализм и монохром. Детали интерьера условны: их просто нет, но они легко угадываются и дорисовываются. Сама же сцена — черно-белая. Как и разговоры героев об истине. Есть черное и белое, установленная правда и вражеская пропаганда. Полутон и инакомыслие быть не должно. Да вот только причудливо искажаются под прожекторами тени, полосуют они многоярусные ступени, героев, изображают вокруг них что-

Мать Искры — О. Чухраёва, Искра Полякова — Е. Шуклина

то неосоздаемое, неуловимое — рисуют тревогу, рисуют сомнение.

На фоне мастеров сцены, на фоне настолько осмысленного художественного оформления выдерживают конкуренцию юные актеры и студийцы ТЮЗа. От того, возгорится ли из комсомолки Искры пламя, зависит изрядная часть успеха спектакля. Более сдержанная эмоционально Евгения Шуклина и вдохновенная в идейном порыве София Крачковская убедительно воплотили образ преданной комсомолки, героини своего времени, вобравшей в себя черты эпохи, идеалы и трагедии своего поколения. Актрисы показали, что, несмотря на ригоризм, принципиальность и твердость харак-

тера, Искра обладает тонкой душевной организацией. Ее убеждения сталкиваются с жестокой реальностью, и все оказывается не таким черно-белым, как впитывалось с молоком матери (интересно, что и наряд Искры буквально повторяет монохромное оформление сцены). Но девушка не терпит лицемерия, она готова прямолинейно озвучивать свое мнение, даже если оно идет вразрез с общепринятым, и, что самое важное, готова признать свою неправоту и шагнуть от идеологического — к человеческому. Поставить акцент на этом шаге молодым актрисам удалось.

Если Искра — символ идейности, то Вика Люберецкая — воплощенная ин-

Вика Люберецкая — Н. Молокоедова, Жора Ландыс — Л. Шахов

телигентность, женственность, утонченная любовь к ближнему. Она менее политизирована и больше ориентирована на чувственное, эстетическое познание мира. Истинную девушку из высшего общества передали Мария Лукьянчикова и Наталья Молокоедова. Две одинаково прекрасные и неземные, но с совершенно разными акцентами, определяющими характер героини, актрисы задают разный тон трагедии Люберецкой. Вика в исполнении Натальи Молокоедовой более абстрагированная, экзальтированная, даже в компании друзей выглядит интровертом и, несмотря на выразительный живописный взгляд, направляет его более в себя, будто каждую секун-

ду прислушиваясь к своему мировосприятию.

Вика Марии Лукьянчиковой более глубока и полна интеллектуально, она излучает плавность, нежность, умной и искренней улыбкой дарит тепло и гармоничнее взаимодействует с окружающими, идеально вписывается в мечту героини о простом женском счастье, которому не суждено сбыться. Внешне хрупкая, Люберецкая демонстрирует внутреннюю силу перед лицом системы и предпочитает совершить отчаянный поступок, нежели отречься от отца, по злему навету объявленного врагом народа (нельзя не заметить, что режиссер одевает Люберецкого-старшего в светлую одежду, показывая его

Искра Полякова — С. Крачковская, Саша Стамескин — Е. Жигулин

истинную незапятнанность). Ведь позволить системе признать вину отца — это для Вики страшнее смерти. Незримый, но непреодолимо тяжелый мученический венец, вопреки нападкам Валентины Андроновны, водрузили на нежную, умную голову Люберецкой не ее верные друзья, а горькие обстоятельства. Обе актрисы несут за свою героиню этот венец изящно и стойко, непоколебимо уверенные в правде и призвании быть истинной и благодарной дочерью.

Еще одну любовь символизирует Зина Коваленко (Виктория Шульгина, Елизавета Аленина) — любовь чувственную, страстную, не по возрасту «взрослую». Это один из наиболее естествен-

ных и реалистичных образов, легко узнаваемый каждым зрителем в своей однокласснице или соседской девчонке. В роль Зины обе актрисы вдохнули жизнь без излишней жеманности, очень точно, по-актерски зрело дозируя кокетливость и флирт, не выходя при этом за грань чрезмерной иронии. Несмотря на экстравагантность поведения, легкомыслие, вечное «сладкое состояние влюбленности» — да, она далеко не является «идеальной» героиней, — Зина проявляет смелость, независимость и решительность. Она настоящий друг и тоже готова пойти против «единственно верного», но чуждого ей мнения, оставаясь цельной, оставаясь собой (как ярко отыгра-

Ромахин — Б. Седых, Валентина Андроновна — А. Федосова

на сцена в классе, где Зина отстаивает престиж профессии, которой посвятила себя ее мать).

Интересны, правдоподобны и мужские образы, созданные молодыми актерами. Среди них — спортивный и трудолюбивый Артем Шефер в исполнении Даниила Авдеева. Его герой хулиганистый, но исключительно во имя справедливости, неизменно волевой и решительный, но робеющий перед любовным чувством. Жора Ландыс Левани Шахова — гармоничный, оптимистичный, мужественный, с умным взглядом и тонкой интеллигентностью в лице. Саша Стамескин, воплощенный Егором Жигулиным и Ярославом Константиновым, — в этой версии на даль-

ний план отходит тот факт, что перед нами бывший двоечник, перевоспитанный Искрой. Мы видим познающего и ищущего себя юношу, которого манит высокая (и недостижимая на данный момент) цель, но при этом готового приносить пользу советской авиации даже малым своим участием, верящего в преобразование мира собственными руками, а не демагогией о том, как лучше жить. Он осмысливает свое будущее через обязательство перед друзьями и государством, через внутренний конфликт (который достаточно выразительно показан обоими исполнителями роли) в момент выбора между близким другом и общественными идеалами своего времени.

«Завтра была война». Сцена из спектакля

И, конечно, связующими звеньями между эпизодами, показывающими моральное созревание юных душ, стали образы, созданные старшим поколением труппы Курского ТЮЗа. Значение взрослых персонажей в спектакле очень велико — не случайно на их роли режиссер берет опытных, харизматичных, характерных артистов, вверяя им обязанность «вести» за собой юных, организовывать, выстраивать сюжет.

Абсолютно разные по характеру родители учеников, воспитывая их, создают свои копии, но режиссер намекает, что взросление всё равно идет своим особым, непостижимым, неподконтрольным путем. В итоге все с пониманием принимают взросление своих сыно-

вей и дочерей. Мама пока еще очаровательной в беспрекословном послушании Розы (Аполлинария Гройсман) и уже почти нравственно зрелого Артема (Даниил Авдеев) в исполнении Инны Шаниной и Елены Поповой — женщина домашняя, искренняя, ориентирующая детей на простое, человеческое, семейное счастье. Это самый бесприоритетный вариант, не зависящий от эпохи, идеологии и партийного долга, не подверженный рефлексии вечно ищущего истины ума.

Даже «железная» мать Искры (глубокие, волевые, безапелляционные, самозабвенно горящие в этой роли актрисы Галина Делова и Ольга Чухраева) смиряется, встретив решительный и зре-

лый отпор дочери, становится дома все же трогательной матерью, а не комиссаром. А Люберецкий-старший (безупречно тонко и интеллигентно сыгранный Олегом Воробьевым) и вовсе невольно меняет жизнь и взгляды многих ребят и, вероятно, зрителей. Сам, будучи человеком ищущим, заставляет и нас находить ответы на бесконечные нравственные вопросы.

Взросление ребят происходит преимущественно в стенах школы, и иницирует это взросление в том числе новый директор Николай Григорьевич Ромахин (буквально излучающий бравую, добрую, созидательную силу Борис Седых). Он не сковывает процесс взросления, поощряет духовный поиск подростков, участвует в их жизни не наставлениями, а реальным присутствием, верным плечом. Противостоит гуманисту и реформатору классный руководитель девятиклассников Валентина Андроновна (Анна Федосова, Инна Кортева) — характер, для современного школьника, наверное, утрированный, но для поколения зрелого и стоящего на пороге зрелости — узнаваемый. Актрисы создают типаж педагога, свято верящего в правоту идеалов, беззаветно служащего и воздающего личную жертву системе образования, но не видящего, что броуновское движение в школьных коридорах никак не подчиняется системе.

Образ, страшный своей всесокрушающей и не вмещающей чужому мнению силой, но при этом горький — образ женщины, обезличенной системой. Система отражает также представитель райкома комсомола в исполнении Александра Сидорова. Роль небольшая, но любопытная и тщательно проработанная в деталях (практически портретно узнаются конкретные партийные деятели эпохи). Появляющийся в самой кульминационной сцене — на комсомольском собрании, при-

званном заставить Вику отречься от отца, — этот персонаж при кажущейся индифферентности намекает на внутреннюю борьбу, проявляющуюся в противостоянии очевидной несправедливости.

Еще одно действующее лицо — Следователь (Александр Тюленев) — показывает безразличие системы к частным судьбам. С какой ужасающе пустой и дежурной интонацией рассказывает он Искре о том, что уснувшую Вику видели, просто — как глупо вышло — не стали будить. Официально-участливым голосом расспрашивая детей, он легко ставит точку: дело закрыто. Проводы чистой души Люберецкой не кажутся важным вопросом ни для кого, кроме таких же — пусть не во всем идеальных, но — чистых сердцами и помывками друзей.

Эволюция юных героев происходит на фоне жестокого времени, когда политические догмы и идеологическая борьба стремятся сломить их дух. И на пороге Великой Отечественной войны их жизни и убеждения подвергаются суровым испытаниям. В финале Андрей Золотухин снова отказывается от привычного и делает потрясающий ход. Окровавленная пасть войны пожирает в шаге от взрослой жизни одного за другим — волевых, сильных, перспективных. Режиссер не ставит ожидаемой музыкальной точки, не дает сигнал к завершению спектакля и аплодисментам. Поклон становится Минутой молчания в память обо всех, кто ушел в бессмертие и победил.

Кристина ЧЕКАЛЁВА
Фото предоставлены театром

НИЖНИЙ НОВГОРОД.

Операция «Дети»

Празднование 80-летия Великой Победы поставило перед театрами для детей и молодежи сложную задачу. Как сделать спектакль о Великой Отечественной для поколения современных школьников и подростков, привыкших к ярким шоу, коротким клипам, быстрому темпу жизни и одновременно ограждаемым от любой «негативной информации» от курения до поцелуев? Как рассказать им об ужасах войны, о блокаде и Холокосте, об отчаянном героизме людей на фронте и в тылу? Как объяснить смысл выражения «смерть ради жизни»? Современной детской литературы и тем более драматургии на эту тему очень мало, литература советского времени сейчас

нуждается в переводе на современный язык и ритм. Разные театры решали поставленную перед ними задачу разными способами, а в нижегородской театральной афише к майским праздникам появились два очень разных спектакля, рассказывающих об одном и том же историческом факте. В поисках, как сейчас модно говорить, «уникального контента» Нижегородский академический театр кукол и Театр «Вера» создали спектакли об уникальном событии, исторически связанным с тыловым во время войны городом Горьким.

Летом 1942 года командиром соединения партизанских отрядов Никифором Колядой «Батей» совместно с подпольным райкомом партии и армейским ко-

«Снег в июле». Саша — И. Захаров. Нижегородский академический театр кукол

«Снег в июле». Сцена из спектакля. Нижегородский академический театр кукол

мандованием был организован выход с территории Смоленской области более трех тысяч детей и подростков. На оккупированных землях творилось страшное: подростков отправляли на принудительные работы в Германию, по подозрению в связях с партизанами людей арестовывали и расстреливали, деревни сжигали вместе со всеми жителями. Партизаны предпринимали попытки вывести небольшие группы людей, но необходима была масштабная операция. Был разработан маршрут до станции Торопец длиной около 200 километров по лесам и болотам, определены пункты питания и точки связи. Предстояло пройти через прорыв в линии фронта под названием «Слободские ворота». Вести колонну поручили учительнице Матрёне Вольской, ее помощницами стали учительница Варвара Полякова и фельдшер Екатерина Громова. В ночь на 23 июля

из деревни Елисеевичи в путь отправились полторы тысячи детей 9–17 лет. Оказалось, что немцы знают об операции, и пришлось экстренно менять маршрут. Деревни, где предполагалось пополнять запасы, были сожжены и разбиты. С самолета сбрасывались листовки с угрозами. Тем не менее, по пути к колонне примыкали новые группы детей из окрестных деревень. Еды катастрофически не хватало, всех мучила жажда: колодцы в деревнях были отравлены, в водоемы немцы сбрасывали трупы, пить из них было опасно. Обессиленные дети с трудом передвигались. У Западной Двины их обстреляли из пулеметов немецкие самолеты, тяжело была ранена одна девочка. Несмотря ни на что, более трех тысяч ребят на станции Торопец погрузили в эшелон и отправили в тыл. Большинство были измождены до крайней степени.

«Снег в июле». Сцена из спектакля. Нижегородский академический театр кукол

Матрёна Вольская понимала, что до Урала, как изначально планировалось, они просто не доедут, и стала рассылать телеграммы в ближайшие города по пути следования. 14 августа всех приняли в Горьком (Нижем Новгороде). В акте приемки было записано: «Дети имеют ужасный вид, совершенно не имеют одежды и обуви; приняли от Вольской 3225 детей». Матрёна Исаевна не довезла только 15 человек, которые сошли в Ярославле, чтобы вернуться домой и бить фашистов. Ребят в зависимости от возраста распределили по детским домам, профессиональным училищам, колхозам, заводам города и соседних областей. С тех пор эти люди называют себя «смоленскими горьковчанами».

Именно эта часть истории стала сюжетной основой спектакля «Снег в июле» в Театре кукол. Постановщики Алексей Шульгач, Диана Разживайки-

на-Шульгач и Михаил Шарабакин пересказали ее театральным языком как красивую легенду о маленьком мальчике и молодой женщине, которая, будучи слабее многих, оказалась сильнее самой войны. Взрослый Сашка (Иван Захаров) раз за разом возвращается в воспоминаниях в свою родную деревню, оглядывает сверху маленькие полотняные домики, рассказывает о соседях и о том, как однажды к ним пришла война, а с нею смерть и голод. Это три человекообразных монстра с огромными головами: первый в кровавом костюме похож на Гитлера с плакатов Кукрыниксов, второй — с головой-черепом ворона и клеткой с куколками-человечками за плечами, третий — толстяк с мохнатой головой свиньи. Жуткая троица присылает треугольные похоронки, разоряет деревню и сжигает маленькие домики в железной бочке войны.

«Операция «Дети»». Мотя — В. Балезина. Нижегородский театр «Вера»

Им противостоит девушка Мотя в светлом платье. Она собирает в большой чемодан тряпичных кукол — деревенских деток, спасает Сашку, и тот радостно идет с Мотей, ведь она обещала прокатить его на настоящем паровозе. Герой существует в двух временных планах: общается по-детски с персонажами своей сказки и довольно деликатно и ясно рассказывает зрителям о происходящем. Ведь это его воспоминания, детские и далекие, поэтизированные и осмысленные. Артист мгновенно переключается с детского наивного взгляда на отстраненный всепонимающий взрослый и обратно, ведет зрителей через сказку к реальным событиям того героического детского похода. Вот пепел от сожженных домиков падает снегом на июльскую зелень, вот проваливается в болото лошадка, вот из жестяной кружки вместо воды сыплется сухой песок, вот советские истребите-

ли в образе стайки отцовских голубей прогоняют немецких бомбардировщиков. И в конце Сашка помогает Моте тащить уже не один, а три чемодана с куклами-детьми. Образность, метафоричность представления завораживает благодаря гармоничному сочетанию всех его составляющих — света, музыки, шумов, предметов и текста. Из них получился красивый и современно звучащий спектакль о войне. Надеюсь, зрителям после показа захочется спросить: «Как же Сашке и Моте удалось пройти через испытания войны, и что было дальше?» Ответы им придется искать самим, в меру возраста и любознательности — в интернете, музеях, книгах и документальном фильме. А они существуют.

Благодаря энтузиазму немалого количества людей — краеведов, педагогов, журналистов — партизанская операция «Дети» не стала забытым эпизо-

«Операция "Дети"». Матрёна Вольская — Н. Петенева. Нижегородский театр «Вера»

дом в большой истории Великой Отечественной войны. В начале 1970-х в школе № 4 в городе Бор Горьковской области зародилось грандиозное поисковое движение. Ученики под предводительством своего учителя и бывшего партизана Леонида Новикова вместе с журналистом Горьковского телевидения Натальей Дроздовой начали поиск участников операции и спасенных детей. В телепередаче, рассказывающей о событиях лета 1942 года, к зрителям обратились с просьбой откликнуться уже взрослых «смоленских горьковчан». Кстати, прототип мальчика Сашки — Александр Иванов жил там же, в городе Бор. После нескольких лет сбора материалов была издана в Горьковском книжном издательстве документальная книга «Операция "Дети"». Затем Наталья Дроздова предложила руководителю детского туристического клуба Алексею Чкалову организовать

велопробег. Через 55 лет, в 1987 году, 55 ребят повторили путь, который прошли в военные годы их ровесники. В нем участвовала киностудия ГТРК во главе с Натальей Дроздовой, и появился документальный фильм «Операция "Дети"». Книга переиздавалась несколько раз, дополняясь новыми воспоминаниями и фактами, существуют школьные музеи и краеведческие объединения в Нижегородской и Смоленской областях. Экспедиции продолжались много лет, списки имен спасенных детей пополнялись. Не один десяток ребят из разных городов России проходили маршруты по Смоленщине. Так сложилось, что военная операция по спасению детей от нацизма в мирное время стала операцией не только историко-мемориальной, но в первую очередь воспитательной.

Эта часть истории стала основной идеей в работе над спектаклем «Опера-

«Операция "Дети"».
Сцена из спектакля.
Нижегородский
театр «Вера»

ция «Дети»» в Театре «Вера». На материалах документальной книги и кадров фильма с воспоминаниями свидетелей и участников режиссер Владимир Червяков создал представление, главная роль в котором отводилась ребячьей армии, как ее называла Вольская. Два десятка ребят из литературно-театральной студии «Лестница Ч» сыграли своих ровесников, идущих в тыл назло фашистам, и ради этой роли они глубоко погрузились в историю Великой Отечественной войны, слушали рассказы Натальи Дроздовой и Алексея Чкалова, размышляли и обсуждали. Конечно, эпизоды с детьми стали самыми эмоционально яркими и трогательными.

В спектакле существуют параллельно три временных пласта. Первый — военное лето, где действуют партизаны и дети, молодые Мотя, Варя и Катя. В теплом свете сепии играют эпизоды, описанные участниками в воспоминаниях. Как расплакалась Мотя, узнав о невыполнимом задании. Как влез на дерево Сёма, чтобы увидеть красотищу восходящего солнца. Как маленькая Нина учила всех находить съедобное в лесу: подорожник, заячью капусту, березовую мезду и одуванчики. Как серьезная Паша рассказывала сказки про богатыря Ивашку, и все засыпали. И как падали врассыпную от гула самолетов и выстрелов. Мотя в исполнении Варвары Балезиной — хрупкая и одновременно жесткая, как кулак. Четкая уверенная речь учительницы, ее усталый внимательный взгляд, тихая присказка многодетной мамы: «Где один, там и два, где тысяча, там и три». Сомнений, как три женщины сопровождали тысячи детей, не возникает. Ребячья армия была организована строго и по-военному, старшие отвечали за младших, и никто не плакал. Это был их ребячий бой.

Над ребятами и сквозь них проходит в спектакле Матрёна Исаевна Вольская 1970-х, комментирующая хронологию похода, осмысливающая те события с высоты прожитых лет. Актриса Наталья Петенева нашла для своей героини интонацию учительницы, ведущей урок в День Победы и взволнованной нахлынувшими воспоминаниями. За ее спиной всплывают кадры из фильма с рассказами второй участницы похода — Варвары Сергеевны Поляковой, которая в 1980-е многое успела рассказать журналистам на камеру.

Третий план, который вторгается в историю и возвращает зрителей в реальность, — это ведущие в современных костюмах, объявляющие необходимые для понимания исторические факты, и танцевальная группа, задающая всему представлению ритм и театральность. В пластических этюдах мы видим сон, в котором детям являются их любимые сказочные герои, и счастливый банный день на станции в пути.

Все временные и разножанровые пласты звонкой нитью сшивает моментально запоминающийся лейтмотив, написанный композитором Марком Булошниковым. Единственная тема звучит в разной инструментовке, с разной скоростью и настроением, и остается надолго в памяти зрителей.

В эпилоге хочу рассказать о том, что история продолжается. Один из студийцев, играющий «пацана, прибившегося к отряду Вольской из оккупированного города Демидова», после премьеры неожиданно узнал от своей бабушки, что она уроженка Демидова, и что ее старшая сестра является свидетелем тех событий. Вот такой живой урок истории и чудо театра.

Анастасия ДУДОЛАДОВА

ОРЕНБУРГ. Русский человек все выдюжит...

В год 80-летия Великой Победы главным событием на сцене Оренбургского государственного областного драматического театра имени М. Горького стала премьера спектакля по рассказу Михаила Шолохова «Судьба человека» в постановке Александра Фёдорова. Тема войны отражена в нескольких спектаклях театрального репертуара: легендарная постановка народного артиста РФ Рифката Ибрафимова «А зори здесь тихие...» по повести Бориса Васильева, живущая на сцене уже 20 лет; спектакль по пьесе оренбургского драматурга Павла Рыкова «Позови меня в прошлое» о героях-оренбуржцах; пластический спектакль Олега Николаева «Письма памяти» и спектакль по про-

изведению поэта Виталия Молчанова «Время Z» о реалиях специальной военной операции в Малом зале театра.

Художественный руководитель театра Рифкат Ибрафимов всегда придавал огромное значение спектаклям о войне, тем более в реалиях современного времени.

Рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека» появился на свет в 1956 году. Прототипом главного героя Андрея Соколова стал солдат, историю жизни которого Шолохов услышал еще весной 1946 года. Так, Андрей Соколов, вспоминая и рассказывая о событиях на войне, вновь проживая свои чувства, делает это с дистанции первых послевоенных лет. Раны еще не затянулись, в памяти все живо, но в каждом эпизоде его

«Судьба человека». Сцена из спектакля

«Судьба человека». Сцена из спектакля

судьбы чувствуется огромная тоска человека, потерявшего все. При этом он понимает, что другого пути судьба ему не приготовила: он шел вперед, сохраняя человеческое достоинство, преодолевая страх, не предавая своих товарищей, любя свою семью... Александр Федоров загорелся идеей постановки спектакля и написал инсценировку по рассказу.

— Диалогов, к которым мы привыкли в пьесах, безусловно, здесь мало, — рассказывал он. — Это же рассказ-исповедь. И я попытался выстроить всё так, чтобы зритель смог проследить путь нашего героя. Ведь «Судьба человека» не просто так названа. М. Шолохов не назвал свой рассказ «Судьба Андрея Соколова». Зритель должен прожить вместе с героем, чтобы каждый смог получить свой урок из спектакля. Ведь это притчевая история про Судьбу. Я взял какие-то отрывки из других произведений Михаила Александровича Шолохова и вплел в спектакль. От-

дельные реплики и монологи — из реальных историй фронтовиков.

В центре сценографии художника-постановщика Андрея Климова — трещина, разделившая мир на две части: до и после. Станок обожженной земли, на котором развивается все действие, «работает» на протяжении всего спектакля, разъединяя, поглощая, хороня... Общая скупость декорации дополняется световым решением (световое оформление Владимира Пивовара). Разверзается земля, облитая фашистами горячим из канистры, вспыхивает от окурка, клубится красный дым из ее недр и громко звучащая угроза в музыке — так решена сцена начала войны. Эта зигзагообразная трещина отделяет живых от мертвых, символизирует разлом в судьбе страны, народа, человека... Трещина незаживающим шрамом пролегла по земле и осталась навсегда. Как и наша память о войне и ее жертвах.

«Судьба человека».
Ирина — Ю. Каштанова,
Андрей Соколов — Д. Гладков

«Судьба человека». Сцена из спектакля

Роль Андрея Соколова в спектакле исполняют заслуженный артист РФ Сергей Тыщенко и артист Дмитрий Гладков. Герой Сергея Тыщенко — обычный русский мужик, который с каждым днем войны черствел и выросл душой, выстраивая испытания и преграды. В исполнении Дмитрия Гладкова история Андрея Соколова воспринимается еще и историей маленького человека своей большой страны — обычного, неидеального, но при этом не задумывающегося над дилеммой: он просто знал, как надо и как нельзя ни в коем случае.

Путь Андрея Соколова в спектакле представлен в окружении бойцов его роты, раненых в госпитале и плененных под сводами церкви, узников в концлагере (заслуженные артисты РФ Александр Папыкин, Юрий Труба). В них отражается атмосфера войны, и затрагиваются судьбы других солдат. Молодой солдат (Александр Пестриков), впервые оказавшийся в бою, военврач (Роман Ефимов), мудрый старши-

на (Дмитрий Воропаев), ставший предателем Крыжнев (Дмитрий Татаринцев), бойцы (Сергей Кунин, Эдуард Султанбеков, Расиль Янибаев). Сцена убийства предателя Крыжнева стала для Соколова переломной, он должен был осознать неотвратимость своих судьбоносных действий. Эта сцена ошеломляет и зрителя: суровая правда режет привычное представление о положительном герое. И в то же время наш герой прошел и это.

Убедительным оказался Мюллер, командант лагеря, в исполнении Даниила Сайфуллина. Фашисты в спектакле представлены лаконично (Константин Гусев, Анатолий Мартемьянов), но и недолгое появление этих персонажей оставляет чувство тревоги.

Смена нарастающего напряженного драматизма шутками или частушками — один из приемов спектакля. Вероятно, выдержать все уготованные судьбой испытания иначе было бы невозможно. Народные песни в живом исполнении,

Андрей Соколов — Д. Гладков, Ваня — А. Султанбеков

Старшина — Д. Воропаев, Жена — И. Прохорова, Андрей Соколов — Д. Гладков, Ваня — А. Султанбеков

Андрей Соколов — С. Тыщенко, Ваня — В. Тыщенко, Повзрослевший мальчик — Е. Горшков

как зонги, звучат на протяжении всего спектакля, придавая драме о судьбе человека ощущение невесомости во времени и пространстве (музыкальный руководитель спектакля заслуженный работник культуры РФ Тамара Пикулева).

Воронка на месте соколовской хатенки, погибшая семья, гибель сына — с каждым ударом его плечи все больше сутулятся, взгляд становится все более угрюмым. Он как будто становится еще меньшей песчинкой в вихре войны. Оживает Андрей Соколов неожиданно для себя, когда понимает, как нужен беспризорному мальчишке отец, и принимает решение стать им для него. Роль мальчика Вани исполняют дети актеров — Артур Султанбеков и Влад Тыщенко. Ребятам пришлось окунуться в серьезную тему спектакля.

Ваня — образ, соединяющий поколения. Потому для режиссера было важно добавить в спектакль повзрослевшего Ваню. Он появляется с самого начала спектакля (Евгений Горшков), вспоми-

ная историю своего детства и уже по-иному воспринимая судьбу отца, который был так ему нужен.

Это чувство нужности своей семье берегло Соколова в бою, спасало в плену, грело душу все годы войны. Его слова о том, как важно, что тебя ждут, и что нужен ты, именно ты, из уст простого солдата, открывшего для себя эту истину, проникают в сердце, как самое важное и сокровенное в жизни.

В спектакле затрагиваются и женские судьбы, искаленные войной. Девушки в поле (Александра Бражникова, Ольга Быкова, Софья Дибеева, Дарья Ерещенко, Дарья Катричева, Анна Лиходеева, Марина Лука, Анастасия Павлова, Наталья Свиридова) поют, работают, вспоминают своих мужей, радуются письмам и мечтают о том, что будет после войны. И эти простые мечты о батоне хлеба, о танцах до утра и поцелуях становятся дороже золота и бриллиантов, которые меркнут перед силой желания и воли хрупких

«Судьба человека». Сцена из спектакля

женщин, ставших надежным тылом для бойцов на передовой. Их мужья грубоватые, не романтики... Но надежда страны была на них, и они выстояли, победили.

Шолоховская реальность порой обезоруживает своей прямоотой, без пафоса и прикрас. Чувства тоски по своей жене Ирине (Юлия Каштанова и Алсу Шамсутдинова), сожаление о том, что оттолкнул ее при прощании, до конца остаются с Соколовым. В финале спектакля режиссер дописывает сцену ухода героя к своим «дорогим покойникам». Ирина, а через трещину — Андрей. Пристальный взгляд, полный слез любви и прощения. Не нужны слова, он перепрыгнул ту самую трещину, прижал к себе Ирину и больше не отпустил от себя. Эта почти бессловесная история любви легкой дымкой витала по спектаклю и завершилась с уходом героя.

Соколов современными зрителями уже воспринимается как почти ушедшее

поколение. Выросло новое — не менее героическое, благодаря вот таким нашим отцам, дедам и прадедам, сумевшим не предать себя и Родину. Сегодня особенным смыслом наполняются слова повзрослевшего Вани в финале спектакля: «И хотелось бы думать, что этот русский человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его родина».

В финале спектакля по сценографии и лицам артистов плывут ввысь строчки имен погибших в годы Великой Отечественной войны солдат, памяти которых и посвящен спектакль.

Мария РЯБЦЕВА

Фото предоставлены театром

СТАВРОПОЛЬ. Чужая среди своих

В Ставропольском академическом театре драмы имени М.Ю. Лермонтова в преддверии 80-летнего юбилея Великой Победы состоялась премьера спектакля «Барабанщица» по пьесе Афанасия Салынского.

Одна из ранних пьес драматурга посвящена событиям Великой Отечественной войны. Исследователи творчества Афанасия Салынского считают, что все его произведения военной тематики основаны на реальных событиях. Это неудивительно, поскольку Афанасий Дмитриевич в годы Великой Отечественной был журналистом, служил в редакции красноармейской газеты, публиковался в целом ряде фронтовых изданий. Профессиональный опыт и «насмотренность» помогли ему впоследствии создавать сценарии для документальных фильмов и писать правдивые пьесы.

«Барабанщица» вышла из-под пера драматурга в 1958 году. В то время были еще молоды многие участники Великой Отечественной войны, свидетели событий тех лет. Не самая сложная по количеству персонажей и переплетению сюжетных линий история буквально сразу заинтересовала режиссеров. Однако и спустя почти семь десятков лет, пьесу продолжают ставить. Сегодняшние зрители на время спектакля погружаются в реалии жизни обитателей советского городка, освобожденного от оккупантов в 1943 году.

Режиссер-постановщик спектакля «Барабанщица», премьера которого состоялась в Ставропольском театре драмы в начале мая, — народная артистка РФ Наталья Зубкова. В актерском ансамбле представлены практически все поколения труппы. И что особенно ценно — задействованы учащиеся театральной сту-

«Барабанщица». Нила — Д. Сафонова, Федор — А. Сухарев

Фотограф Круглик — Е. Задорожный

дии. По признанию режиссера-постановщика, в репетиционный период с ними много говорили о том, что во время войны как никогда ярко проявляются внутренние качества человека, его истинная сущность. И то, что в мирное время можно списать на особенности характера и жизненные обстоятельства, в годы испытаний для своей страны не может служить оправданием.

Персонажи пьесы — обитатели полуразрушенного бомбежкой дома. Они представляют собой своего рода срез общества военной поры. Здесь живет девушка Нила Снежко (Дарья Сафонова), которую соседи презрительно называют «немецкой овчаркой» за то, что она во время оккупации служила переводчицей в гестапо. Девушка ведет себя порой нарочито вызывающе. *«Вы все время стараетесь казаться хуже самой себя»*, — говорит демобилизованный по ранению летчик, прямой и бесхитростный Федор Абрамов (Олег Хомутов).

У некоторых окружающих Нила действительно вызывает открытую неприязнь. А у таких, как соседка, которой автор дал говорящую фамилию — Тузикова (Ясения Фалина), помимо этого и неприкрытую зависть. Еще бы, Нила одевается не так, как все, и даже обязанности дворника выполняет исключительно в туфельках на каблуках. Ясения Фалина создала в спектакле образ молодой невежественной женщины, обладающей одновременно чертами внешней привлекательности и целым букетом негативных проявлений человеческой натуры. Поистине Шариковы-Тузиковы неистребимы...

Другая соседка Нилы — Зоя Парамонова (Ольга Писаренко) работает на военном заводе сварщицей. Она буквально падает с ног от усталости после каждой смены. Зоя олицетворяет подвиг женщин, трудившихся в тылу во время войны. Она ремонтирует танки и ждет весточки от мужа — танкиста Алексея. По одной только фразе можно понять, какое большое чув-

Эдик — Е. Парашуков, Сашка — А. Трофимов

кое сердце у Зои: «Ой, как больно смотреть на танки раненные... И людей, и железо калечит война». Зоя не присоединяется к тем, кто осуждает Нилу. Она видит много больше других и делает свои выводы: «Прямо странная какая-то, из двух половинок сваренная. А шва не видать».

Нила действительно живет двойной жизнью, и вся ее напускная легкомысленность необходима для того, чтобы врагам не стало известно, кто она на самом деле. И только товарищу Митрофанову (Владимир Петренко) она может откровенно признаться: «Лучше несколько лет пробыть среди врагов, чем хотя бы один день быть врагом среди своих».

Воспоминания Нилы Снежко и внутренние монологи героини сопровождаются появлением образов из ее прошлого: Марты Шредер (Марина Мальцева), сержанта Кульнева и его солдат (Егор Мисетов, Дмитрий Анохин, Константин Ржевский, Денис Фефилов). Особая выразительность этих коротких мизансцен в спекта-

кле достигается во многом благодаря световому оформлению (художник по свету — Константин Хоменко). Свет добавляет реалистичности декорациям (художник-постановщик — Валерий Мелешенков). Одновременно взгляд на стены полуразрушенного здания в спектакле вызывает ощущение опасности, которая не миновала с уходом оккупантов из города.

Нила готова к тому, что угрозу для нее может представлять кто угодно, даже соседский мальчишка Сашка (Артемий Трофимов), он может бросить в нее не только обломок кирпича, но и боевую гранату. При этом его приятель Эдик (Егор Парашуков) не склонен верить слухам и оценивает Нилу по ее поступкам, которые никак не сочетаются с ее дурной славой. Он сам не понимает до конца, почему так хочется доверять этой девушке, которая любит песню про юного барабанщика.

Опасность представляет не только замаскировавшийся немецкий шпион Мика Ставинский (Александр Кошелев-

Мария Игнатьевна — Л. Гольдман, Зоя Парамонова — О. Писаренко

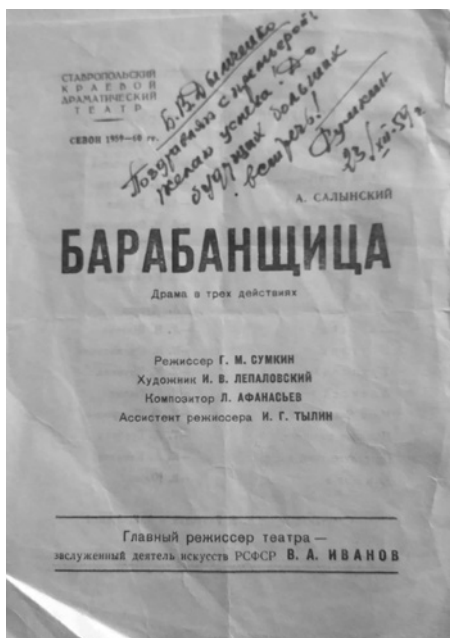
ский), но и, казалось бы, «свои» — простые советские граждане. Фотограф Круглик (Евгений Задорожный) с «приторными» манерами, как будто и не враг, однако он, как теперь говорится, «делает бизнес» на шантаже и вымогательстве. А подозрительность и черствость архитектора Чуфарова (Георгий Серебрянский) приводит к настоящей трагедии...

Созданная как героическая драма «Барабанщица» Афанасия Салынского в постановке Ставропольского академического театра, сегодня не воспринимается как устаревший материал советской поры. Автор, помимо всего прочего, заложил в свое произведение значительную романтическую составляющую. «Барабанщицу» можно в целом воспринимать как пьесу о любви. И не только о любви к своей Родине.

В спектакле показано, как развиваются отношения Нилы и Федора, как любовь, возникшая с первого взгляда, преодолевает препятствия и помогает героям сре-

ди военного лихолетья, хоть на короткий миг, обрести свое счастье. Зрители видят и пример материнской любви. Когда военврач Мария Игнатьевна (Ладда Гольдман) неожиданно встречает сына Федора. За два с лишним года войны она видела много смертей и боли, научилась не расслабляться, не подавать виду, что страшно. В этой мизансцене актриса без слов сумела передать чувства матери, над которыми не властны ни время, ни военные испытания.

Зрителей тронул эпизод, в котором к Зое приехал ее муж танкист Алёша (Александр Сухарев). Эта сцена воспринимается как живая иллюстрация к стихотворению Константина Симонова «Жди меня». Зоя так преданно ждала хотя бы весточки от мужа. Для нее даже сон о нем был в радость. И становится еще понятнее, почему Зоя с такой самоотдачей работала на заводе: она наверняка думала о том, для кого ремонтирует очередной танк. И в мыслях ее был Алёша.

Программа спектакля «Барabanщица» 1959 года

Сцена из спектакля «Барabanщица» 1959 года.
Федор — Б. Дымченко, Тузикова — К. Крупина

У каждого персонажа есть своя история, которая почти безошибочно угадывается по диалогам и отдельным фразам. Есть она и у интеллигентного профессора (Владимир Лепа), что проводит время за чтением книг, и у пожилой соседки с другого этажа (Людмила Дюженова), которая больше с сочувствием, чем с осуждением относится к Ниле.

Интересно, что в Ставропольском краевом драматическом театре пьеса «Барabanщица» уже шла. Впервые она была поставлена в 1959 году режиссером Григорием Сумкиным. Главную роль в спектакле тогда исполнила актриса Алла Бокова. Постановка имела огромный успех у местной публики. В течение двух сезонов она была показана с аншлагом 157 раз. На одном из этих спектаклей, совсем юной школьницей, побывала заместитель председателя Ставропольского отделения Союза театральных деятелей РФ Любовь Заводнова. По словам Любови Николаевны, это была очень яркая по-

становка. Вместе с Аллой Боковой в спектакле были заняты ведущие актеры труппы: Борис Дымченко, Зоя Каткова, Лидия Барташова, Алексей Бочков и другие артисты, пережившие войну.

Примечательно, что накануне нынешней майской премьеры «Барabanщицы», дочь актрисы театра драмы Зинаиды Котельниковой — Варвара Сергеевна передала фото и программку сезона 1959–1960 годов для архива СО СТРФ. На программке — личный автограф режиссера Григория Сумкина с пожеланием успехов актеру Борис Дымченко, сыгравшему в «Барabanщице» роль Федора.

Вот и выходит: если пьеса возвращается в театр, значит, это зачем-то нужно. Значит, история совершила очередной виток, и пришло время оглянуться в прошлое, чтобы увидеть в образах ушедших дней черты своих современников.

Ольга МЕТЕЛКИНА

Фото Екатерины ГОРБУНОВОЙ

ТОМСК. Негромкая история о войне

В Томском театре куклы и актера «Скоморох» состоялась премьера спектакля по пьесе Елены Радченко «До войны мы жили в Ленинграде».

Этот спектакль стал продолжением читки, прошедшей в прошлом году и приуроченной к очередной годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Предполагалась всего пара показов, но пьеса петербургского драматурга Елены Радченко «До войны мы жили в Ленинграде» — негромкая история о войне, пронзительная и щемящая, а также реакция зрительного зала распорядились по-своему: из читки решено было сделать полноценный спектакль. Его премьера, посвященная 80-летию Победы, состоялась в конце февраля нынешнего года.

Камерная история построена на реальных событиях. В поселке Бугры Ленинградской области, где живет драматург, во время Великой Отечественной войны располагался женский радиодивизион. В течение ноября-декабря 1941 года дивизион практически полностью вскрыл всю группировку войск противника на Ленинградском фронте. Многие из его состава остались живы и именно им, их последним дням и несбывшимся мечтам, автор посвятила свое произведение.

Женщина на войне — особая тема. Она о том, что самое ценное на земле — человеческая жизнь, ее продолжение в детях, внуках, правнуках... И нет страшнее преступления — прервать эту цепочку, лишить женщину ее главно-

«До войны мы жили в Ленинграде». Старшина Надежда Панина — Н. Павленко

«До войны мы жили в Ленинграде». Сцена из спектакля

го предназначения. Спектакль Сергея Макарова, актера «Скомороха», уже имеющего опыт нескольких театральных постановок, привлекает искренностью и отсутствием пафоса. Занятые в спектакле актрисы Наталья Павленко (старшина Надежда Панина), Ольга Ботева (Рая Чурова), Олеся Орлова, Виктория Баленко (Саша Соколова) и Анастасия Шульц (Валя Липовка) максимально естественны: играют без грима, говорят вполголоса, избегают патетики и героизации. И тем пронзительнее сочетание хрупкости и силы в них — таких обыкновенных и необыкновенных одновременно! Война безжалостно разделила их судьбы на «до» и «после». До войны — жизнь, с ее радостями и бедами, значительными и незначительны-

ми событиями, с началом войны — лишь воспоминания о жизни.

Несмотря на ряд вполне конкретных, «осязаемых» предметов — фюзеляжа полуразбитого самолета на авансцене, раций, плащ-палаток, накинутых на плечи девушек — сценография спектакля (художник-постановщик Кирилл Дейкун, видеографы Александра Ёлкина и Евгений Деменко) максимально условна. Ограниченное пространство «землянки», где разворачивается основное действие, благодаря воспоминаниям героинь и экрану, материализующему эти воспоминания в виде почеркушек и рисунков в школьных тетрадках, постоянно расширяется, переносится то на улицы довоенного Ленинграда, то в кабину самолета, то — в вечность.

«До войны мы жили в Ленинграде». Сцена из спектакля

Война с ее неотвратимостью подступает к героиням и зрителям постепенно, нанося удар за ударом. Вот вбегают через зрительный зал в «землянку» радостные, смеющиеся Саша Соколова и Валя Липовка, взхлеб рассказывая своему командиру Надежде Паниной, как весело было на празднике в соседнем подразделении (действие происходит в канун нового, 1942-го). Вот они с детской непосредственностью рассматривают и обсуждают новогодние подарки от союзников. А Надежда, снисходительная к их молодости и ребячеству, с доброй улыбкой наблюдает за происходящим.

Сиюминутное счастье обрывается с появлением безучастной ко всему, окаменевшей Раи Чуровой и ее фразы, произнесенной почти шепотом, почти

без выражения: «Геоργия больше нет». Только что, находясь на дежурстве, девушка-радистка, по особому почерку на ключе узнает, что ее возлюбленный, тоже радист, обнаруженный врагами, согласно инструкции, должен уничтожить станцию и... себя.

После этой сцены Надежда наконец сообщает известие, которое пыталась отложить до утра: девушкам предстоит боевой вылет. Они меняются на глазах: становятся строже, взрослее, собраннее. Действие стремительно убыстряется, словно пытаясь втиснуть в себя до финала все события короткой жизни героинь. Им надо успеть выговориться, чтобы мы поняли, как они оказались на этой войне, что двигало ими. Ненависть к врагу? Долг перед Родиной? А, может быть, попыт-

«До войны мы жили в Ленинграде». Сцена из спектакля

ка защитить свою любовь? Свое право на счастье?

Провожая девчат на задание, с которого им уже не суждено вернуться, старшина Панина по-матерински заплетает им по две косички. Это символ перехода в другой статус, венчание с вечностью.

Надежда единственная остается в живых, пережив своих девчонок лет на двадцать. Но в живых ли? «Замуж не вышла. Перегорело во мне что-то там, внутри. Туфли-лодочки не смогла носить, завивку ни разу не делала. Назначена была директором школы. В мае шестьдесят пятого впервые отпраздновали всенародно День Победы. Не знаю, что еще вам рассказать. Как это объяснить... Девчонок таких, какими мы были тогда, нет и не будет больше

никогда...» — рассказывает она о себе в начале спектакля.

Война не лишила ее физической жизни, но прошла по женской судьбе. Испытывая чувство вины за погибших девчат, Надежда живет воспоминаниями, и душевное спокойствие обретает лишь в финале, присоединившись к своим подругам. Композиция закольцовывается. Теперь уже девчонки заплетают ей косы и по очереди произносят тот же самый текст, но теперь уже от третьего лица. Сцена заполняется густым белым светом, вознося героинь в мир без войны и боли.

Татьяна ЕРМОЛИЦКАЯ
Фото Сергея БАКАНОВА

УФА. С судьбой в согласии и единении

Светится в темноте большой циферблат часов, и стрелки их звучно отсчитывают секунды. В этот неумолимый ход времени вдруг врывается тонкая, словно девичий голосок, трель колокольчика. А на белом кисейном занавесе вьется и вьется хрупкая бабочка, словно осеняя своими легкими крыльями бrenную землю.

«Она была крохотным мотыльком, украсила жизнью жизнь...» — эти строки народный поэт Республики Башкортостан Мустай Карим написал после ухода в мир иной своей жены Раузы, своей музы, своей верной спутницы...

В уютном, полном доверительной атмосферы пространстве Камерной сце-

ны Государственного академического русского драматического театра Республики Башкортостан родилась настоящая ода любви и памяти — спектакль «Разлуки нет...».

Создатели посвятили его сразу двум памятным датам — 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и 105-летию со дня рождения поэта.

Спектакль этот соткан из удивительных, полных лирического звучания строк — он основан на дневниковых записях, личной переписке Мустафы Сафича и его супруги Раузы Суфьяновны, хранящихся в архиве семьи Каримовых и впервые переведенных на русский язык публицистом и драматургом Зухрой Буракаевой.

«Разлуки нет...» Сцена из спектакля

Автор сценической версии и режиссер-постановщик Ильсур Казакбаев бережно и аккуратно соединил в единое целое документальные тексты и отрывки из известных повестей, рассказов и стихов поэта.

Тончайший художественный образ создал заслуженный художник Республики Башкортостан Вячеслав Виданов, работавший и над известным спектаклем театра «Луна и листопад», поставленным незабвенным художественным руководителем Михаилом Рабиновичем по повести Мустая Карима «Помилование», и над художественным фильмом «Сестренка», в основу которого легла повесть Мустафы Сафича «Радость нашего дома», и прошлогодней кинопремьерой «Помилование».

... Раскрываются полы белоснежного занавеса и впускают зрителя в шатер жизни Мустая и Раузы. Словно созданные,

предназначенные друг для друга, сквозь время и расстояния пронесли они свою любовь — любовь, у которой нет возраста. Потому в спектакле их играют сразу три пары актеров, то органично сменяя друг друга, то ведя сценическое повествование одновременно.

Заслуженный артист Республики Башкортостан Антон Болдырев и актриса Дарья Толканева даруют нам встречу с героями юными, полными предчувствия радости бытия, когда от вдохновенных порывов рождаются первые строки стихов, но в светлое счастье врывается война. Народные артисты Республики Башкортостан Николай Рихтер и Айгуль Шакирова погружают в период зрелости: писательство становится трудом, порой мучительным, терзающим сомнениями душу, но в то же время

Мустай — Н. Рихтер, Рауза — А. Шакирова

Мустай — В. Малюшин, Рауза — Т. Макрушина

приносящим радость дружеского общения и встреч с большими мастерами — Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым, Константином Симоновым, Александром Твардовским, Михаилом Дудинным (к слову, ставшим одним из первых переводчиков стихов Мустая Карима на русский язык). В серебряную пору жизни героев мы переносимся благодаря заслуженному артисту Российской Федерации, народному артисту Республики Башкортостан Валерию Малюшину и народной артистке Республики Башкортостан Татьяне Макрушиной.

А еще неотъемлемой частью повествования становятся музыканты Нурзида Абизова (клавишные) и Арслан Умуразов (курай). Классические и народные мелодии вплетаются в ткань спектакля деликатно, как шепот, как разговор влюб-

ленных душ. Пластичский рисунок ролей, пронизанный мотивами национальных танцев, выстраивал с актерами балетмейстер Алексей Ермаков.

...Для Мустая Карима встреча с девушкой из дальней деревни была предсказана с рождения: брови взлетят — значит, по старинному поверью, за невестой далеко идти придется, говорил отец. И все три актера забавно морщат лбы, пытаясь в зеркале судьбы разглядеть на них запечатленные Всевышним письмена. Молодой Мустай всерьез старается; тот, что постарше, — с иронией, словно посмеиваясь над своей юношеской легковёрностью; а жизнь проживший — с благодарностью: хоть и не увидел тогда никаких букв, но ведь все правдой оказалось.

Общая книга судеб Мустая и Раузы стала писаться в новогодний вечер 1938 го-

«Разлуки нет...» Сцена из спектакля

да, когда они встретились в Уфе. Идут в кино... И на актерах в миг появляются меховые шапки, теплые мягкие шали и пуховые варежки на резинке — холодная была тогда зима. Юная пара проживает первое свидание, две другие ностальгически вспоминают прошлое.

А потом были следующие новогодние праздники. Год 1993. «Не отвергаю мир, но устал», — интонационно скупое читает Валерий Малюшин дневниковую запись. Но Рауза больна — Татьяна Макрушина нежно опирается на его руку — он ей нужен, как никогда.

Были в их жизни многочисленные разлуки, но всегда, при каждом расставании, «все мысли были только о ней». «Только о ней», — рефреном повторяют все мужчины. «Роза! Роза!» — в такт ее имени бьется сердце Мустая.

Были и семь дней счастья — свадебного путешествия в родную деревню Кляшево накануне ухода на фронт. И в этот момент наивысшего личного счастья и одновременно готовности исполнить священный долг в единое целое сливались в душе поэта любовь к Женщине и любовь к Родине. На плечи Антон Болдырев набрасывает шинель — становится солдатом. А вскоре и отцом! Но мужская радость от рождения сына Ильгиза сменяется пронзительным мотивом «Тонкой рябины» — нет писем с фронта... Хрупкая Рауза — Дарья Толканева на концерте в сельском клубе старательно выпевает строчки, не зная еще, что на мужа «черная бумага» пришла. Но как ни больно, ни страшно было принять известие о его смерти, еще больнее и страшнее было отнести ту самую похоронку, ошиб-

«Разлуки нет...» Сцена из спектакля

кой пришедшую в их дом, соседке — жене однофамильца, и с ней обняться, заплакать и допеть вместе горестную песню.

Сколько всего пришлось испытать на войне Мустаю Кариму, через какие горнило беды пройти!.. Был тяжело ранен — осколок немецкого снаряда пробил легкое, тяжело болел туберкулезом — оперировать долго никто не брался. Три актрисы, мужественно сдерживая слезы, читают письма. Но в них ни слова о главной, пожалуй, боли поэта, которая лишь в 1985 году выльется на страницы повести «Помилование»: именно ему, Мустаю Кариму, как Янтимеру Байназарову, главному герою его произведения, было поручено командовать расстрелом «дезертира» — молодого солдата, на боевой машине уехавшего на несколько ночных часов из воинской части в соседнюю деревню к близким. В жизни приказ был отдан другой ча-

сти, в повести писатель довел своего героя до трагического финала...

Раны Мустая лечила, как могла, Рауза. Во время войны услышала по радио народную песню «Бейеш» и дала себе слово спеть ее любимому на просторах родного края. Этот небольшой эпизод стал одним из самых трогательных моментов спектакля — Айгуль Шакирова с восторгом и горящими глазами рассказывает, как они решают подняться на высокую гору Бирге-тау, и в ее интонациях, кажется, слышится шум ветра, трепещущего на высоте и играющего ее легким белым платком. Мустай — Николай Рихтер почти неподвижно сидит: путь наверх дается герою нелегко, дыхание сбивается. Но вот раздается знаменитый напев — его негромко поет по-башкирски Татьяна Макрушина, выучившая непростой озон-кой — и герой, будто окрыленный, продолжает свое восхождение.

Мустай и Рауза Каримовы

Вот Рауза — Айгуль Шакирова легко и изящно стучит пальчиками по клавишам печатной машинки. «Папа диктует, мама печатает» — комментирует молодая актерская пара. Это уже из воспоминаний дочери Альфии, на премьере сидевшей в зале и не сводившей со сцены полных слез глаз.

Была на спектакле и еще одна героиня этой истории. Режиссер, театральный педагог, профессор Уфимского государственного института искусств имени Загира Исмагилова Фардуна Касимова. В молодости, окончив ГИТИС, работала актрисой в Нальчике. Именно она выхаживала Раузу-апай после страшной автокатастрофы под Эльбрусом, куда чета Каримовых отправилась на юбилей Алима Кешокова, — примчалась на помощь землякам, хоть и не была знакома с ними.

От первой встречи до последнего взгляда Мустафа Сафич и Рауза Суфьяновна пронесли через жизнь и приятие жизни со всеми ее испытаниями, перипетиями и судьбоносными моментами, и надежду, и взаимопонимание.

«...Она рассыпана по всей Вселенной, ее жизнь переплетена со Вселенной. Почему так решил? Что бы я ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни подумал, вижу перед собой ее, Раузу. Ее силуэт постоянно со мной, не покидает даже, когда я моргаю. Она светит солнцем, льется дождем, веет ветром, покачивается вдалеке голубым туманом...»

Для того, кто писал эти строки, и той, кому они были предназначены, — для двух любящих сердец — разлуки нет и быть не может!..

Елена ПОПОВА

ВЫШЛА КНИГА «АРТИСТЫ ПОБЕДЫ. ФРОНТОВЫЕ БРИГАДЫ ВТО»

Издательство «Артист. Режиссер. Театр» совместно с Центральной научной библиотекой СТД РФ выпустили книгу «Артисты Победы. Фронтовые бригады ВТО» — один из знаковых проектов Союза театральных деятелей России, приуроченных к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Эта книга — дань памяти участникам фронтовых бригад Всероссийского театрального общества (так в 1940-е годы назывался Союз театральных деятелей России). Способствуя подъему боевого духа красноармейцев, творческие коллективы вели активную концертную деятельность в частях действующей армии, в полной мере разделяя с бойцами все тяготы военного времени, а потому заслу-

женно могут считаться героями битвы за будущее — за нашу с вами жизнь.

Уже 3 июля 1941 года, в самые первые недели ВОВ, состоялось заседание Президиума ВТО, на котором было принято решение «направить всю деятельность ВТО на проведение мероприятий, связанных с обороной Родины».

Как отмечает во вступительном слове директор Центральной научной библиотеки СТД РФ Людмила Сидоренко, «ВТО во время войны организовало консультативную помощь театрам в подборе и подстановке пьес патриотического и антифашистского содержания, помощь концертным бригадам в выборе репертуара. На улице Горького, 16 (там тогда располагался московский Дом Актера)

стекались актеры, горевшие желанием внести свою посильную лепту в священное дело борьбы с врагом».

Книга «Артисты Победы» состоит из двух частей: мемуаров заместителя Председателя Дома Актера Владимира Филиппова о создании и работе фронтовых бригад ВТО, сохраненных Библиотекой СТД РФ, и документальной фронтовой летописи, собранной работниками архива Союза театральных деятелей России.

Исследование и разбор документов продолжается, поэтому руководством СТД РФ принято решение считать это издание стартовым в большом проекте изучения, описания и обнародования базы данных членов ВТО, принимавших участие не только в деятельности фронтовых бригад, но и в боевых действиях Красной Армии, а также партизанском движении.

Во вступительном слове Председатель СТД РФ Владимир Машков отметил, что пока жива память о Великой Победе, «мы едины, сильны и достойны звания народа-победителя»:

«Каждое слово в книге „Артисты победы“ — уникальное свидетельство, дань памяти тем, кто самоотверженно сражался за Родину и делал все для Победы. Уверен, что собранная воедино летопись работы фронтовых бригад и театров ВТО во время Великой Отечественной войны вдохновит на подвиги следующие поколения и послужит напоминанием, как важно преданно любить Отчизну и в любой момент быть готовым встать на ее защиту».

Пресс-служба СТД РФ

Фото из архива Центральной научной библиотеки СТД РФ

ПОДДЕРЖКА УЧАСТНИКОВ СВО И ВОВ

В Союзе театральных деятелей РФ продолжается работа по поддержке участников Специальной военной операции и участников Великой Отечественной войны.

В марте 2025 г. произведена единовременная выплата в размере 20 000 рублей участникам СВО, семьям участников СВО и вдовам участников СВО, всего 42 человека на сумму 840 000 рублей, произведена единовременная выплата в размере 20 000 рублей ветеранам и участникам ВОВ, а также узникам концлагерей, блокадникам и труженикам тыла, всего 104 человека на общую сумму 2 080 000 рублей.

В рамках выполнения плана мероприятий по Программе «Социальная поддержка деятелей культуры в 2025 году»:

выделена стипендия детям погибших участников СВО: двум детям из Старого Оскола Белгородской области перечислена денежная сумма в размере по 72 тысячи каждому ребенку, двое детей РСО-Алания из Владикавказа получили также по 72 тысячи рублей. Общая сумма составила 288 000 рублей; в связи с трудным материальным положением семей участников СВО в список включены семь человек, члены СТД РФ Орловского, Якутского, Мурманского отделений СТД РФ, отделений Республики Башкортостан, Республики Крым, Алтайского края. Размер материальной помощи составляет 50 000 рублей, общая сумма 350 000; с заявлениями по организации летнего отдыха и оздоровления обратились три семьи участников СВО.

ВЕСНА ПРИДЕТ БЕЗ НИХ

Борис Васильев, яркий представитель «лейтенантской прозы», из всего написанного им о Великой Отечественной особо выделял повесть «А зори здесь тихие» и романы «В списках не значился» и «Встречный бой». В них, по его собственным словам, он хотел показать три страшных лика войны — жесточайшее испытание, не предназначенное для женских плеч; подлинный героизм, когда даже в одиночку можно противостоять врагу; беспощадность смерти и бессмысленность потерь на полях сражений. «Когда эти три вещи

были уже написаны, меня стал мучить вопрос: а кто же они были — те, кто вынес эту войну на плечах? — размышлял Борис Львович. — Откуда они взялись, эти мальчишки и девчонки, максималисты, ушедшие на фронт со школьной парты? Так появилась повесть о предвоенной школе «Завтра была война...»

В 1941-м Васильеву и самому было семнадцать, когда он надел солдатскую шинель. Поэтому в повести о судьбах ребятах из 9-го «Б» накануне войны отражено глубоко личное, пережитое и навсегда запечатленное в памяти. До-

«Завтра была война». Сцена из спектакля

стоверный литературный текст, лишенный грубой плакатности, уже через год после публикации в журнале «Юность» шагнул на сцену Театра имени Вл. Маяковского. В 1985-м Андрей Гончаров поставил с выпускниками своего курса спектакль «Завтра была война», первым рассказав зрителю эту простую и одновременно страшную историю. А дальше — в разное время и в разных театрах страны, не всегда ориентируясь только на юбилейные даты, режиссеры обращались и продолжают обращаться к произведению Бориса Васильева, пытаются найти собственные трактовки, обостряя ту или иную грань повествования. Действительно, небольшое по объему,

оно сконцентрировало сразу несколько ключевых тем: драма молодых людей на пороге войны, конфликт поколений, трагедия политических репрессий.

Спектакль Ирины Керученко «Завтра была война», выступившей также и автором инсценировки, идет на Экспериментальной сцене Центрального академического театра Российской Армии. В своей новой работе режиссер-постановщик размышляет о человечности как умении жертвовать собой во имя другого, об истинном патриотизме без громких лозунгов и нравственном выборе, перед которым может оказаться каждый. И неважно, в какое время это происходит. Ирина

«Завтра была война». Сцена из спектакля

Товарищ Полякова — А. Киреева, Директор школы — Ю. Сазонов

Керученко убеждена: повесть Бориса Васильева дает точные определения главным нравственным понятиям, которые и восемьдесят лет назад помогли нашему народу выстоять в Великой Отечественной войне, и сегодня продолжают удерживать равновесие в обществе. Поэтому она по-прежнему остается важным дидактическим материалом для школьных учителей, ведь они во многом несут ответственность за воспитание нового поколения.

Спектакль «Завтра была война» начался с эскиза, сочиненного на лаборатории молодой режиссуры «Фронтальная проза», которую организовали в прошлом году к 100-летию со дня рождения сразу нескольких писателей-фрон-

товиков — Владимира Богомолова, Юрия Бондарева, Василя Быкова и Бориса Васильева. Работу Ирины Керученко признали одной из лучших и рекомендовали к постановке, ставшей в итоге одной из заметных премьер нынешнего сезона. Роли девятиклассников исполняют молодые актеры, только что окончившие вузы и поступившие в труппу Центрального академического театра Российской армии. Они наполняют действие чистотой и энергией юности с ее максимализмом, порывистостью и бесконечной верой в счастливое будущее.

Практически пустое пространство экспериментальной сцены с открытыми металлическими конструкциями и серыми стенами в этом спек-

такле приобретает метафорический подтекст. Здесь всё как на ладони, каждый может стать жертвой бездушной политической системы, но главное, никуда не деться от предчувствия грядущих, еще более грозных событий. Написанный крупными буквами боевой призыв «Мир отстояли — мир защитим» становится предзнаменованием тяжелых испытаний и неминуемых потерь. Под красными знаменами шагают на демонстрации девятиклассники — сияющие лица, общая неделимая радость от осознания того, что ты просто живешь в лучшей стране, учишься, приносишь пользу. Каждый мечтает о своем «завтра», которого уже не будет.

Автор сценографического решения Игорь Вахитов и художник по свету Никита Смоллов показывают приметы 1940-х пунктирно, но даже в нескольких штрихах отражается время. Оно замешано на жестком контрасте меж-

ду черным и белым, всеобщем порыве строить «наш, новый мир», тотальной подозрительности и страхе попасть в неблагонадежные. Не случайно за происходящим на сцене наблюдают первые лица государства — большие портреты Ленина, Сталина, Калинина. Даже если в какие-то моменты эти равнодушные «иконы» для всеобщего поклонения и примеры для подражания уходят в тень, от их всевидящего ока не укрыться.

И все же тема политических репрессий не становится в спектакле Ирины Керученко доминирующей. Скорее, режиссер стремится показать, как по-разному отражаются на людях негативные процессы в обществе. Одних безжалостная машина тоталитарного государства деформирует и лишает всего живого, как это происходит с Валентиной Андроновной (Наталья Курсевич). Другие, несмотря ни на что, продолжают верить в социалисти-

«Завтра была война». Сцена из спектакля

«Завтра была война». Сцена из спектакля

ческие идеалы и, каждый по-своему, стремятся защитить молодежь от несправедливости. Так поступает Директор школы (Юрий Сазонов), хотя рискует всем. Открыто встает на сторону учеников, когда они, несмотря на строгий запрет, провожают в последний путь Вику Люберецкую. Так поступает мать Искры Поляковой (Анна Киреева), когда, не раздумывая, поручается за своего товарища по партии Люберецкого (Алексей Захаров). Эта женщина, навсегда опаленная огнем революционной борьбы, сейчас живет со стиснутыми зубами, потому что буквально кожей чувствует несправедливость. За ее жесткими, отрывистыми высказываниями и стальным взглядом прячется естественный страх

матери за дочь, слишком честную и открытую для этой искаженной действительности.

В самом начале действия историю 9 «Б» рассказывает Саша Стамескин (Александр Макаров) — по сути, чужак для них, человек со стороны, проявивший себя не лучшим образом в истории с арестом отца Вики Люберецкой. Но именно он, в этот момент уже пришедший из другого времени, сам многое испытавший и переосмысливший, словно бы проявляет старую, утратившую четкость фотографию, наполняет прошлое звуками и красками.

Там все еще живы. Легкая как крыло бабочки Лена Бокова (Любовь Баленко) кружится в танце. Никогда не унывающий Паша Остапчук (Даниил

Лугин) хохмит и нарушает унылое течение урока, а строгая, всегда как натянутая струна Искра Полякова (Екатерина Шарыкина) неодобрительно хмурится. Всегда готов откликнуться на шутку друга Жорка Ландыс (Ярослав Бережнов), и даже тихоня Вовик Храмов (Артем Зеленин), вечный обитатель последней парты, не может удержаться от всеобщего веселья. Артем Шефер (Артемий Серегин) пытается скрыть первое робкое чувство, но не в силах отвести восхищенный взгляд от Зины (Екатерина Лютова) — солнечной девчонки, такой трогательной в своей наивности, старательно разыгрывающей роль похитительницы сердец. Даже Вику Люберецкую (Ксения Франк), несмотря на отстраненную сдержанность, в какой-то момент захватит общий порыв шагнуть навстречу завтрашнему дню. Все они станут единым целым и в радости, и в печали. Разделяя общую судьбу.

В достаточно условный рисунок спектакля художник Игорь Вахитов вписывает детально проработанные костюмы, подчеркивая не только дизайнерские особенности одежды той поры, но и характеры персонажей. Платья Вики Люберецкой изысканных фасонов контрастируют с простенькими блузками и юбками Искры Поляковой и Лены Боковой. Кокетливая вуалька на шляпке Зиночки говорит о пробуждающейся женственности. Нарочито элегантные наряды Валентины Андроновны напоминают футляр, превращают эту женщину в функцию, в существо без эмоций и возраста.

Так же подробно решена сцена в доме Люберецких, где Искра и Зина пьют чай с гостеприимными хозяевами. Они словно попадают в другое измерение, где многое удивляет и восхищает. Не только накрахмаленная скатерть и чашки из тонкого фарфора, но и разговоры о встречах отца Вики с

Маяковским, о поэзии Есенина, вовсе не упаднической, а наполненной красотой мира. Здесь все иначе — уважительный разговор взрослого мужчины с трепетными девочками, его искренний интерес к их суждениям и мечтам. Из-под желтого абажура разливается теплый свет, наполняя сидящих за столом чувством покоя и защищенности. И каким мертвенно холодным он покажется, когда этот дом покинет душа Вики. Ее одноклассники придут к Люберецкому, но не смогут найти слов утешения. Тягостное молчание, переживание общего горя позволят им впервые почувствовать жестокую и неприглядную сторону жизни. В своей искренности эти ребята одновременно беззащитны и сильны. Ведь в какой-то момент в глазах Валентины Андроновны мелькнет если и не раскаяние, но страх человека, вдруг осознавшего, что смерть Вики прежде всего на нее ляжет несмыслимым пятном.

Хрупкая юность перед лицом надвигающейся катастрофы и в повести «Завтра была война...», и в спектакле Ирины Керученко по-прежнему отзывается душевной болью, хотя от парней и девушек из 1941-го нас теперь отделяют многие десятилетия. И все так же пронзительны слова Бориса Васильева о своих давно ушедших сверстниках и сегодняшнем поколении: «Я стал седым, и мне порой уступают место в общественном транспорте. Уступают юноши и девушки, очень похожие на вас, ребята. И тогда я думаю, что не дай им Бог повторить вашу судьбу. А если это все же случится, то дай им Бог стать такими же».

Елена ГЛЕБОВА

Фото предоставлены пресс-службой театра

ВЕРИТЬ И ЖДАТЬ

В преддверии 80-летия Великой Победы в Московском драматическом театре «Сфера» состоялась премьера трагической повести «Эшелон», поставленной по одноименной пьесе Михаила Рощина народным артистом России Александром Коршуновым.

Тема Великой Отечественной войны популярна у театральных и кинорежиссеров, но все реже и реже встречаются постановки, в которых по-настоящему и достоверно передана трагедия поколения, на долю которого выпало самое страшное испытание — война. Потому что можно точно передать только то, что пережил и испытал сам.

Уже не раз слышала из уст молодежи, мол, зачем снимать фильмы «о той войне», ведь столько уже снято до этого и теми, кто прошел это горнило. С одной стороны, я с ними согласна. Снять что-то сильнее в ху-

дожественном плане и более правдивое, чем, например, фильм «Они сражались за Родину», вряд ли кому-то удастся. Но, с другой стороны, молодежь советские фильмы не смотрит (спектакли тем более), а рассказывать им о тех событиях просто необходимо. Другое дело, в какой форме.

Александр Коршунов знает, как об этом рассказать. И выбирает пьесу «тихую». Режиссер своим художественным выразительным языком вместе со сценографом Ольгой Коршуновой и актерами рассказывает историю о тех, кто в полной мере разделил все тяготы военного лихолетья, хотя и не был на передовой, — о женщинах. О матерях, женах, сестрах тех, кто с оружием в руках защищал свою Родину.

Спектакль начинается со слов Михаила Рощина, которые «за кадром» произносит сам режиссер: «Я посвящаю эту по-

«Эшелон». Сцена из спектакля

Галина Дмитриевна — А. Чичкова

Есенюк — П. Гребенников, Тамара — Е. Тонгур

Саввишина — Л. Корюшкина

весть своей матери, потому что речь здесь пойдет о войне, но не о сражениях и боях, не о героях-воинах, кому и положено быть мужественными и стойкими, а о тех, кто выжил и выстоял, когда, казалось бы, нельзя было ни выжить, ни выстоять. Наши матери были простые женщины, самые простые, слабые женщины — те, кого принято называть простыми, слабыми женщинами. И даже если каждый день, словно молитву, мы будем повторять слова благодарности за то, что мы живы, за то, что мы есть — такие, как мы есть, — что мы сидим все вместе сегодня в тепле и уюте театра, и тогда не уменьшится, и не истончится перед ними наш долг». Повесть автобиографическая: Михаил Ро-

щин сам ехал в эвакуацию в том вагоне и посвятил это произведение своей матери.

На сцене — «скелет» вагона-теплушки, в котором волею судьбы собраны женщины и дети разного возраста, разного образования и социального положения. И им нужно находить общий язык, решать конфликтные ситуации, которые практически ежеминутно возникают в замкнутом пространстве, в полной изоляции от внешнего мира, когда не знаешь, что происходит на фронте, не знаешь, сколько тебе еще ехать и доедешь ли вообще... На сцене не громоздкий железнодорожный товарный вагон, в котором сотрудники завода сопровождают нужное фронту оборудование и одновременно спасают своих детей, а только его железный остов. Но прозрачность стен удивительным образом передает и духоту физическую, и накал эмоциональный. Вагон, в котором теснятся женщины и дети, живет своей, в принципе, уже налаженной бытовой жизнью, потому что едут не первую неделю, стараются придерживаться определенных правил. И все же каждую минуту возникают конфликты, потому что все на пределе сил, но и смешные ситуации тоже случаются. Одним словом, жизнь как она есть.

Спектакль Александра Коршунова о том, что в любой жизненной ситуации нужно уметь остаться человеком, найти в себе силы перенести страшные трагедии и потери и продолжить жить. Спектакль о силе духа Женщины, которая умеет ждать, верить, находить нужные и важные слова и сохранять жизнь даже силой своей молитвы.

В «Эшелоне» занято больше 30 актеров, несколько очень юных (по пьесе в поезде едут и маленькие дети). И это тот редкий случай, когда выделить кого-то из актерского ансамбля будет несправедливо по отношению к другим. Здесь, по сути, нет главных и второстепенных ролей. Да, есть роли больше, есть меньше, но все вместе — это одна цельная картина, в которой каждый штрих имеет очень важное значение, и без него картина будет неполной.

Каждая героиня со своим характером, каждая справляется с жизненными испыта-

«Эшелон». Сцена из спектакля

ниями по-своему. Галина Дмитриевна спасается книгами, Лавра пьет, беременная Тамара «отвлекается» постоянной ревностью (и эти сцены приносят юмористический штрих), Катя в буквальном смысле потихоньку сходит с ума от неведения, где ее муж и что с ним, а Маше удастся в любой конфликтной ситуации приводить всех в чувство (где только она сама берет силы?). Лена с грудным младенцем, пожалуй, единственная, кто не проходит испытания вынужденного затворничества в рамках вагона... И даже в этой обстановке жизнь берет свое — молодые люди умудряются находить друг друга, влюбляться и страдать.

В спектакле заняты представители всех поколений театра: Александр Коршунов (Голос от автора), Владислава Самохина (Катя), Александра Чичкова (Галина Дмитриевна), Евгения Казарина (Маша), Екатерина Богданова (Лавра), Екатерина Ишимцева (Нина), Ирина Сидорова (Старуха), Виктория Скляниченкова (Лена), Екатерина Тонгур (Тамара), Людмила Корюшкина (Саввишна), Павел Гребен-

ников (Есенюк), Нелли Шмелёва (Ива), Михаил Никитин (Федор Карлыч, врач), Александр Филатов (Глухонемой), Илья Ковалёв (Лейтенант), а также молодые актеры и дети актеров.

Особенную трогательность придает спектаклю музыка Георгия Свиридова и песни довоенных лет, под которые на короткой остановке герои позволяют себе «забыться» и почувствовать себя счастливыми. Документальность придают кадры кинохроники. Спектакль, несмотря на то, что рассказывает очень трагическую историю, все же несет в себе тепло и надежду. В нем нашлось место и душевности человеческой, и любви. Он согревает верой в то, что все будет хорошо, что найдутся силы все пережить и стать счастливыми.

Это спектакль-память о тех, благодаря кому есть мы. И эта память нужна, в первую очередь, нам, живым.

Ассоль ОВСЯННИКОВА-МЕЛЕНТЬЕВА
Фото Полины КОРОЛЁВОЙ
предоставлены театром

ПОМНИМ ...

Александра Яблочкина

«... Когда наступило это тяжелое испытание для всех граждан социалистического отечества, ВТО не спряталось, не ушло в тишину кабинетных занятий. Обслуживание фронта стало одной из самых главных задач Общества. Было создано пять фронтовых театров, литературно-вокальная бригада для выступления в госпиталях и шесть бригад инструкторов для самостоятельности. Я горжусь тем, что ВТО было первым в этом прекрасном начинании: фронтовые театры вывозили на фронт не отдельные сцены, а целые спектакли и играли зачастую перед самым началом боя.

На одном из пленумов ВТО рассказывали о таком случае, который должен быть назван историческим. После одного фронтового спектакля командир артиллеристов командовал во время боя так: «За русскую литературу — огонь! За русский театр — огонь!»

Рассказывали и другой, еще более поразительный случай. Двадцать часов ехал театр на грузовике, чтобы добраться в воинскую часть. Двадцать часов артисты не спали, не ели, не умывались. И, прибыв на место, почувствовали крайнюю степень усталости. А командир части сказал им. «Мы просили бы вас выступить сейчас же, без перерыва. Я знаю, что уже двенадцать часов ночи. Но спектакль ваш будет смотреть человек, которого мы сегодня же перевернем в тыл противника: он взорвет один объект и едва ли останется жив. Этот лейтенант будет единственным зрителем на вашем представлении».

Без тени колебания ответили все дружным согласием. Сделали все нужные приготовления к спектаклю и начался этот необычайный спектакль для героя. Он прошел с воодушевлением и подъемом. Лейтенант просмотрел его, пожал всем

руки, поблагодарил и уехал. С задания он не вернулся. Надо ли говорить о том, что навсегда запечатлелся этот эпизод в душах артистов, сыгравших этот лучший в их жизни спектакль».

Андрей Гончаров

«В июне 41-го ГИТИС был похож на кипящий котел. На следующий же день после объявления войны началось формирование Коммунистического батальона Красной Пресни. Гитисовцы устремились туда. Каждый из нас был убежден, что все это — на две-три недели. А затем наступит победа. Мы пели тогда песню «Уходили комсомольцы на последнюю войну». Мы были убеждены, что она — последняя.

Вспоминая эти дни, часто ловлю себя на мысли, что всё это было не со мной. После 22 июня я ходил по улицам и не узнавал их. Всё преобразилось в моем сознании. На первый призыв откликнулись те, от кого этого меньше всего могли ожидать. И наоборот, те, кто, казалось, были полны боевого духа, остались в тылу...

Из ГИТИСа вместе со мной в батальон попали Толя Погорельский, Миша Гельман, Петя Громцев, Петя Федотов и Валя Невзоров. Никто ничего не умел. Я был в наиболее выгодном положении — занимался альпинизмом, ходил в школу ворошиловских всадников... Через три дня от тысячи человек Коммунистического батальона Красной Пресни осталось чуть больше ста. Позже стало известно, что немцам была дана команда «стрелять по синим порткам». Видимо, узнали, что прибыли необстрелянные юнцы.

Оказавшись во взводе конной разведки, я получаю первое задание — доставить донесение. Сроки кратчайшие, аллюр «три креста». По дороге я пережил то, что видел только в кино: за

мной одним гонялся с леденящим душу воем вражеский самолет. Пару раз я укрывался в кювете. Задание было выполнено, но в конце концов я загнал свою несчастную кобылу по имени Лилька... Всё же я дошел до своей части. И уже не застал никого, кроме Толи Погорельского. Нас осталось четверо, я — за старшего.

Наш взвод, который выполнял функции разведки, влился в 4-й кавалерийский казачий корпус. Мы ходили по тылам, участвовали в боях, отступали к Истре и наступали к Ельне: это и была битва под Москвой. В одном из боев меня ранило дважды, и Толя Погорельский вынес меня с поля боя на себе. Вскоре убили и Толю. А меня, контуженного и раненого, отправили в госпиталь. Наташа Качуевская выхаживала меня теперь, вернувшегося с фронта. Потом не стало и ее».

Зоя Зелинская

«Конечно, из всей истории моего детства главным потрясением стала Колыма. Для нас с мамой она началась во Владивостоке... Мы выехали из Москвы ровно за десять дней до начала Великой Отечественной войны. Поезд шел десять дней, и мы оказались в этом городе 22 июня 1941 года. Осознать сообщение о том, что началась война, было невозможно! Из Владивостока до Колымы, до Магадана, нужно было плыть на пароходе не менее четырех дней, но ночью по радио объявили, что женщины с детьми, которые едут по вызову мужей (отец З. Зелинской был послан на строительство дороги Магадан-Якутия — *ред.*), билетов на пароход не получают, потому что часть пассажиров, которые ехали вольнонаемными по вызову Дальстроя, должны прибыть к месту назначения первыми. Началась паника... Никогда не забуду эту ночь!.. По радио марши, а вокруг слезы, отчаяние. Наустро сообщение: «Пароход «Феликс Дзержинский» на рейде, в порт

не войдет. Япония не пропустит советские суда»... Страшно было от безысходности. Помогли друзья папы: погрузили нас с мамой на баржу, которая ночью шла к пароходу, и мы без билетов почти чудом оказались в трюме огромного четырехпалубного парохода «Феликс Дзержинский».

В сентябре папа отвез меня в школу-интернат, где главным был военрук. В семь часов утра всех выгоняли на зарядку, было очень холодно, но дети были хорошие, а дисциплина железная. В субботу меня забирали домой, я ехала в кабине грузовика с подогревом...

Летом все работали «на войну», все промывали золото. Дети работали на золоте и в теплицах на прополке овощей... Папу, слава богу, Дальстрой отозвал, дорога была построена, договорные условия выполнены.

Четыре года я не была в Москве, и вот мы на вокзальной площади. Сердце колотилось, даже в висках стучало!»

Галина Полтавская и Наталия Пашкина

В книге Г. Полтавской и Н. Пашкиной «Валентин Плучек, или В поисках утраченного оптимизма» содержатся воспоминания о том, как протекал последний перед войной сезон знаменитой «Арбузовской студии» и военные годы Полярного театра, которым был отправлен руководить Валентин Плучек.

С разрешения авторов мы публикуем эти воспоминания с сокращениями.

«Сезон 1940–1941-х годов складывался на редкость успешно и счастливо. Но наступил июнь. Война перечеркнула все наши планы, перевернула все судьбы, оборвала жизни многих... Многие наши студийцы стали воинами — Сева Багрицкий, Зиновий Гердт, Исай Кузнецов, Максим Селескириди (Греков) и другие. Почти весь мужской состав студии и несколько девушек ушли на фронт... А пока студия, поставившая себе задачу стать фронтовым теа-

тром, оказывается перед необходимостью срочно пополнить мужской состав... Но 17 октября 1941 года в Москве начинается паника. Немцы вплотную подходят к столице... Чистополь, Чирчик под Ташкентом до ноября 1942 года становятся адреса студии, пока не наступает день отправки на Северный флот... В Мурманске перед отправкой в Полярный группа студийцев останавливается на ночь в гостинице, которая, как потом выяснилось, через полчаса после отъезда артистов, была разбомблена дотла.

Работу на сцене Плучек начал со спектаклей на военную тему, но после первых двух постановок матросы начали уходить со спектаклей: «Ребята, в чем дело? Почему вы уходите?» И в ответ прозвучало: «Да пошли вы. Мы только что сейчас задыхались в огне. А вы нам то же самое на сцене показываете». Тогда Плучек и объявил труппе: «Мы будем ставить другой репертуар».

«Прежде всего я задумал победить темноту, которая царила долгой полярной ночью и подавляла настроение людей, даже готовых к ней. Я решил, что надо полоснуть светом, цветом, огнями рамы, яркими костюмами, музыкой, юмором, хохотом в зале, поэтическим ощущением жизни — словом, всем, что может подарить человеку искусство даже в самые тяжелые времена».

В репертуаре театра появились «Давным-давно» А. Гладкова, «Слуга двух господ» Гольдони, «Собака на сене» Лопе де Веги. В 1944 году огромный интерес и живые отклики вызвал спектакль «Офицер флота» А. Крона, написанный специально для Театра Северного флота. В историю театра и всего Русского Севера вошла последняя постановка Валентина Плучека на этих подмостках — «Белое море» о молодом Петре Первом и рождении Русского флота. Пьесу эту специально для Театра Северного флота написал Юрий Герман, который в годы войны служил военкором на Северном флоте».

Юрий Любимов

«Мы попали в разбитый Сталинград. Это была библейская картина. Ночью мы в составе подползли поездом, и вот эта панорама разбитого города, танки — прямо в стену врубленные и оставленные. И она врезалась в глаза. Луна светила — и этот весь разрушенный город, выл ветер, и все пробоины бесчисленные: в крышах, в трубах дождевых — они свистели от ветра, получался дьявольский орган какой-то, необыкновенной мощи. Свистел ветер, уже было холодно, по-моему, даже снег. «Мело, мело по всей земле, во все пределы». Потом мы куда-то дальше ползли...»

Артиста Ю. Любимова перевели в армейский эстрадный Центральный ансамбль НКВД. В нем ставили программы режиссер Рубен Симонов и хореограф Асаф Мессерер, выступления оформлял художник Петр Вильямс. В составе этого ансамбля Любимов и попал на войну.

Алисе Фрейндлих в 1941 году было всего семь лет. Когда началась война, она пошла в первый класс в Ленинграде, а когда город попал в блокаду, осталась там. Алиса Бруновна в нескольких интервью рассказывала о том, что выжить в блокаду семье помог жесткий режим, который придумала бабушка. Зимой 1941/42 года в квартиру попал снаряд. Детей согревали остатками специй: «Бабушка выдавала нам понемножку то несколько гвоздичек, то щепотку лимонной кислоты, то корицы, чтобы бросить в кипяток, и получался чай. На столе постоянно стоял горячий самовар — это было экономно, потому что не требовало горючего: в самовар засыпали угли из буржуйки. И вот мы все время пили чай. Еще у бабушки была горчица. Роскошь! С ней казался вкусным даже студень из столярного клея, который тогда все в Ленинграде варили. А когда кончилось все, то ба-

бушка давала нам соду, мы бросали ее в кипяток, и получалась шипучка».

Иннокентий Смоктуновский

«... В живых после той ночи остались девять человек; не задетых, не раненых — и того меньше, единицы. Я — один из них. Однако я не делал ничего такого, чего не делали бы все остальные: здесь упасть, отползти, пригнуться, встать за укрытие, переждать секунду артналета, лежа на дне воронки, нырнуть в канаву от летящей сверху бомбы — в общем, я делал все то, что делали все, каждый вокруг нормальный солдат, боец, человек. Других, поступавших иначе — не видел, не знал, за два года беспрерывной фронтовой жизни не встречал ни одного. Скажу больше — в силу юношеской бесшабашности, беспечности, легкомыслия или порою просто лени я и к этим обычным мерам предосторожности не прибегал — но вот ведь цел, тогда как порою справа, слева, близко, просто рядом бывало совсем другое. Так что же это? Случайность? Везение? Проследившая жизнь, иногда кажется: я «специально» (правда, это совсем не то слово) оставался какой-то силой или, если угодно, «Кем-то», для того чтобы в будущем создать моего Мышкина, Гамлета, Моисея Моисеевича в «Степи» Чехова, Циолковского, царя Федора, Войницкого в «Дяде Ване» и еще два — два с половиной десятка неплохих работ».

Из книги «Я ненавижу войну»

Игорь Ильинский

«Когда я ехал на фронт, то, по правде сказать, думал, что там не до артистов, и досадовал, что нас посылают туда, где мы будем в тягость, отнимая у бойцов пайки, транспорт и место для ночевки... Оказалось, я ошибался... Летчики и солдаты, возвратясь с боевых заданий, подчас не хотели отдохнуть или поесть, а шли скорее на концерт».

Анатолий Папанов

«Я видел, как люди после сражения совершенно менялись. Видел, как за одну ночь седали. Раньше думал, это литературный прием, оказалось — прием войны... Говорят, что человек может привыкнуть ко всему. Я в этом не уверен. К ежедневным потерям я привыкнуть так и не сумел».

Соломон Михоэлс

«Гордость, испытываемая всеми советскими людьми, это больше, чем гордость победителей. Радость, переполняющая наши сердца, значительнее, глубже и больше радости людей, вышедших из величайших испытаний и причаливающих к мирному берегу. Величайшее историческое событие окрашивает наши чувства в иной цвет, придает им новое, прекрасное и волнующее содержание... Фашистская идея господства над миром сегодня повержена в прах... Фашизм и фашисты всех мастей и оттенков провозгласили насилие своим правом... Ненависть к человеку, презрение к людям — вот что было написано на гитлеровских знаменах в эту войну, вот что означала свастика, геометрически простые прямые линии которой выражали упрощенное представление фашистов о человеке, о его чувствах, о его внутреннем мире... Какое счастье, какая радость, что человек победил «сверхчеловека», что дружба народов убила наповал национальную нетерпимость и ненависть к народам»

Из статьи «Великие события» 1 мая 1945 года

«Война в Европе окончена. Германия побеждена, разбита. Германия, пораженная, побежденная, лежит расprostертая в собственном фашистском позоре, лежит распластанная у ног победителей. Победители — это великая коалиция демократических свободлюбивых народов Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании.

Победа! Небывалая победа!.. Великий исторический смысл этой победы, что она одержана над *фашистской* Германией. Побеждена идеология насилия, идеология агрессии, побеждена гитлеровская Германия-народоубийца, Германия-рабовладелец, Германия нацизма, антиславянизма, антисемитизма, Германия «арийской» спеси. Именно эта Германия, задушившая собственный народ, поверившая своему «фюреру», будто она освобождена от груза «предрассудков» вроде совести, этики, морали, — именно эта Германия раздавлена нашей победой... Вместе с армиями победили те, против кого было направлено дуло фашизма.

Победила культура!

Не разжечь фашистам больше костров, на которых сжигались бы Гейне, Гюго и Толстой!

Не опоганить больше гитлеровскому сапогу ни Лувра, ни Ясной Поляны, ни домика Чайковского в Клину.

Победил человек! Победил обыкновенный человек с его верой в справедливость, с его чувством преданности отцу и матери, с его отцовской любовью к детям, с его совестью и моралью, с его чувством красоты и правды. Человек победил фашистского «сверхчеловека»...

Победила наука, гуманная наука, слушающая человеку...

Победила женщина, победила мать, победили святость и величие любви и весны...

Победило право и справедливость...

Победили мы! Люди!

Победил человек!»

Из статьи «Победа!» 9 мая 1945 года

Издано при поддержке
Министерства культуры РФ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Издано при поддержке
Банка ПСБ

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

№ 9–279/2025

Журнал «Страстной бульвар, 10» / Учредитель Союз Театральных деятелей РФ / Главный редактор Наталья Старосельская / Редакторы Елена Глебова, Евгения Раздирова / Дизайнер Людмила Сорокина / Адрес редакции: Россия, 107031 Москва, Страстной бульвар, 10 / Телефон/факс 8 (495) 650 3089 / E-mail 6503089@mail.ru / Журнал зарегистрирован Государственным комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации журнала «Страстной бульвар, 10» № 016382 от 18 июля 1997 года / Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения / Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов / Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам © Все права защищены / Периодичность 10 выпусков в год / Тираж 500 экз.

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

Проект Союза театральных деятелей
Российской Федерации

Фото Анатолия Гаранина. Ленинград. Октябрь, 1941

Предыдущие номера журнала
вы можете приобрести по адресу:

107031 Москва, Страстной бульвар, 10/34, стр. 1,
(495) 650-30-89, 6503089@mail.ru

ГОТОВИТСЯ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

В РОССИИ

«Старомодная комедия» в Ярославском ТЮЗе
имени В.С. Розова

«Камалил Башир» в Аварском музыкально-драматическом
театре имени Г. Цадасы (Махачкала)

«Следы на земле» в Даргинском драматическом театре
имени О. Батырая (Избербаш)

ЛИЦА

Александр Романов (Златоуст)

МИР МУЗЫКИ

«Анна Болейн» в Московском академическом
музыкальном театре имени К.С. Станиславского
и Вл. И. Немировича-Данченко

ВСПОМИНАЯ

Юрия Соломина

www.strast10.ru

Адрес редакции: Россия, 107031, Москва, Страстной бульвар, 10
Телефон/факс: 8 (495) 650 3089, E-mail: 6503089@mail.ru